

ISSN 2225-5346

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2019

Том
Vol. 10

№ 4

ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА

Вып. 1. Между миром и языком

Издательство Immanuel Kant Baltic Federal
Балтийского федерального University Press
университета им. Иммануила Канта
2019

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2019
Том 10
№ 4

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2019.
134 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56А

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6
Точка зрения авторов
может не совпадать
с мнением учредителя

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Владимир Александрович Плунгян*, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Ефим Сергеевич Фидря*, кандидат социологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Сергей Львович Фирсов*, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, кандидат философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р

Подписной индекс 36836
Тираж 120 экз.
Дата выхода в свет 30.11.2019 г.

© БФУ им. И. Канта, 2019

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2019
Vol. 10
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2019.
134 c.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56A Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Editor-in-chief; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief; Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’ (Bulgaria); Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland); Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia); Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Dr *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Mikhail A. Osadchy*, Pushkin State Russian Language Institute (Russia); Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel); Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany); Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States); Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Dr *Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Dr *Efim S. Fidrya*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Sergey L. Firsov*, Saint Petersburg State University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Философия текста (С.Т. Золян, Г.А. Тульчинский)	6
Тульчинский Г.Л. Философия текста как тексты философии	7
Клюканов И.Э. «Тяга за текст»: философские заметки.....	18
Гильманов В.Х. Книга жизни в герменевтике И.Г. Гамана	34
Лотман М.Ю. Текст в контексте Тартуской школы: проблемы и перспективы	45
Эпштейн М.Н. Текстоника. Введение в электронную филологию	59
Золян С.Т. «Все, что может быть описано, может и случиться...»: К описанию семантики текста как модели межмировых отношений	72
Азарова Н.М. Философские основания предъявления новизны в поэтическом тексте	85
Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Сказать почти то же самое»: текст как паттерн, паттерн как текст	97
Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок»).....	109

РЕЦЕНЗИИ

Henzelmann M. Die Bunjewatzen. Ein kurzer Überblick über eine ethnische Minderheit in Serbien und die Herausbildung ihrer Mikroliteratursprache. — Leipzig : Biblion Media, 2016. — 132 S. (Specimina Philologiae Slavicae; 190) (Д. Веселинов)	127
---	-----

CONTENTS

The philosophy of the text (<i>S.T. Zolyan, G.L. Tulchinski</i>).....	6
<i>Tulchinskiy G.L.</i> The philosophy of the text as texts of philosophy.....	7
<i>Klyukanov I.E.</i> 'Reaching out' beyond the text: philosophical notes	18
<i>Gilmanov V. Kh.</i> The Book of Life in the hermeneutics of Johann Georg Hamann ..	34
<i>Lotman M. Yu.</i> The text in the context of the Tartu Semiotic School: problems and prospects	45
<i>Epstein M.N.</i> Textonics: an introduction to electronic philology	59
<i>Zolyan S.T.</i> 'What can be described can happen too...': describing text semantics as a model structure of inter-world relationships	72
<i>Azarova N.M.</i> A philosophical framework for presenting novelty in a poetic text.....	85
<i>Tsvigun T.V., Chernyakov A.N.</i> <i>Experiences in translation: the text as a pattern, the pattern as a text</i>	97
<i>Krongauz M.A.</i> Text reinterpretation and the motif of transformation in a short form of Internet poetry (<i>poroshok</i>).....	109

REVIEWS

Henzelmann M. Die Bunjewatzen. Ein kurzer Überblick über eine ethnische Minderheit in Serbien und die Herausbildung ihrer Mikroliteratursprache. – Leipzig : Biblion Media, 2016. – 132 S. – (Specimina Philologiae Slavicae; 190) (<i>D. Vesselinov</i>).....	127
--	-----

ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА

Философия языка есть преимущественно философия слова или философия речевой деятельности. Однако при том, что и в русистике центральное место занимает философия слова, именно в отечественной филологии и философии – в работах М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Т. М. Дридзе, Ю. М. Лотмана, В. Я. Проппа, А. М. Пятигорского – были достигнуты результаты в области изучения текста, во многом определившие развитие гуманитарного знания в XX веке.

Редакция нашего журнала предлагает читателям и авторам продолжить обсуждение этой фундаментальной тематики. Какой предстает философия языка, если в качестве ее основного героя будет выступать не слово или речевой акт, а текст? Возможна ли отличная от философии слова и речевых актов новая альтернатива – философия текста?

Предполагается сосредоточиться на рассмотрении следующих вопросов:

- логико-семантические и когнитивные характеристики текста;
- общие вопросы текстуальности и интертекстуальности;
- процесс формирования смысловых структур текста в различных контекстах;
- текст как определенная структура хранения, передачи и трансформации знания;
- методологические аспекты типологии текстов и дискурсов;
- генерация новых структурных типов текста, взаимодействие различных форм и практик текстопорождения;
- механизмы структурирования смысла в тексте.

Главная тема, которой мы открываем это обсуждение – механизмы формирования, трансформации и интерпретации семантических структур текста в коммуникативном контексте. По техническим причинам публикации распределены по двум выпускам. В первом, «Философия текста. Между миром и языком», помещены статьи, сосредоточенные на общетеоретической проблематике. Во втором выпуске, «Философия текста. Взаимодействие текстов и структур в процессе коммуникации», который планируется к выходу уже в следующем году, общая проблематика конкретизируется путем демонстрации конкретных практик текстопорождения и создания новых форм. Редакторская работа над выпуском осуществлялась в рамках проекта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках», реализуемого в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

*Сурен Золян,
главный редактор*

*Григорий Тульчинский,
приглашенный редактор номера*

ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА КАК ТЕКСТЫ ФИЛОСОФИИ

Г. А. Тульчинский^{1, 2, 3}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
190008, Россия, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, 16

³ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

Поступила в редакцию 03.08.2019 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1

Концептуализация философии текста предполагает выработку предварительного представления о способах текстовой презентации самой философии. При этом сами философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае по эпохам и культурно-этническим факторам. В этой связи представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, а взглянуть непредвзято на само реальное бытование философствования. С таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих «семейства языковых игр» Л. Витгенштейна. Философия суть универсальное, предельное осмысление мира, общества, человека, его самоопределения в этой действительности. В таком осмыслении само бытие предстает как текст. При этом философствование реализуется в различных формах текстуализации, которые стали предметом рассмотрения в данной статье. Вербальная текстуализация (однословия, паремии, афористика, притчи, развернутые сюжеты, герменевтические интерпретации, концептуальные системы) не исключает визуальную, поступочную текстуализацию, их взаимный перевод. Философия способна принимать самые разные обличья, она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения. Поэтому вряд ли можно считать обоснованными претензии какого-то одного способа текстуализации философствования на исключительность и общезначимость.

Ключевые слова: афоризмы, герменевтика, осмысление, паремии, притчи, проективный словарь, сюжетное философствование, философия, философские системы, философствование.

Философию текста трудно концептуализировать без выработки предварительного представления о способах текстовой презентации самой философии. Тем более что сами философские взгляды с трудом поддаются классификациям и систематизациям — в лучшем случае по эпохам и культурно-этническим факторам. Всякие другие классификации и рационализации есть огрубление одних концепций в рамках других, их неизбежное искажение. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вме-

сте, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

Исходя из этого, представляется плодотворным и оправданным не строить различные рационалистические конструкции, не изоциряться в решении вечной проблемы дефиниции философии, а взглянуть непредвзято на само реальное бытование философствования. С таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, схожих с «семействами языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа кольчуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них — но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен.

В этой связи особый интерес представляют возможности смыслообразования, которые открывают средства коммуникации современного «информационного массового общества», реализующие практику перманентной всеобщей доступности, включенности в коммуникацию и одновременно дивергенцию точек зрения, подходов, мнений. Тем более это актуально применительно к философскому осмыслению, тяготеющему к всеобщности и универсальности. Поэтому попытки, а тем более практики раскрытия и реализации этих возможностей не могут рассматриваться иначе как фронтиром современной философии — как в концептуальном, так и в социальном ее плане.

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры. Будучи выражением мировоззрения и миропонимания, если не мироощущения, любая философия есть попытка осмысления мира, человека и его места в мире. Круг «философиеобразующих» вопросов хорошо известен: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? что такое человек? что происходит в момент смерти? почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. Из этого следует, что философия в принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле science, и это несмотря на возможность самых наукообразных и рациональных форм философского осмысления.

Реальные предметы можно увидеть, потрогать, изучить с помощью специальных приборов. Реальные вещи и процессы и составляют пред-

мет science. Но кто и когда видел истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые? Кто, где и когда видел мир вообще, как таковой, его первопричину? Все они суть абстракции, еще точнее — культурные смыслы, задающие контекст конкретных интерпретаций.

Смысл слова уясняется из контекста предложения, смысл предложения — из контекста текста. Аналогично невозможно дать ответ на вопрос о смысле жизни, оставаясь в границах самой жизни. И тогда смысл жизни оказывается связанным жизнью иной, с Богом, историческим прогрессом, воплощением определенной идеи, последующими поколениями, всем тем, что превосходит жизнь отдельного человека. Но в своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего». Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора своего идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысложизненное оправдание. Всякая философия так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство, очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование как самоопределение в конечном счете есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколь бы ни стремился мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби в бытии», как говорил М. М. Бахтин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии. Философия, как всякое рациональное осмысление, есть позднейшая рационализация пройденного пути. Она объясняет смысл ситуации, в которой находится субъект — не более. Но и не менее.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле как универсальное, предельное самоопределение философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным, как само это бытие, способом реализации свободы самоопределения.

Но тогда как реализуется философствование? В каких осмысляющих нарративах выражается? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным канонem — идеал, к которому стремится практически каждое учение. Достигим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в поговорках, пословицах, поговорках, инвективах и т. п. — представлены осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское». Или: «езде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет». И подобных примеров — великое множество. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а, наоборот, укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его противоречивая полнота есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически, нарративно между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — нарратив личной биографии мыслителя. Поэтому наиболее развитую форму паремиологического философствования представляют дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма). Они могут разрастаться в назидания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как, скажем, в творчестве Платона, М. де Унамуно, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. Ф. Лосева, могут иметь са-

мостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения и наррации.

Общую черту паремиологического и сюжетного философствования составляет необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, Вольфа. Различия заключаются в степени упорядоченности таких нарративов. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором. Дополнительные возможности дают многообразные способы «непрямого говорения», систематизированные Л. А. Гогтишвили (Гогтишвили, 2007).

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Р. Декарта и Б. Спинозы до И. Г. Фихте и Г. В. Ф. Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Благодатный материал исследования различных жанров нарративного философского творчества, их взаимодействия и взаимопереходов дает наследие А. Ф. Лосева. Уже на примере этих форм вербального выражения, словесного философствования видно богатство философской палитры.

Опыт показывает, что существует и невербальное философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений, визуальных образов. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. И не обязательно это будут словесные их описания. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений — и даже склонность к вполне определенным фигурам (треугольникам, кругам, прямоугольникам, стрелкам и т. д.) могут многое сказать о способе и стиле фило-

софствования. Недаром в свое время П. А. Флоренский задумал даже создание *Symbolarium'a* — словаря иконических знаков-символов и их смысловой палитры, включающего от точки до сложных фигур и конфигураций (Флоренский, 1971).

Особая проблема — перевод вербальных способов философствования в визуальные и наоборот. Речь идет не только о дидактических целях такого перевода вроде проблемы наглядности в преподавании. Ф. Бэкон считал, что задача философии состоит в обнаружении «скрытого схематизма» явлений (Бэкон, 1978, с. 86). И наглядные образы, метафоры, модели могут не только иллюстрировать словесно выраженную мысль, но и предшествовать ей. Вербализация может быть описанием осознанного схематизма, быть вторичной. Поэтому систематическое взаимодействие и взаимоперевод — самостоятельный стимул и фактор развития философской мысли.

Нетривиальным способом философствования является жанр «проективного словаря» (Тульчинский, Эпштейн, 2003) — жанр философствования, пожалуй, еще более радикально фрагментарный, чем паремнологический, и при этом чрезвычайно репрезентативный, концептуально целостный и связный. Но не сводящий все к неким исходным понятиям (как в гегелевской «Энциклопедии философских наук»), а порождающий возможности новых смыслообразований. Речь идет о словаре принципиально нового типа — философствовании словами, терминами как квинтэссенцией осмысления и смыслообразования, причем сведенными в систему.

Во-первых, обычно словари и энциклопедии содержат термины, которые уже употребляются в обыденном или профессиональном дискурсе. В словарях эта практика употребления закрепляется. В *проективном словаре* представлены термины, которые либо впервые предлагаются автором для употребления, либо являются привычными, однако получают новые, нетрадиционные толкования, наполняются существенно иным понятийным содержанием. Иначе говоря, такой словарь не регистрирует, а проектирует дискурсивные тенденции, открывая «окна» концептуальных и терминологических возможностей. Весь словарь в целом — это своего рода нарратив, переходящий в перформатив. Последний, как известно, отличается от констатирующих описаний тем, что осуществляет то, о чем сообщает, самим фактом высказывания. Такие высказывания, как «обещаю» или «договорились», сами вводят в действие то, о чем говорят. Аналогично и проективный словарь, сообщая о предлагаемых терминах и их содержании, самим фактом сообщения стремится ввести их в интеллектуальные практики. В этом плане проективный словарь — своеобразный перформативный жест, поступок в сфере языка и культуры.

Во-вторых, словари (тем более дисциплинарные, не говоря об энциклопедических) обычно являются итогом коллективной работы, обеспечивающей максимально возможную полноту содержания. В данном же случае словарь акцентированно и демонстративно авторский, причем в двойном смысле: все статьи в нем написаны одним автором, и большинство концептов и терминов в этом словаре принадлежит ему

же. Это словарь не только проективный, но и буквальном смысле слова персонологический, поскольку автор статей выступает как мыслящая персона, делящаяся собственными терминами и понятиями, а не описывает и систематизирует введенные другими авторами.

И такая персонологичность тоже достаточно философична. Терминообразование всегда играло особую роль в философии, занятой поиском таких понятий и терминов, которые освобождают мысль от плена повседневного языка и предрассудков здравого смысла. Мышление невозможно без своего языкового выражения, а творчески мыслить — значит заново создавать язык, очищенный от обыденных значений, автоматизмов здравого смысла, остраивающий их. При этом философ может пользоваться словами, уже существующими в языке, придавая им новый фундаментальный смысл, то есть творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. *Идея Платона, вещь-в-себе И. Канта, диалектика, отрицание и снятие Г.В.Ф. Гегеля, позитивизм О. Конта, сверхчеловек Ф. Ницше, интенциональность и эпохе Э. Гуссерля, здесь-бытие и временение М. Хайдеггера, многоголосие, участность, вненаходимость, не-алиби в бытии М.М. Бахтина, различание Ж. Деррида* — именно в таких новых словах (новых по своему составу или только по смыслу) интегрируется целая новая система мышления.

Придумывание экзотических словечек не является самоцелью для автора проективного словаря. Главное даже не в самих терминах — они становятся поводом для рассуждений, порождения нового дискурса. Словарь представляет собой именно опыт гипотетического дискурса, так сказать, рассеивания тех понятий-семян, которые могут дать всходы в новой генерации тематизаций, концептуализаций и операционализаций. Можно воспользоваться метафорой В.В. Розанова и говорить об «эмбрионах» новых мыслей и концептов.

Несмотря на то что словарные статьи в упомянутой практике носят авторский характер, их оформление унифицировано и единообразно. Русское написание термина дается с указанием ударения, приводятся перевод на английский и этимология, дается дефиниция. В тексте каждой статьи выделены другие термины, содержащиеся в словаре, к которым дана отсылка. В конце каждой статьи приводятся сноски к цитатам и список работ к данному термину. Словарные статьи группируются по разделам: от общих вопросов гуманистики в целом — к философии и таким ее разделам, как онтология (бытие и мир), эпистемология (мышление и познание), модальность (потенциальность и творчество). Рассматриваются центральные темы гуманитарных исследований: время и история, религия, личность и этика, культура и эстетика, литература, текст, язык. Последние разделы посвящены тематике, на материале которой гуманитаристика пересекается с тематикой других дисциплин — биологических, социальных, технических (жизнь и тело, общество и политика, техника и информатика). Указываются тематические группы терминов, такие как дисциплины, интеллектуальные направления и мировоззрения, художественные и литературные жанры, приемы, политические режимы, практики и проекты, типы текстов и слов.

Ряд словарных статей непосредственно ориентирован на интеллектуальные, культуральные, технические, социальные процессы, характерные для начала III тысячелетия и требующие новых способов осмысления и артикуляции. Так, в недавнем проекте М.Н. Эпштейна даются определения таких терминов, как *интелНет*, *инфиниция*, *кенотип*, *культуроника*, *скрипторика*, *текстоид*, *тривиалогия*, *унитекст*, *эротема* и других, которые раньше не использовались никем, кроме автора (Эпштейн, 2017). Именно благодаря словарю М.Н. Эпштейна эти термины могут войти в профессиональное обращение, получить дополнительную разработку, расширить возможности анализа. Некоторые из терминов, приведенных в словаре, уже были использованы в авторских публикациях. *Метареализм* (творческое движение конца прошлого века), *транскультура* (пространство встречи разных культур), *видеократия* (власть визуальных образов), *хроноцид* (упразднение времени в тоталитаризме и постмодернизме как концепциях) активно входят в обиход гуманитарных наук в России и за рубежом, что свидетельствует об их эвристическом потенциале.

Новая интерпретация предлагается некоторым обыденным понятиям, таким как *веселье*, *выверт*, *глубина*, *душевность*, *игра*, *интересное*, *любовь*, *молчание*, *мудрость*, *обаяние*, *смысл*, *событие*, *упаковка*, которым придается новый терминологический статус. И это одна из задач проективного словаря — артикуляция подобных пробелов в терминологии гуманитарных наук, введение в нее таких понятий, которые раньше воспринимались как слова повседневного языка, чье значение понятно интуитивно.

Особое внимание уделено расширению механизма терминообразования, выходу за рамки практики, когда терминами выступают исключительно существительные. Глаголы, предлоги, другие служебные части речи обладают существенным потенциалом выражения концептуального содержания. И проективный словарь пытается восполнить этот пробел и ввести в терминологический обиход понятия, выраженные глаголами и другими частями речи, элементами слова. Так, самостоятельные статьи посвящены концептам, выраженным глаголами (*божествовать*, *обытийствовать*, *особытнить*, *смертствовать*), прилагательными и причастиями (*древностное*, *существуемое*), предлогом *в*, артиклем *the*, местоимениями, приставками (*амби-*, *гипер-*, *гипо-*, *нега-*, *недо-* и *прото-*), суффиксами (*-остн-*), знаком пробела.

Проективный словарь можно читать как единый гипертекст. При этом указания и ссылки в статьях выводят в «засловарье» — внешний по отношению к словарю круг работ автора, расширяя масштаб концептуальной целостности всего проекта.

Как неоднократно замечает М.Н. Эпштейн, задача, достойная современного философа, — не переделывать мир, а открывать его возможности, потенцировать бытие. Поэтому гуманитарий и интеллектуал наших дней не столько строит объяснения, наивно сводя все разнообразие к чему-то одному, какому-то первопринципу, не разрабатывает идеологии и программы преобразований, а в первую очередь открывает и умножает возможности бытия и его осмысления. Сегодняш-

ний гуманитарий — потенциатор бытия, тот, кто открывает новые возможности культуры. Пример работы именно в этом направлении и дает сам М.Н. Эпштейн, открывающий своим проективным словарем целый портал возможностей. Такой словарь, по сути дела, — порождающая модель, латентно содержащая энергетику расходящихся векторов дальнейшей работы, которые могут иметь противоположную направленность, воплощать разные концепции, защищать разные позиции, но при этом использовать общий терминологический и концептуальный ресурс.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью воплощающих ценностную норму. Иногда поступки, жизненный путь философа — как в случае А.Ф. Лосева, Г.Г. Шпета, братьев Бахтиных — дополняют его философствование, помогают его пониманию.

Возможно, существует философское осмысление, основанное на висцеральных источниках информации. По крайней мере, в мировоззрении и миропонимании П.Я. Чаадаева, по его собственным свидетельствам, играли заметную роль пищеварительные и другие обстоятельства внутреннего самочувствия (Чаадаев, 1991, с. 18–64).

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованны претензии какого-то одного способа текстуализации философствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения его концептуальное разнообразие?!

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

- Бэкон Ф. Соч. : в 2 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2.
Гогтишвили Л.А. Непрямое говорение. М. : Языки славянских культур, 2007.
Тулчинский Г.Л., Эпштейн М.Н. (ред.). Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. СПб. : Алетейя, 2003.
Флоренский П.А. Symbolarium (Словарь символов). Предисловие // Труды по знаковым системам. [Сб.] 5. Тарту : ТГУ, 1971. С. 521–527.
Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 2.
Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : НЛЮ, 2017.

Об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург); исполнитель проекта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках», Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gtul@mail.ru

Для цитирования:

Тульчинский Г.Л. Философия текста как тексты философии // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 7–17. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1.

THE PHILOSOPHY OF THE TEXT AS TEXTS OF PHILOSOPHY

G. L. Tulchinskiy^{1, 2, 3}

¹ St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg, 199034, Russia

² Higher School of Economics' National Research University

16 Soyuz Pechatnikov St., St. Petersburg, 190008, Russia

³ Immanuel Kant Baltic Federal University

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russia

Submitted on August 3, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1

The conceptualization of the philosophy of the text requires a preliminary idea about the ways of the textual presentation of philosophy as such. At the same time, philosophical views per se are difficult to classify and systematize – at best, they are arranged by eras and cultural-ethnic factors. In this regard, it seems fruitful and justified not to build various rationalistic constructions but to take an open look at the very existence of philosophizing. From such perspectives, philosophy appears not so much a single, monolithic, and strictly ordered system as a 'system of systems' that are interrelated, interconnected, and reminiscent of Ludwig Wittgenstein's 'family of language games'. Philosophy is a universal, ultimate understanding of the world, society, human beings, and their self-determination in this reality. In this interpretation, being in itself appears as a text. Philosophizing as such is realized in various forms of textualization, which are the focus of this article. Verbal textualization (single words, paremia, aphoristics, parables, detailed plots, hermeneutic interpretations, conceptual systems) does not exclude visual, activity-driven textualizations and their mutual translations. Philosophy is capable of taking on diverse, dissimilar forms. It is as diversified as the paths of human self-determination, self-awareness, self-explanation, and self-justification. Therefore, the claims to exclusiveness and validity of any one way to textualize philosophizing do not seem justified.

Keywords: *aphorisms, hermeneutics, comprehension, paremia, parables, projective dictionary, subject philosophizing, philosophy, philosophical systems, philosophizing.*

References

Bacon, F., 1978. *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in two volumes]. Vol. 2. Moscow: Mysl' (in Russ.).

Gogotishvili, I. A., 2007. *Nepryamoe govorenie* [Indirect speaking]. Moscow: Yazyki slavyanskich kul'tur (in Russ.).

Tulchinskii, G. L., Epstein, M. N., eds., 2003. *Proektivnyi filosofskii slovar'. Novye terminy i ponyatiya* [Projective philosophical dictionary. New terms and concepts]. St. Petersburg: Aleteia (in Russ.).

Florenskii, P. A., 1971. Symbolarium (Dictionary of characters). Foreword. In: *Trudy po znakovym sistemam* [Works on sign systems]. Vol. 5. Tartu: TGU, pp. 521–527 (in Russ.).

Chaadaev, P. J., 1991. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma. V dvukh tomakh* [Complete works and selected letters. In two volumes]. Vol. 2. Moscow: Nauka (in Russ.).

Epstein, M. N., 2017. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective Dictionary of Humanities]. Moscow: NLO (in Russ.).

The author

Prof. Grigoriy L. Tulchinskiy, Saint Petersburg State University; Saint Petersburg branch of the 'Higher School of Economics' National Research University; Immanuel Kant Baltic Federal University (Russian Science Foundation project No. 18-18-00442), Russia.

E-mail: gtul@mail.ru

To cite this article:

Tulchinskiy, G. L. 2019, The philosophy of the text as texts of philosophy, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 7–17. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-1.

«ТЯГА ЗА ТЕКСТ»: ФИЛОСОФСКИЕ ЗАМЕТКИ

И. Э. Клюканов¹

¹ Восточный университет штата Вашингтон
99004, США, Чини (Вашингтон), 5-я улица, 526
Поступила в редакцию 12.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2

В статье определяется понятие текста и кратко обсуждаются связанные с ним понятия речи и дискурса. Показано, как текст рассматривается в рамках гуманитарных наук, при этом особое внимание уделяется структурно-семиотическому и герменевтическому подходам. Отмечаются как отличия этих подходов друг от друга, так и то общее, что можно увидеть в их осмыслении текста. Постулируется, что философский подход стремится к наиболее максимальному выходу за текст, но не уходу от текста. Гуманитарный и философский подходы к тексту разграничиваются на основании их разных методов. Особо отмечается синтезирующая роль языка при философском подходе к тексту. В заключение предлагается обратить внимание на «науку о коммуникации», в рамках которой осмысляется сообщение в целом.

Ключевые слова: текст, семиотика, герменевтика, философия, феноменология, метод, язык.

1. Понятие текста все больше привлекает внимание философов, получая при этом, однако, самые различные осмысления. Так, оно выступает синонимичным понятию «слово», когда обсуждается «существование слова (текста)», а также рассматривается в виде «некой априорной идеи (пратекста)» (Соболевская, 2004, с. 266). Текст трактуется как «диалог между автором, читателем и культурным контекстом» (Руднев, 1997). Иногда вся философия рассматривается как вербальный текст (Дурилов, 2019). В то же время утверждается, с одной стороны, что «философию можно назвать искусством работы с текстами» (Кудряшов, 2018), а с другой — что «философия изучает не тексты, а отношение к текстам» (Качай, 2017). Кроме того, в ряде работ наряду с текстом говорится о философском дискурсе: так, Б. Гройс пишет, что философия может быть охарактеризована как производство, распространение и потребление дискурса, создающего эффект универсальной самоочевидности, указывая при этом, что данный эффект должен исходить из философских текстов (Groys, 2012). Учитывая подобный разнородный осмыслению текста, можно с сочувствием отнестись к утверждению, что, хотя «в современной философской мысли понятие “текст” приобрело исключительно важное и широкое значение», однако «этим словом может быть поименована практически каждая вещь, попадающая в сферу внимания современного мыслителя» (Анисин, 2002). Необходимо, таким образом, определить понятие текста и ряд понятий, с ним связанных.

2. В каждой ситуации мы имеем дело с речевыми актами, каждый из которых — конкретное высказывание, «индивидуальный акт воли и понимания» (Соссюр, 1933, с. 19). В отличие от речи, которая всегда индивидуальна, дискурс носит intersубъективный характер. Можно считать, что истоки дискурса — в межличностном общении, парадигматическим случаем которого выступает диалог. В то же время важно помнить, что дискурс носит социальный характер; когда дискурс определяют как речь, погруженную в жизнь, то под «жизнью» здесь следует иметь в виду прежде всего общественную жизнь, так как «его характерной чертой является существенная политическая, социальная и моральная нагруженность» (Касавин, 2008, с. 354). Дискурс — это прежде всего обмен мнениями, открытый анализу и оценке со стороны. Именно в процессе дискурса принимаются или отвергаются те или иные нормативные установки и устанавливаются правила общественного поведения. В этом смысле то, что Юрген Хабермас называет «идеальной речевой ситуацией», на самом деле — сфера дискурса.

В отличие от речи (как индивидуальных актов) и дискурса (как социального процесса дискутирования), текст — это «безлично-объективистское повествование, уже отчужденное от автора» (Касавин, 2008, с. 362). О подобном отчуждении от автора говорил Платон, критически относясь к письму. Соответственно, «понятие текста в строгом смысле неприменимо к условиям бытования устных... жанров словесности. В фольклоре нет фиксированных текстов как таковых, поскольку песни и сказки, передаваясь из уст в уста, трансформируются в ходе их восприятия и распространения» (Эпштейн, 2017, с. 417). Так, говорят об «устных преданиях» (Авдеев, 2009, с. 119), а не о текстах; здесь слово «предание» хорошо передает то, что подобная словесная форма еще не является полностью отчужденной от автора, поскольку означает переходящий от поколения к поколению рассказ о былом, предполагающий личностные аспекты повествования. Текст, в свою очередь, принято осмысливать как «графически зафиксированное» (Лотман, 1994, с. 203) смысловое целое, например художественное произведение. Учитывая различные способы фиксации, следует рассматривать текст как цепочку знаков, объединенных различными видами связи (лексической, грамматической, логической) в некое смысловое целое и зафиксированное на каком-то «материальном носителе» (Алексеев, 2006, с. 16).

3. Текст традиционно считается основным объектом изучения гуманитарных наук. Гуманитаристика — «это цикл наук, ориентированных больше на изучение текстов, чем людей и сообществ, стоящих за этими текстами» (Поселягин, 2012). В этом плане, например, «филология... область гуманитарного знания, имеющая своим непосредственным объектом главное воплощение человеческого слова и духа — текст» (Степанов, 1997, с. 592). Гуманитаристика изучает процесс культивирования человека — то, как создается и что собой представляет культура. Гуманитарные науки изучают различные произведения, созданные человеком, а поскольку «дух не может быть дан как вещь», то о нем можно говорить «только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» (Бахтин, 1979, с. 283). Иными словами, дух — это произведение (для) человечества.

Разумеется, произведениями следует считать не только произведения так называемых «художественных искусств», но любые произведения, в которых живет человеческий дух. В этом смысле интерес для гуманитарных наук представляют произведения как Микеланджело, так и Ньютона (ср. McKeon, 1994, p. 5). Например, «когда у Бора спрашивали, может ли алгоритм квантовой механики рассматриваться как в какой-то мере отражающий лежащий в основе квантовый мир, Бор отвечал: “Нет никакого квантового мира. Есть только абстрактное квантово-физическое описание. Неверно думать, что задача физики состоит в том, чтобы открывать, что собой представляет природа. Физику интересуется, что мы можем сказать о природе”» (см.: Petersen, 1985, p. 305). Если же, как это делает Ж. Деррида, расширить понятие текста до понятия письма, которое всегда предстает онтологически иным, то текст можно представить как ткань, состоящую из различающихся следов: тогда всю культуру можно рассматривать как один постоянно переписываемый текст.

4. Несмотря на фиксированный характер текста, даже при структуралистском взгляде, который, казалось бы, должен быть направлен на выявление его внутреннего устройства, часто «текст мыслится не как некоторый стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции» (Лотман, 1992, с. 179). При таком подходе текст предстает уже в виде отношения «между адресатом, адресантом, сигналами текстуальности и системой» (Золян, 2016, с. 74). В этом же духе один из основных пунктов философии текста, который мы находим в «Словаре культуры XX века», звучит следующим образом: «текст не описывает реальность, а вступает с ней в сложные отношения» (Руднев, 1997, с. 305). Тем самым внимание исследователей выходит за рамки простого наблюдения того, как «физико-биологический слой фактов, присутствующий в тексте» позволяет увидеть роль факторов, «детерминирующих устройство и функционирование текста» (Манаков, Москальчук, 1999, с. 21), таких, например, как повторяемость, ритмичность и пропорциональность (Москальчук, Манаков, 2014). Текст понимается уже не просто как смыслопорождающий механизм, а как организм и «мыслящее устройство» (Золян, 2016, с. 87). В этом плане «философию текста» можно представить как способность текста философствовать, в отличие, например, от «лингвистики текста», поскольку текст не может *лингвистировать.

Такое осмысление природы текста основывается прежде всего на структурно-семиотических идеях Ю. Лотмана, поскольку он «парадоксальным образом переворачивает привычные представления: уже не текст отражает работу ‘вырабатывающего сообщения’ сознания адресата, а, наоборот, адресат, подключаясь к тексту, приводит в действие сознание» (Золян, 2016, с. 87). Между тем Ю. Лотман отмечал, что «текст предстает перед нами не как реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые» (Лотман, 1992, с. 132). Как мы видим, речь идет не столько об организме, который мыслит (создает смыслы), сколько об устройстве, кото-

рое хранит и трансформирует различные коды. Подобное «переворачивание привычных представлений» мы находим и у Ч. Пирса, который выделял интерпретанту как иной способ представления объекта, благодаря чему процесс семиозиса приобретает характер бесконечного взаимоперевода знаков, то есть как бы некое «мыслящее устройство». Между тем следует помнить, что «интерпретанта это не интерпретатор, т. е. тот, кто получает и толкует знак» (Эко, 1998, с. 53). Именно поэтому У. Эко сравнивает текст с ленивой машиной, которая требует от читателя приложить усилия для того, чтобы она работала: иными словами, только так текст (а на самом деле — «тот, кто получает и толкует знак») осуществляет интерпретацию (Есо, 2011, р. 38).

5. Итак, текст не только подлежит анализу, но и предполагает интерпретацию. Герменевтический подход обычно связывают с исследованием письменных текстов, в отличие от риторики, истоки которой лежат в изучении устного обращения к аудитории. Соответственно, если объект социальных наук — это дискурс, который не может быть частным, то природа письма лежит в основе гуманитарных наук, которые изучают тексты.

Можно вспомнить, что письмо с самого начала использовалось не только в общественных целях (например, для записи законов), но для сугубо частных нужд, ср. различные посвящения, проклятия, надписи на надгробьях, граффити и т. д. (Lewis, 1996, р. 126).

Герменевтика как таковая восходит к операциям комментирования уже существующего текста. Так, начиная со Средних веков тексты Священного Писания как *Sacra Pagina* стали включать диакритические комментарии, целью которых было способствовать пониманию отдельных слов и фраз. Подобные комментарии требовали знаний грамматики, риторики и т. д.: так стали оформляться свободные искусства, предполагавшие уже описание как попытку понимания текста (Jaroszynski, 2007, р. 87). С герменевтической точки зрения текст становится значимым лишь в процессе его активной и всегда культурно обусловленной интерпретации. В этом плане известную формулировку Ж. Деррида «Нет ничего вне текста» можно уточнить: «Нет ничего вне *интерпретации* текста». Не случайно, кстати, самого Ж. Деррида считают «всеохватывающим толкователем» («a comprehensive hermeneuticist») (Smith, 2006, р. 39).

Принято считать, что интерпретация носит форму диалога читателя с текстом: только так мы можем понять других людей и себя, а значит, что такое человек в целом. Между тем интерпретация как диалог — это стертая метафора: дело в том, что текст (как опосредованный смысл) отчужден от автора и поэтому недоступен для вопрошания. Как говорил Сократ о письменных сочинениях, мы лишь думаем, «будто они говорят как разумные существа» (Платон, Федр, 275e). Можно упомянуть критику «диалогизма», который якобы имеет место между текстом и его интерпретатором. Например, для М. Гаспарова диалогично только незафиксированное слово; поэтому он критически относился к понятию диалогизма применительно к идеям М. Бахтина (Гаспаров, 2004). Когда говорят, например, о «диалоге с Пушкиным» или «диалоге меж-

ду культурами или эпохами», то это следует понимать скорее метафорически. Живой диалог может быть с тем, кого можно о чем-то спросить и кто может нам ответить; между дискурсом (как проявлением социума) и текстом (как выражением культуры) есть существенное различие: «чтобы понять дискурс, можно задать вопрос говорящему», тогда как «понимание... текста требует “вопрошания контекста”, контекстуализации письма» (Касавин, 2008, с. 362).

6. Структурно-семиотический подход может привести к трактовке текста как смыслопорождающего организма. Показательно, что пишет об идее культуры как совокупности текстов А. Пягигорский, который принял участие в ее разработке: «В процессе разработки этой идеи стало возможным говорить не только, скажем, “как я понимаю культуру” (о чем говорилось и раньше), но и о том, как одна конкретная культура понимает другую или саму себя. Сейчас я думаю, что эта именно не осознаваемая нами тогда онтологизация метода неизбежно должна была нас привести к натурализации объекта — пределом чего и явилась лотмановская идея семиосферы» (Пягигорский, 1996а, с. 55). Герменевтический подход, в котором акцент делается на «понимающем я», также исходит из тех смыслов, которые заложены в тексте. Между тем, как замечает М. Мерло-Понти, «филологический анализ текстов ни к чему не приведет: в текстах мы находим лишь то, что сами в них вложили» (Мерло-Понти, 1999, с. 2). Путем интерпретации текстов мы всегда находим там себя как иного (или же иного как себя); в результате такой интерпретации мы понимаем, что представляет собой проживаемая той или иной культурой жизнь. Таким образом, оба подхода, несмотря на ценность каждого и отличия друг от друга, имеют нечто общее, поскольку принимают текст как данность.

Соответственно, следует обратить внимание на попытки преодолеть подобную наивность естественной установки сознания, то есть как можно более максимальный выход за текст (но не уход от текста). Так, в работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа», отмечая важность текста как непосредственной действительности, М. Бахтин пишет: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной специальный анализ (исследование)» (Бахтин, 1979, с. 281). Важно, однако, не только трактовать философский подход от противного, то есть на основе отличий от других наук, но и осмыслить его в положительном плане, то есть на основе его самоидентичности как сходства с самим собой. Подобную сущность философии в самом общем виде можно представить «как критическую работу мысли над собой» (Фуко, 2004, с. 140); в этом плане философским является феноменологический анализ, который обращается к самому сознанию как сути нашего жизненного мира: каждый наш опыт — это прежде всего акт сознания не как проживание, а как переживание жизни.

Данный подход, который наиболее систематически разработан Э. Гуссерлем, мы находим у ряда его предшественников (как ученых,

так и философов), которые обращались к вопросам метафизики бытия и познания (Тульчинский, 2010, с. 33). Так, Ф. Бэкон разработал свое учение об «идолах» на основе феноменологического анализа текстов английских законов (Wheeler, 1999). Подобно тому как достигается истина в суде, наука должна представлять собой совокупность «испытанных» суждений о реальности. Задача науки – очистить наше восприятие от всяких «идолов»: только такое научное знание можно считать «чистым опытом». И. Кант смог разработать свою критику чистого разума, лишь оценив важность феноменологии, которая предохраняет науку от ограниченности и несовершенства чувственного знания. В одном из писем к И.-Г. Ламберту он писал: «метафизике должна предшествовать особая, впрочем чисто негативная, наука (*phaenomenologia generalis*), в которой будут определены значимость и границы принципов чувственности, дабы предотвратить их воздействие на суждения о предметах чистого разума» (Кант, 1980, с. 522). «Негативность» науки здесь следует рассматривать не как «разрушающую» деятельность, а, наоборот, как конструктивную работы мысли, направленную на определение основоположений науки. Философия, по словам Л. Витгенштейна, «призвана определить границы мыслимого и тем самым неммыслимого. Неммыслимое она должна ограничить внутри через мыслимое» (Логико-философский трактат, 4.114).

Таким образом, философия идет дальше, чем структурно-семиотический анализ текстов или их герменевтическая интерпретация, обращаясь к выявлению наиболее «чистого опыта» самого сознания. С этой точки зрения, как отмечает А. Пятигорский, текст в своем феноменологическом аспекте предстает как первичный объект, на который направлено наше сознание и который видится как он есть; «или, выражаясь точнее, понятие текста в этом случае может быть сведено к понятию способа, при помощи которого сознание, когда оно становится “сознающим что-либо”, объективизирует себя в конечных, дискретных и отдельных целых величинах, называемых “текстами”» (Пятигорский, 1996б, с. 56). Разумеется, иногда трудно поместить некоторых мыслителей в ряд или гуманитариев, или философов. Тем не менее в большинстве случаев, направляя наше сознание на творчество того или иного мыслителя как на целостный объект, мы можем выявить их сущность такой, какая она есть. Отмечают, например, что «Лотмана... можно считать представителем специфической русской метафизики, определить метод и направление которой невозможно» (Шелковников, 2012, с. 19). Но если метод и направление данной метафизики определить невозможно, то на каком основании Ю. Лотман считается ее представителем? Скорее всего, отнести Ю. Лотмана к философам затруднительно, поскольку он был по существу своему литературоведом, культурологом и семиотиком, как его традиционно и определяют в большинстве статей биографического характера. Когда же речь идет о М. Бахтине, отмечают, что его исследовательские интересы были связаны с «философскими основаниями гуманитарных наук и границами науки и философии в гуманитарном исследовании» (Попова, 2004, с. 103), а также

указывают на феноменологичность его идей (Микешина, 2017, с. 404). Не случайно М. Бахтин чаще всего считается в работах о нем философом, литературоведом и теоретиком культуры.

Важно также помнить, что «феноменологический мир не есть разъяснение предустановленного бытия, это основание бытия; философия не есть отражение предустановленной истины, это, как и искусство, осуществление истины... Никакая объяснительная гипотеза не может быть яснее, чем само действие, в котором мы принимаем незавершенный мир, пытаюсь размышлять о нем и придавать ему целостность» (Мерло-Понти, 1999, с. 21). Тот способ, при помощи которого сознание становится «сознающим что-либо», — это прежде всего действие, в идеале направленное на слияние с миром. Именно о таком действии, как представляется, пишет М. Бахтин в «Философии поступка». Если в работах Ю. Лотмана мы находим взгляд, как бы более направленный на тексты со стороны, включая (глубокие) объяснения отраженного в них бытия, то в центре внимания М. Бахтина — категория поступления-поступка как «некая установка сознания, структура которой и будет нами феноменологически вскрыта» (Бахтин, 1994, с. 14), при этом отмечается, что «все, даже мысль и чувство, есть мой поступок» (Там же, с. 14), то есть, по сути, говорится об отождествлении себя с действием. Философия не может ограничиваться содержательно-смысловой стороной объективированного продукта (текста) в отвлечении от действительного акта-поступка, поскольку «только изнутри действительного поступка, единственного, целостного и единого в своей ответственности, есть подход и к единому и единственному бытию в его конкретной действительности» (Там же, с. 32).

7. Выше говорилось о невозможности определить «философский» метод Ю. Лотмана. В то же время отмечается, что, например, проблематизируя наше понимание художественного текста, М. Бахтин оперирует «в методологических границах философии, а не филологии» (Попова, 2005). Действительно, грань между гуманитарными науками и философией можно проводить на основании их разных методов.

Гуманитарная мысль, сосредотачиваясь на понимании текста, проявляет особую чувствительность к обусловленности любой интерпретации конкретными обстоятельствами, при этом оказывается, что задача интерпретации — восстановить как можно совершеннее первоначальный смысл текста — превращается в постоянный поиск. Именно в этом «заключается неразрешимое, “трагическое” противоречие между претензиями теории на универсальную общезначимость и тем, что историческое сознание релятивизирует все такие претензии, то есть противоречие между тем, что мы хотим обосновать, и тем, что мы можем обосновать» (Скирбекк, Гилье, 2000, с. 491). Данное противоречие как бы встроено в герменевтический подход, поскольку любое истолкование текстов направлено на достижение их предельных значений («горизонта»). Иногда к результатам гуманитарных исследований относятся скептически, так как каждый может по-своему прочесть текст и предложить свою версию того, что он значит. В гуманитарных (и прежде всего герменевтических) исследованиях, однако, принимается любая

интерпретация, если она раскрывает что-то новое в человеке — ср. абдукцию, которая часто рассматривается как вывод к лучшему объяснению. Тем не менее существует различие между выводом к лучшему объяснению и абдукцией (Maskonis, 2011, p. 16–17): первый объясняет закономерности, истинность которых подтверждается индуктивно, тогда как вторая имеет дело лишь с возможностями, каждая из которых является попыткой представить то или иное («лучшее», с точки зрения того, кто осуществляет данную попытку) понимание текста (не объяснение). Таким образом, именно абдукция выступает методом гуманитарных наук, которые обращаются к анализу текстов как неповторимых единичностей.

Как известно, Ч. Пирс считал, что абдукция — «единственный вид рассуждения, который создает новые идеи» (Peirce, 1958, p. 776–777). Между тем новые идеи могут возникать в результате и иного метода. Так, философская мысль, исходя из того же самого материала (текстов как неповторимых единичностей), пытается охватить (свести воедино) целостность всех явлений при помощи абдукции, которая «есть нелогическая операция перехода от царящего в реальном мире хаоса к интуитивной догадке или пробной гипотезе о фактической взаимосвязи, существующей между набором релевантных переменных. То, каким образом делается этот переход, относится к контексту открытия» (Блауг, 2004, с. 38). Суть абдукции составляют постулаты как наименее убедительные, но наиболее необходимые рассуждения. Именно это, как представляется, имел в виду М. Мамардашвили, когда говорил следующее: «То, что философы называют сознанием, есть сознание изменения склонения. Что-то склоняет нас к чему-то. Ощущение есть склонение... Побуждение является склонением (или наклонением). Мы склоняемся к чему-то. А сознание есть сознание изменения этого склонения — тогда мы знаем, что у нас есть сознание... И вот изменение своего склоняемого состояния — оно не от нас зависит, это мир склоняет нас, — изменение его, изменение склонения и есть сознание» (Мамардашвили, 1997, с. 191).

8. Когда мы читаем, что философия представляет собой критическую интерпретацию текстов (Harré, 2000, p. 15), то с этим можно согласиться. В то же время вряд ли можно видеть только в этом (и главную) задачу философии подобно тому, как иногда, например, видится роль текст в лингвистических исследованиях, ср.: «...нужно переориентироваться с изучения абстрактной системы на изучение той единственной реальности, которая нам доступна. Текст — это наша единственная данность, и отвергать ее в пользу абстрактного языка методологически не всегда справедливо и правильно» (Плунгян, 2018, с. 9). Между тем, не отрицая всей важности текста, нельзя не согласиться с замечанием А. Пятигорского о том, «что текст — не единственный способ самообъективации сознания» (Пятигорский, 1996б, с. 56). Текст выступает исходным пунктом как для гуманитарных наук, так и для философии; но если гуманитарные науки путем абдукции приходят к представлению некой конкретной версии понимания, то философия постулирует всеобщие понятия, которые принимают форму некоего языка.

Важно отметить, что язык является «не средством представления уже познанной, но в гораздо большей степени — обнаружения доселе не познанной истины» (Гумбольдт, 1984, с. 319). Язык имеет особый статус, поскольку выступает основанием всего: не случайно мы говорим на языке, а не на речи, на дискурсе или на тексте; и не случайно говорят о явлениях языка, а не речи, дискурса или текста. Как писал А. Потебня, «язык есть *præius* («прежде». — *Примеч. сост.*): всякая последующая деятельность есть уже нечто более позднее, являясь вместе с тем и средством всякой последующей деятельности» (Потебня, 1999, с. 200). В этом свете особую значимость приобретает высказывание Ф. де Соссюра о том, что «надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием (*noème*) для всех прочих проявлений речевой деятельности» (Соссюр, 1933, с. 48). В языке, таким образом, осуществляется не анализ текстов, а синтез понятий. По словам Ж. Делёза и Ф. Гваттари, «чего стоит философ, если о нем можно сказать: он не создал ни одного концепта, он не создал сам своих концептов» (Делёз, Гваттари, 2013, с. 14–15). Как представляется, именно поэтому при целостной оценке того или иного философа более осмысленным является выражение «Язык (философии) Платона», но не *«Текст (философии) Платона». На этом же основании можно считать, что в первую очередь «М. М. Бахтин был философом», сочиняя «как философ — новую систему» (Гаспаров, 2004, с. 8). Осмысление идей того или иного философа — это прежде всего «осваивание» некоего языка, то есть вокабуляра и грамматики; так, например, мы начинаем говорить «по-бахтински».

Сам М. Бахтин полагал, что исследовательская мысль может двигаться к двум полюсам: к языку (автора, жанра, эпохи и т. д.) и к неповторимому событию текста, отмечая, что «между этими двумя полюсами располагаются все возможные гуманитарные дисциплины» (Бахтин, 1979, с. 301). Действительно, если ограничиваться гуманитарными рамками, то правомерно потенциальный язык языков связывать со структурализмом или глоссематикой, как это делает Бахтин. Однако, как было уже сказано, Бахтин называет свой анализ философским, поскольку это не лингвистический, не филологический, не литературоведческий или какой-либо иной анализ. Иначе говоря, его исследовательская мысль стремится преодолеть гуманитарные (и любые) рамки, давая возможность проявиться бытию и как бы «записывая» его язык в виде постулируемых понятий.

Таким образом, рассматривая текст и язык как способы само-объективации сознания, мы получаем ответ на вопрос, сформулированный Х.-Г. Гадамером в «Философии и поэзии»: «Там, где средством коммуникации служит язык, возникает вопрос об отношении философии и языковых форм искусства. Как соотносятся друг с другом обе эти предельные и вместе с тем контрарные формы употребления языка — замкнутый на себя поэтический текст и сам себя упраздняющий, выходящий за пределы всякой событийности язык понятия?» (Гадамер, 1991, с. 118).

9. Иногда кажется, что человек может изучаться вне текста, как это делается в естественных науках. Между тем, как нам напоминает

Э. Шрёдингер, «существует тенденция забывать, что все естественные науки связаны с общечеловеческой культурой и что научные открытия, даже кажущиеся в настоящий момент наиболее передовыми и доступными пониманию немногих избранных, все же бессмысленны вне своего культурного контекста» (Шрёдингер, 1976, с. 261). Разумеется, это относится и к философии. Поэтому, когда М. Бахтин призывает «не отрываться от текста» (Бахтин, 1979, с. 300), он, кажется, забывает о своих же словах: «человек в его человеческой специфике всегда... создает текст (хотя бы потенциальный)» (Там же, с. 285). Иначе говоря, философ не может оторваться от текста, ибо философствование предполагает (в том числе) анализ и интерпретацию как можно большего количества этих неповторимых единичностей в любой материальной форме: с семиотической точки зрения не только словесное, но любое сложным образом организованное смысловое целое представляет собой текст. Только таким способом можно ближе подойти к осмыслению всего бытия, в идеале слившись своим действием с его действием.

Текст — это наиболее удобный объект для исследования в силу своего зафиксированного характера. Между тем как сам объект, так и процесс его исследования — это всегда живой опыт, «мир, светящийся смыслом» (Шюц, 2004). Поэтому даже текст может «оживать», меняя свою форму, что мы видим сегодня на примере текстоидов — свободных конфигураций знаков, которые подлежат реконфигурации и которые «скорее ближе к тому, что М. Бахтин понимает под “высказыванием”» (Эпштейн, 2017, с. 417). Действительно, все текстоиды можно считать высказываниями, которые связаны друг с другом. Текстоидом является и мир в целом, поскольку он является живым, то есть постоянно меняющимся опытом; его можно представить как сообщение всех со всеми. Если высказываний много, то сообщение одно и выступает наиболее общим способом бытия. В этом смысле всю Вселенную можно рассматривать как способ само-объективации сообщения (Peters, 1999, p. 257). Такое рассмотрение вряд ли осуществимо в рамках одной науки (даже философии). То, что говорит М. Бахтин о высказывании, еще более применимо к сообщению, которое «не поддается описанию и определению в терминах и методах лингвистики и — шире — семиотики. Эта сфера... требует для своего изучения... особой науки (научной дисциплины)» (Бахтин, 1986, с. 359). Такой наукой можно считать «науку о коммуникации», которую правомерно рассматривать как отдельную научную дисциплину, только если признать, что это — «дом, видимый ниоткуда... ортогональная проекция... всех возможных перспектив, некое положение без перспективы, из которого все они могут происходить» (Мерло-Понти, 1999, с. 101). Этот дом является всегда открытым не только тексту и не только философии, что мы попытались изложить в книге «Сообщение и забытие» (Клюканов, 2018).

Список литературы

Авдеев А. Житие преподобного Паисия Галичского. Исследования и тексты. М. : Изд-во ПСТГУ, 2009.

Алексеев А. Философский текст: идеи, аргументация, образы. М. : Прогресс-Традиция, 2006.

Анисин А. Философия текста. Динамика текста // Топос: литературно-философский журнал. 2002. URL: <http://www.topos.ru/article/521> (дата обращения: 28.07.2019).

Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.

Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. Литературно-критические статьи. М. : Художественная литература, 1986.

Бахтин М. Искусство и ответственность ; К философии поступка ; Автор и герой в эстетической деятельности ; Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / коммент. С.С. Аверинцева, С.Г. Бочарова. Киев : Некст, 1994.

Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / пер. с англ. ; науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004.

Гадамер Х.-Г. Что есть истина? // Логос. 1991. Вып. 1. С. 30–37.

Гаспаров М.Л. История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения : матер. междунар. науч. конф. М. : Изд-во МГУ, 2004. С. 8–10.

Гумбольдт В. фон. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. С. 307–323.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1998.

Дурилов А. Философия как текст. Доклад, подготовленный для II Всероссийской научной конференции «Сапоговские штудии. Актуальные вопросы гуманитарного знания». К 80-летию со дня рождения В.А. Сапогова. Кострома, 2019. URL: <http://m.kostromka.ru/philosophy/durilov/17.php> (дата обращения: 02.05.2019).

Золян С. Юрий Лотман о тексте: Идеи, проблемы, перспективы // НЛО. 2016. №3. С. 63–96.

Кант И. Трактаты и письма. М. : Наука, 1980.

Касавин И. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2008.

Качай И. Неклассическая и современная философия. История учений в конспективном изложении. Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero. Б. м., 2017.

Ключанов И. Сообщение и забытие. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018.

Кудряшов И. «Полезное»: В точку Рассела. С чего начать самостоятельное изучение философии? 2018. URL: <https://concepture.club/post/infopoloz/how-to-start-studying-philosophy> (дата обращения: 28.07.2019).

Лотман Ю. Культура и взрыв. М. : Гнозис ; Изд. группа «Прогресс», 1992.

Лотман Ю. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и таргуско-московская семиотическая школа / сост. А.Д. Кошелев. М. : Гнозис, 1994. С. 17–263.

Мамардашвили М. Психологическая топология пути (М. Пруст «В поисках утраченного времени»). СПб. : Изд-во РХГИ, 1997.

Манаков Н., Москальчук Г. Текст как природный объект // Педагог: Наука, технология, практика. 1999. №2 (7). С. 58–62.

Москальчук Г., Манаков Н. Форма текста как многоуровневый конструкт // Знание. Понимание. Умение. 2014. №4. С. 291–302. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/4/Moskalchuk_Manakov_Multilayer-Construction/ (дата обращения: 02.05.2019).

- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб. : Ювента ; Наука, 1999.
- Микешина Л. Время // Summa culturologiae : энциклопедия. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. Т. 1. С. 398–404.
- Плунгян В. Лингвистика в XX веке: Проблемы, перспективы, точки роста // Слово.ру: балтийский акцент, 2018. Т. 9, №1. С. 7–12.
- Попова И. О границах литературоведения и философии в работах М.М. Бахтина // Русская теория 1920–1930-е годы : матер. 10-х Лотмановских чтений / сост. и отв. ред. С. Зенкин. М. : РГГУ, 2004. С. 103–114.
- Попова И. Книга М.М. Бахтина о Рабле в контексте идей школы Фосслера (к постановке проблемы) // Новый филологический вестник. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-m-m-bahtina-o-rable-v-kontekste-idey-shkoly-fosslera-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 09.08.2019).
- Поселягин Н. Антропологический поворот в российских гуманитарных науках // НЛЮ. 2012. №113. С. 27–36.
- Потебня А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999.
- Пяигорский А. Избр. тр. М. : Языки русской культуры, 1996а.
- Пяигорский А. Мифологические размышления. Лекции по феноменологии мифа. М. : Языки русской культуры, 1996б.
- Руднев В. Словарь культуры XX века. М. : Аграф, 1997.
- Скирбекк Г., Гилье Н. История философии : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / пер. с англ. В.И. Кузнецова ; под ред. С.Б. Крымского. М. : Владос, 2000.
- Соболевская Е. Пратекст и текст (Философские аспекты искусства) // Докса : зб. наук. пр. Одеса, 2004. Вып. 6 : Мова, текст, культура. С. 260–267. URL: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/1347> (дата обращения: 09.05.2019).
- Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М. : Соцэкгиз, 1933.
- Степанов Ю. Филология // Русский язык : энциклопедия. М. : Большая рос. энцикл. : Дрофа, 1997.
- Тулчинский Г. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Т. 5. №1. С. 35–51.
- Шелковников А. Ю.М. Лотман – философ // Преподаватель XXI век. 2012. №3. С. 16–20.
- Шрёдингер Э. Избр. тр. по квантовой механике. М. : Наука. 1976.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М. : Петрополис, 1998.
- Эпштейн М. Проективный словарь гуманитарных наук. М. : НЛЮ, 2017.
- Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Каплуна. СПб. : Академический проект, 2004.
- Eco U. Six walks in the fictional woods. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 2011.
- Groys B. Introduction to Antiphilosophy. N. Y. : Verso Books, 2012.
- Harré R. One Thousand Years of Philosophy. Oxford : Blackwell, 2000.
- Jaroszynski P. Science in culture. Amsterdam : Rodopi, 2007.
- Lewis S. News and society in the Greek polis. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, 1996.
- Mackonis A. Inference to the best explanation: The limits of truth-conduciveness : PhD thesis. Vilnius, 2011.
- McKeon R. On knowing – the natural sciences. Chicago : The University of Chicago Press, 1994.
- Peirce Ch. S. Collected Papers. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1958.

Peters J. Speaking into the air: A history of the idea of communication. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 1999.

Petersen A. The philosophy of Niels Bohr // Niels Bohr: A centenary volume / ed. by A.P. French, P.J. Kennedy. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1985.

Smith J. Who's afraid of postmodernism?: Taking Derrida, Lyotard, and Foucault to church. Grand Rapids : Baker Academic, 2006.

Wheeler H. Francis Bacon's «Verulamium»: The common law template of the modern in English science and culture // Angelaki. 1999. Vol. 4 (1). P. 7–26.

Об авторе

Игорь Энгелевич Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточный университет штата Вашингтон, США.

E-mail: iklyukanov@ewu.edu

Для цитирования:

Ключанов И. Э. «Тяга за текст»: философские заметки // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 18–33. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2.

'REACHING OUT' BEYOND THE TEXT: PHILOSOPHICAL NOTES

*I. E. Klyukanov*¹

¹ Eastern Washington University
526, 5th Str., Cheney, WA 99004, USA
Submitted on August 12, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2

In this article, I define the concept of text and briefly discuss the related concepts of speech and discourse. I demonstrate how the humanities treat texts and examine the structural-semiotic and the hermeneutic approach. Further, I identify both the differences between these approaches and the similarities in the ways they interpret texts. I argue that the philosophical approach seeks to go beyond the text as far as possible without leaving it altogether and stress that the divide between the humanities approach and the philosophical approach to the text lies in their methods. I emphasise that language has a synthesizing role within the philosophical approach to the text. Finally, I draw attention to the 'science of communication', within which the message as a whole is conceptualized.

Keywords: *text, semiotics, hermeneutics, philosophy, phenomenology, method, language.*

References

Avdeev, A., 2009. *Zhitie prepodobnogo Paisiya Galichskogo* [The life of Saint Paisii Galichski. Investigations and texts]. Moscow: PSTGU Publishing House (in Russ.).

Alekseev, A., 2006. *Filosofskii tekst: idei, argumentatsia, obrazy* [Philosophical text: ideas, arguments, images]. Moscow: Progress-Traditsiya (in Russ.).

Anisin, A., 2002. Philosophy of the text. Text dynamics. *Topos. Literaturno-filosofskii zhurnal* [Topos. A literary-philosophical journal]. Available at: <http://www.topos.ru/article/521> [Accessed 28 July 2019] (in Russ.).

Bakhtin, M., 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow: Iskusstvo (in Russ.).

Bakhtin, M., 1986. The problem of text in linguistics, philology and other human sciences. An attempt at philosophical analysis. In: M. Bakhtin, ed. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura (in Russ.).

Bakhtin, M., 1994. Art and responsibility; To the philosophy of action; Author and hero in aesthetic activity; The problem of content, material and form in verbal art. In: M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Kiev: Next (in Russ.).

Blaug, M., 2004. *Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili kak ekonomisty ob'yasnyaut* [The methodology of economics: Or, how economists explain]. Moscow, NP "Zhurnal Voprosy ekonomiki" (in Russ.).

Gadamer, H.-G., 1991. What is truth? *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. A philosophic-literary journal], 1, pp. 30–37 (in Russ.).

Gasparov, M., 2004. The history of literature as art and investigation: Bakhtin's case. In: Kormilov S., ed. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: Russkaya literatura XX – XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya* [Materials of the International Scientific Conference: Russian Literature of the 20th–21st Centuries: Problems of Theory and Methodology of Study]. Moscow, 10–11 November 2004. Moscow: MGU. pp. 8–10 (in Russ.).

Gumbol'dt, V., 1984. On the comparative study of language and its relation to the different periods of language development. In: V. Gumbol'dt, ed. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Moscow: Progress. pp. 307–323 (in Russ.).

Delez, Zh., Gvattari, F., 1998. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. St. Petersburg: Aleteia (in Russ.).

Durilov, A., 2019. Philosophy as text. In: *II Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya: Sapogovskie shtudii. Aktual'nye voprosy gumanitarnogo znaniya* [II All-Russian Scientific Conference: Sapogovsky Studies. Actual issues of humanitarian knowledge]. Kostroma, 2 March 2019. Kostroma. Available at: <http://m.kostromka.ru/philosophy/durilov/17.php> [Accessed 2 May 2019].

Zolyan, S., 2016. Lotman on text: Ideas, problems, perspectives. *Novoe Literaurnoe Obozrenie* [New Literary Review], 3, pp. 63–96 (in Russ.).

Kant, I., 1980. *Traktaty i pis'ma* [Treatises and letters]. Moscow: Nauka (in Russ.).

Kasavin, I., 2008. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text. Discourse. Context. An introduction to the social epistemology of language]. Moscow: Kanon+, ROOI "Rehabilitation" (in Russ.).

Kachai, I., 2017. *Neklassicheskaya i sovremennaya filosofiya. Istoriya uchenii v konpektivnom izlozhenii* [Nonclassical and modern philosophy. A synoptic history of teachings]. Ridero (in Russ.).

Klyukanov, I., 2018. *Soobchenie i zabytie* [Message and forgetting]. Moscow; St. Petersburg: The Center of the Humanities Initiatives (in Russ.).

Kudryashev, I., 2018. "Poleznoe": V topku Rassela. S chego nachat' samostoyatel'noe izuchenie filosofii? ["The useful": in Russel's furnace. Where to begin unaided study of philosophy?]. Available at: <https://concepture.club/post/infopoloz/how-to-start-studying-philosophy> [Accessed 28 July 2019] (in Russ.).

Lotman, Yu., 1992. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. M.; Gnozis (in Russ.).

Lotman, Yu., 1994. Lectures on structural poetics. In: A. Koshelev, ed. *Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis. pp. 17–263 (in Russ.).

Mamardashvili, M., 1997. *Psikhologicheskaya topologiya puti (M. Prust 'V poiskakh utrachenного времени')* [The psychological topology of the way (M. Proust's 'The remembrance of things past')]. St. Petersburg: RKHGI Publishing house (in Russ.).

Manakov, N., Moskal'chuk, G., 1999. Text as an natural object. *Pedagog: Nauka, tekhnologiya, praktika* [Pedagogue: Science, technology, practice], 2 (7), pp. 58–62 (in Russ.).

Moskal'chuk, G., Manakov, N., 2014. *Forma teksta kak mnogourovnevnyi konstrukt* [The form of text as a multi-level construct]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill]. № 4. pp. 291–302. Available at: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2014/4/Moskalchuk_Manakov_Multilayer-Construction/ [Accessed 2 May 2019].

Merlo-Ponti, M., 1999. *Fenomenologiya vospriyatiya* [The phenomenology of perception]. St. Petersburg: Yuventa, Nauka (in Russ.).

Mikeshina, L., 2017. Time. In: *Summa culturologiae. Entsiklopediya* [Summa culturologiae. An encyclopedia]. Vol. 1. St. Petersburg: The Center of the Humanities Initiatives. pp. 398–404 (in Russ.).

Plungyan, V., 2018. Linguistics in the XXth century: Problems, perspectives, points of growth. *Slovo.ru: the Baltic accent*, 9(1), pp. 7–12 (in Russ.).

Popova, I., 2004. On the boundaries of literary study and philosophy in the works of M. M. Bakhtin. In: Zenkin S., ed. *Materialy 10-kh Lotmanovskikh chtenii: Russkaya teoriya 1920–1930-e gody* [Materials of the 10th Lotman readings: Russian theory 1920–1930s]. Moscow: RGGU. pp. 103–114 (in Russ.).

Popova, I., 2005. The book of M. M. Bakhtin about Rabelais in the context of the ideas of the Fossler school (to the statement of the problem). *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kniga-m-m-bahtina-o-rable-v-kontekste-idey-shkoly-fosslera-k-postanovke-problemy> [Accessed 09 August 2019] (in Russ.).

Poselyagin, N., 2012. An anthropological turn in the Russian humanities. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 113, pp. 27–36 (in Russ.).

Potebnya, A., 1999. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow: Labyrinth (in Russ.).

Pyatigorskii, A., 1996a. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.).

Pyatigorskii, A., 1996b. *Mifologicheskie razmyshleniya. Lektsiya po fenomenologii mifa* [Mythological meditations. Lectures on the phenomenology of myth]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury (in Russ.).

Rudnev, V., 1997. *Slovar' kul'tury XX veka* [A dictionary of the XX century culture]. M.: Agraf (in Russ.).

Skribekk, G., Gil'e, N., 2000. *Istoriya filosofii* [A history of philosophy]. Moscow, Vldos (in Russ.).

Sobolevskaya, E., 2004. Pratekst and text (Philosophic aspects of art). *Doksa*, 6, pp. 260–267. Available at: <http://dspace.onu.edu.ua:8080/handle/123456789/1347> [Accessed 09 May 2019] (in Russ.).

Sossyur, F., 1933. *Kurs obchei lingvistiki* [A course in general linguistics]. Moscow: Sotsekgiz (in Russ.).

Stepanov, Yu., 1997. Philology. In: *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. An encyclopedia]. Moscow: Bol'shaya russkaya entsiklopediya, Drofa (in Russ.).

Tul'chinskii, G., 2010. A shift in the humanities paradigm, a transcendal subject and posthuman personology. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 5 (1), pp. 35–51 (in Russ.).

Shelkovnikov, A., 2012. Yu. M. Lotman – a philosopher. *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher XXI century], 3, pp. 16–20 (in Russ.).

Shredinger, E., 1976. *Izbrannye trudy po kvantovoi mekhanike* [Selected works in quantum mechanics]. Moscow: Nauka (in Russ.).

Shyults, A., 2004. *Izbrannoe: Mir, svetyachiisya smyslom* [Selected works: The world lit by meaning]. Moscow: ROSSPEN (in Russ.).

Eco, U., 1998. *Otsutstvuyuchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The absent structure. An introduction into semiology]. Moscow: Petropolis (in Russ.).

- Epstein, M., 2017. *Proektivnyi slovar' gumanitarnykh nauk* [A projective dictionary of the human sciences]. Moscow: NLO (in Russ.).
- Fuko, M., 2004. *Ispol'zovanie udovol'stvii. Istoriya seksual'nosti* [The use of pleasure. The history of sexuality]. Vol. 2. St. Petersburg: Akademicheskii proekt (in Russ.).
- Eco, U., 2011. *Six Walks in the Fictional Woods*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Groys, B., 2012. *Introduction to Antiphilosophy*. New York: Verso Books.
- Harré, R., 2000. *One Thousand Years of Philosophy*. Oxford, Blackwell.
- Jarozynski, P., 2007. *Science in Culture*. Amsterdam: Rodopi.
- Lewis, S., 1996. *News and Society in the Greek Polis*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press.
- Mackonis, A., 2011. *Inference to the Best Explanation: The Limits of Truth – conduciveness*. PhD. Vilnius.
- McKeon, R., 1994. *On Knowing – the Natural Sciences*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Peirce, Ch. S., 1958. *Collected Papers*. Cambridge, MA; Harvard University Press.
- Peters, J., 1999. *Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication*. Chicago and London: The University of Chicago Press.
- Petersen, A., 1985. The Philosophy of Niels Bohr. In: A.P. French, P.J. Kennedy, eds. *Niels Bohr: A Centenary Volume*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Smith, J., 2006. *Who's Afraid of Postmodernism? Taking Derrida, Lyotard, and Foucault to Church*. Grand Rapids: Baker Academic.
- Wheeler, H., 1999. Francis Bacon's 'Verulamium': The Common Law Template of the Modern in English Science and Culture. *Angelaki*, 4 (1), pp. 7–26.

The author

Prof. Igor E. Klyukanov, East Washington University, USA.
E-mail: iklyukanov@ewu.edu

To cite this article:

Klyukanov, I.E. 2019, 'Reaching out' beyond the text: philosophical notes. *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 18–33. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-2.

КНИГА ЖИЗНИ В ГЕРМЕНЕВТИКЕ И. Г. ГАМАНА

*В. Х. Гильманов*¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 05.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3

Рассматривается вопрос о философии книги в контексте размышлений о герменевтике в творчестве кёнигсбергского мыслителя XVIII века И. Г. Гамана. В библиоцентрической герменевтике Гамана вопрос о «философии Книги» приобретает статус вопроса о возможности / невозможности опыта истины в целом. В свете этой герменевтики онтология сущего производна от качества «чтения», что обуславливает особую герменевтическую ответственность человека в его диалоге с бытием. Сущее как «Книга жизни» имеет адресата – Читателя, к которому оно обращается как Книга в сложной диалектике своего вокативного обещания в пророческой эпистемологии Автора, сопротивляющегося «смерти автора» (Р. Барт). Именно этот Автор апеллирует к бесчисленным поколениям Читателя, непосредственно включенного в бытийную судьбу онтологического диалога. «Смерть Книги», или превращение Книги в симулякр по причине «смерти Читателя», утратившего способность «чтения», грозит подтвердить диагноз многих современных мыслителей о превращении мира культуры в автохтонное мерцание гибридно-цитатных руин утраченной онтологии сущего.

Ключевые слова: герменевтика, книга, автор, читатель, онтология, диалог, Гаман.

1. В лабиринте неопределенности

Значимость всякой темы определяется положением дел в культуре и цивилизации, в соответствующем Пространстве и Времени истории. Есть ли сегодня возможность объективного диагноза этого положения дел, или же мы попали в абсолютно закрытую реальность игровой гиперреальности, для которой характерна какая-то апокалиптическая несерьезность, несмотря на постоянно демонстрируемую серьезность, которую усердно показывают или симулируют представители разных культурно-цивилизационных дискурсов, сложившихся в современном мире, начиная от национально-идеологических и заканчивая религиозно-институциональными? Парадокс в том, что современный человек, попав в паутину информационной гиперреальности, оказался заложником и жертвой ее искусственных знаковых систем, тех дискурсивных кодов, которые генерируют в большинстве своем эстетически привлекательные симулякры (Ж. Батай, П. Клоссовски, А. Кожев), все плотнее скрывая от человека свет сущей онтологии и подменяя ее «симулятив-

ными гиперреальностями» (Ж. Бодрийяр). Именно сегодня как никогда в истории ощутим чудовищный парадокс постмодернистского развития с его ужасающим дисбалансом между технократической динамикой и нравственной интуицией, между «чистым» *ratio* и «практическим» разумом с его категорическим императивом морального действия, между симуляцией и сущим, между Культурой и Цивилизацией, которая становится все более враждебной культурной идее, включая идею человека. Если богословы говорят о враждебности душе современного цивилизационного устройства, о том, что торжество автономного, аутоцентрического разума оказывается «дегуманизацией жизни», то философы и ученые все чаще указывают на отчуждение человека не только от биосферы, но и от ноосферы, в том числе от истории, точнее, от способности корректного и, главное, преобразующего понимания истории, которая в своем почти что анонимном драматизме упорно остается вне рамок культурно-цивилизационного контроля.

Какой тип общественного сознания — философия, естественная наука, искусство, религия и т. д. — мог бы претендовать на хоть какую-то герменевтическую адекватность, на хоть какое-то истинное понимание происходящего в современном мире? Какой тип опыта является опытом сущей, а не симулятивной онтологии и формирует сферу истинного самоосуществления человека — естественно-научный, эстетический, эротический, вертикально-мистический (как в православной аскетике), философский? Есть ли Книга, которая в той или иной степени *определенности* приблизила бы Читателя к проясняющей объективности? Какая Книга может *определенно* — рационально-дискурсивно, эмоционально-психологически, экзистенциально — поставить человека перед необходимостью не допустить окончательную утрату бытийно-исторического времени, без которого человек грозит превратиться в «сироту земного шара» (А. Платонов)? Или, может быть, на фоне известного «набора смертей» — «смерть Бога» (Ф. Ницше), «смерть автора» (Р. Барт), «смерть субъекта» (М. Фуко), который разучился «читать», оказавшись в симулятивном гиперпространстве, — следует объявить и о «смерти Книги»: может быть, Книга тоже стала симулякром, превратившись в функцию от постмодернистской игры? Может быть, в хронотопе этой игры уже давно организовалась своя Антикнига? Чем стала Книга сегодня — откровением добра или зла, истины или лжи? Аккумулятивным опытом первичной бытийной ориентации или дезориентации?

В истории культуры Книга при всем разнообразии возлагавшихся на нее функций всегда выполняла прежде всего роль диалектического «деконструктора» сложившихся «конструкций мира», «бытийных схем» соответствующих эпох. Книга всегда была своеобразным «разгерметизатором» герметичной гомогенности определенных картин мира и гетерогенным «провокатором» новых алгоритмов культуры. Книга провоцировала пересмотр старых и рождение новых «дискурсивных кодов». Так, своеобразным «парадигмальным геном» нового принципа реальности, основанного на абсолютности автономного аутоцентризма, явился трактат И. Канта «Критика чистого разума»

(1781). В самом начале европейского Средневековья христианский проект богоцентрической «философии истории» был представлен в трактате Августина «De civitas Dei» (415), который стал фундаментальной парадигмой для последующих веков. К «дискурсивным кодам» жизни в доклассической Греции, без всякого сомнения, относился гомеровский эпос... Книга так или иначе была своеобразным «герменевтическим интегралом» эпохи, обеспечивая связь с прошлым и бытийное движение в будущее благодаря интегративной *определенности* своей идейной значимости, которая очерчивала герменевтический горизонт соответствующей эпохи.

Единственный интеграл относительно общего понимания, обнаруживаемый в дискурсах большинства типов общественного сознания сегодня, — это осознание того, что мы живем в парадоксальные, «итоговые» времена, когда все глобальные проблемы человечества обострены до всех допустимых пределов, когда истории грозит опасность окончательно превратиться в анонимный процесс «расчеловечения человека» (Э. Фромм), когда жизненно необходимо «спасение Книги» как главной семиотической среды, в пространстве которой только и возможно решение проблемы сущностной идентификации человека. Это обусловлено особой спецификой Книги, связанной прежде всего с сохраняющейся тайной языка с его исходной герменевтикой, о сути которой до сих пор спорят ученые. Несмотря на попытки освободиться от «тоталитаризма языка», он продолжает быть нашей судьбой, даже если для многих в постсовременном мире остался лишь «гул языка» (Р. Барт). Язык как первоприродная знаковая среда, как онтологическое основание человеческого опыта (Х.-Г. Гадамер) образует тот когнитивно-психологический горизонт, в котором мир как сущее открывает себя человеку. Благодаря этому Книга, например, столь принципиально отличается от кино, в «языке» которого отсутствуют дифференциальные единицы второго членения (К. Метц), обуславливающие особую специфику значения языкового знака. Именно книга, в отличие от кино, создает особый план экзистенциальной *определенности*, которую, хотя бы условно, можно было бы назвать «определенностью истины», а не ложной экзистенцией. В религиозном дискурсе именно Книга = Библия как фундаментальный знак на границе трансцендентности и имманентности создает сущностную *определенность* Божественного для человеческого, поскольку является «местом встречи», со-бытием Автора и Читателя, что в конечном итоге составляет универсальный принцип герменевтики любой книги.

2. «Проклятый вопрос» Якоби

Шестнадцатого июня 1783 года Фридрих Генрих Якоби, известный философ-писатель из Дюссельдорфа, пишет письмо кёнигсбергскому мыслителю Иоганну Георгу Гаману (см.: Гильманов, 2003), в котором признается, что философия вдруг открылась ему как «чудовищная дыра», как темная пропасть, разделяющая Бога и человека (Hamann, 1965, S. 58). Якоби выражает неверие в способность разума понять конкрет-

ную реальность действительного мира во всей его полноте по причине «проклятого дуализма» разума и чувства, свободы и предопределенности, природы и благодати. С его точки зрения, разум *per se* тоталитарен, из-за чего субъект, находясь в кольце собственных рефлексий, подвержен опасности потерять себя и другого, при этом самого главного Другого — Бога. «Тоталитарный разум» закрывает человеку доступ к Богу и реальному миру. Надеясь на «интуитивное созерцание» чистой веры, Якоби стремится достичь того, что он называет «определенностью» в отношении бытия Бога. «Определенность» является доминирующим понятием в его системе, в которой он стремится совершить, по собственному признанию, «salto mortale» — прыжок из философии в веру. Однако его «salto mortale» не удается, о чем свидетельствует его письмо к Гаману от 18 октября 1784 года: Якоби просит у Гамана поддержки в отношении «определенности», поскольку «если у человека есть стремление к непосредственному познанию Бога, то в его душе заключена способность, ориентирующая человека отсюда в туда», то есть в трансцендентное, к Богу. «Я верую, Господи! — заканчивает письмо Якоби. — Помогите моему неверию!» (Hamann, 1965, S. 242). Сомнение и неопределенность Якоби — потрясающе точный симптом, с одной стороны, кризиса христианской веры, а с другой — духовных дефицитов Нового времени с его новой «геометрией разума и чувства». В какой-то мере «проклятый вопрос» Якоби ставит нас уже в дискурсе XVIII века перед проблемой «украденного объекта» (П. ван ден Хевель) по причине фундаментального расщепления *определенности* как субъекта («Я»), так и объекта (предметности как таковой).

Стремясь успокоить Якоби с его ужасом перед «метафизикой отсутствия», Гаман предлагает ему свою «философию Книги», в которой субъект и объект, разум и чувство образуют единство в диалектике «буквы» и «духа». В письме от 22 января 1785 года он пишет: «Определенность нашего знания не зависит напрямую ни от наших сил, ни от нашей организованности, но прежде всего от определенности самого предмета этой определенности и его доверительного самораскрытия нам в соответствии с масштабом наших сил» (Ibid., S. 329). В этом на первый взгляд туманном ответе Гамана отражена тринитарная структура его «философии Книги», которую в контексте его христоцентризма правильнее назвать «теологией Книги», поскольку под «предметом определенности», только и способным дать нам «определенность», Гаман однозначно имеет в виду Христа. Именно Христос, по убеждению Гамана, является тем Словом, тем Логосом, тем Предикатом, тем Сказуемым, благодаря которому «Бог-Поэт», Бог-Автор дает ключ к пониманию трех Своих основных Книг.

«Бог — писатель!» — такими словами начинается все творчество Гамана, что подчеркнуто единственным издателем полного собрания его сочинений Й. Надлером, поставившим эту фразу в самое начало первого тома, который открывается сочинением Гамана «О толковании Священного Писания» (см.: Hamann, 1949–1957, Bd. 1, S. 5). Согласно Гаману, «Бог-Писатель» нисходит к человеку в образной структуре трех Своих сокровенных Книг — Книги природы, Книги истории и Свя-

щенного Писания. Понимание этих Книг возможно только как экзистенциально значимое, преобразующее переживание действительности как Откровения, как текстов Бога, чем обуславливается тот факт, что все вопросы и загадки, тайны и мысли, касающиеся Бога и истории, Творца и творения, их взаимоотношения центростремительно сводятся к проблеме основополагающего «дискурсивного кода» для правильного прочтения Книг Бога. Подобное понимание Бога как «писателя» приводит к тому, что столицей примирения различных форм общественного сознания Гаман избирает филологию в качестве базовой науки всех наук, поскольку если Бог — «автор» основных «текстов» жизни, то умение слышать и понимать язык этих текстов является ключом, Альфой и Омегой истинного познания. Себя самого Гаман называл «philologus crucis» (Hamann, 1949–1957, Bd. 2, S. 249). Филологичность Гамана имеет прямое отношение к основополагающим аспектам «философии Книги» в ее тринитарной структурной специфике — Автор, Читатель, понимание — и касается прежде всего вопроса об истинности Книги, что у Гамана напрямую связано с вопросом о методе понимания.

3. Герменевтика Гамана

Истинное понимание основано у Гамана на христоцентрической традиции гуманистической филологии с ее полифоничностью и синтетичностью. Само понятие «наука» конституируется у него на герменевтике «Слова», или «образа», с его герменевтическим ключом в Библии. Это понятие предполагает совокупное, неизолированное отношение к истории, философии и поэзии, «иначе из ораторов получаются болтуны, из знатоков истории — энциклопедисты, из философов — софисты, из поэтов — забавные весельчаки» (Ibid., S. 176).

Гаман предвосхитил многие поиски современной герменевтики, исходя в своей теории понимания из необходимости соблюдать строгие и «нежные» правила понимающей морали в отношении познаваемого объекта, чтобы не «поранить» святое измерение его инобытийности, инаковости, особой единственности: это — «понятийное смирение», «немое внимание», «глубокое благоговение» и даже самопожертвование. «И я забыл все книги, я стыдился того, что когда-то сравнивал их с Книгой Бога, что иногда даже какую-нибудь из них предпочитал ей. Я узнавал мои собственные преступления в истории еврейского народа, я читал свою собственную биографию и благодарил Бога за его терпение с этим народом, потому что ничто не давало мне повода для такой же надежды, как такой пример. С этими размышлениями я читал вечером 31 марта 5-ю главу 5-й книги Моисея и впал в глубокую задумчивость, думая об Авеле, о котором Бог сказал: Земля отверзла уста свои принять кровь брата твоего. Я чувствовал, как бьется мое сердце, я слышал голос его, вздыхающий и жалующийся в глубине, как голос крови, как голос убитого брата, и почувствовал, как переполняется мое сердце. Оно обливалось слезами; я дольше уже не мог, я не мог скрывать от Бога, что я был тот убийца, братоубийца Его кровного сына.

Дух Божий продолжал, несмотря на мою большую слабость, несмотря на долгое сопротивление, которое я оказывал Его свидетельству, Его прикосновению, в Его желании открывать мне все больше и больше тайну Божественной любви и благоденствие веры нашего Спасителя. Среди стонов, издаваемых перед Богом толкователем, который дорог Ему, я продолжал читать Божественное Слово и чувствовал поддержку Того, Кем Оно было написано как единственный путь понять смысл этого Писания» (Hamann, 1949–1957, Bd. 2, S. 40). Это выдержка из исповеди Гамана о жизненном повороте в его судьбе, который случился 31 марта 1758 года. Читая историю народа Израиля, в библейском тексте он узнаёт свой собственный грех и вину по отношению к Богу и «другому». В прочтении библейской истории ему встречается Слово Бога как ведущее к преодолению самого себя обращение, и Слово это становится толчком к перелому, определившему всю его дальнейшую жизнь. Герменевтически важным является положение о том, что понимание этой истории осуществляется Гаманом на пути самоидентификации: «Я читал свою собственную биографию», — пишет он. При таком подходе происходит обратное модели «Я — Оно», «Я — Не-Я» — той модели, которая основана на картезианской дихотомии «субъект — объект». При таком подходе не Слово Писания экстраполируется в сегодня, а, наоборот, Читатель видит себя перемещенным в библейскую историю. Субъектом толкования выступает не человек, а Автор Писания. В этом пункте подход Гамана совпадает с подходом У. Эко в его работе «Спор интерпретаций» (см.: Eco, 1992, S. 47–79).

Гаман создает совершенно удивительную в своей актуальности модель понимания. Поскольку для Гамана Бог — это Автор текста, поскольку Его сказывание в библейском Откровении становится текстом, то этому тексту выпадает судьба всех текстов, а именно: то значение, которое мы приписываем тексту, не всегда совпадает с тем, что хотел сказать автор. Это как раз то, что П. Рикёр описывает как «автономное бытие текста» (Ricoeur, 1974, S. 28) по отношению к интенции автора: автор бессилен повлиять на дальнейшее восприятие и историю воздействия своих высказываний. Поскольку Бог «выговорился» через пророков и Сына, поскольку Его речения и свидетельства стали текстом, то Книги Бога оказываются во власти определенной «эстетики усвоения». Классификаторское рвение интерпретаторов нередко приводит к тому, что при выявлении значений содержания текстов они редуцируются до определенной значимости посредством предзнания, предрасположенностей интерпретаторов. Это одна из наиболее распространенных моделей восприятия текстов, когда они сводятся к уже имеющимся уровням отношений в фоновых знаниях Читателя без процесса слияния его герменевтического горизонта с горизонтом Автора.

В этом плане любой текст так же, как текст Библии, как «писательство» Бога, означает незащитность по отношению ко всем возможным формам его интерпретационного завладения, поскольку понимание как конституирование значений текста сильно зависимо от рамок собственного горизонта интерпретатора, который, как полагает Гаман, отказывается от «понятийного смирения» и «немного внимания» по отно-

шению к тексту и который не хочет отказаться от своего «уже знания» и позволить тексту «поучать» себя. У Гамана «смирение» по отношению к познаваемому объекту выступает как основополагающая предпосылка познания.

Эта гамановская герменевтическая директива, ориентированная на текст Откровения, оказывается релевантной для толкования не только библейских, но и всех остальных книг. Гаман постулирует особого рода специальную научную мораль, выступающую в качестве требования особой этической корректности по отношению к объекту. Рикёр также указывает на необходимость поворота традиционных герменевтических способов восприятия. «Понимание, — пишет Рикёр, — это прежде всего самопонимание перед текстом» (Ricoeur, 1974, S. 33), что означает не навязывание тексту собственной ограниченной способности интерпретации, а «подставление» себя тексту, своеобразное «разоружение» перед Книгой с тем, чтобы получить от нее более широкое и более точное знание о себе как о «проекте бытия», выступающем действительной формой соответствия «проекту мира». Не субъект конституирует понимание, а, наоборот, сама личность, лучшая сторона субъекта, конституируется «делом» Книги. В Евангелии от Марка сказано: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее. А кто потеряет душу свою ради меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Марк. 8: 35). С явным намеком на это положение из Евангелия Рикёр так формулирует характер герменевтического взаимодействия между Книгой и читателем: «Я, читатель, найду меня только тогда, когда потеряю себя» (Ricoeur, 1974, S. 119). То есть то, что у Гамана выступает в качестве герменевтического принципа толкования текста Святого Писания, — «смирение» — является директивой и нормой герменевтической открытости субъекта в рамках теории интерпретации в целом.

Для современной герменевтики данные герменевтические директивы Гамана представляются чрезвычайно актуальными для преодоления интеллектуального «нарциссизма» радикально рационалистической и утилитарной картины мира Нового времени, следствием которой стала драматичная неспособность человека к коммуникации с историей, природой, с другим, с Богом. Именно эта неспособность в конечном итоге может привести к «смерти Книги», превратив ее в «мертвую букву», лишенную духа, то есть в симулякр.

4. «Философия Книги» и Просвещение

В контексте размышлений Гамана «философия Книги» складывается из трех «философий»:

- 1) «философии Автора», включающей его идеальный проект, его «бином воли», его коммуникативную цель;
- 2) «философии Читателя» с его имманентной или приобретенной способностью к чтению и пониманию;
- 3) «философии со-бытия» Автора и Читателя в круге Книги, например в художественном мире литературного произведения. Это герменевтический компонент. Он — решающий в «философии Книги», самый трудный и самый драматичный.

Но «герменевтический проект» Гамана по «радикальному просвещению» Просвещения оказался проваленным, несмотря на его чувствительное воздействие на Гёте и немецких романтиков, которые отвергли, однако, главное ядро его «философии Книги» — христоцентризм: понять Автора в его Книге, по Гаману, можно лишь пребывая в духе Автора. Идея Гамана о «духе Автора», соответствующая общим основам христианской герменевтики, не нашла поддержки у Просвещения, основной девиз которого сформулирован в знаменитом сочинении Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?»: «Просвещение — это *выход* человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-либо другого. Sapere aude! — Имей мужество пользоваться своим собственным рассудком! Таков, следовательно, девиз Просвещения» (Кант, 1994, с. 29). То есть девиз Просвещения — это «выход», «*exodus*», «высвобождение» из «несобственного» модуса бытия, из тех религиозных, общественно-культурных форм жизни, из тех Книг, в которых человеку предписан «закон», «имя», а не он сам предписал себе «закон» и «имя». Просвещение — это выход из гетерономии в автономию бытия, из «вертикальности имя-творчества» в «горизонтальность».

С точки зрения Гамана, противостоящего критической рациональности, «выход» Просвещения означает прежде всего «отчуждение» как человека, так и природы: это «отчуждение» означает в теологическом вокабуляре отделение твари, «высвобождение» тварного бытия из теоцентрической перспективы мира. Это начало нового Откровения нового автономного принципа — автономного чувства, автономного разума, автономных Автора и Читателя (см. в этой связи: Гильманов, 2013).

Гаман, тонкий диалектик, мыслитель «микрологической» научной щепетильности, хорошо понимает «героику» Просвещения в борьбе за достоинство человека. Он, кажется, даже испытывает сочувствие к его «титанам», никогда не превращая свои «крестовые походы» (см.: Гильманов, 2005) против них в личную неприязнь: он дружен с Гердером, Кантом, Якоби, Гиппелем; он высоко ценит Лессинга и Мендельсона. Но он не может принять идеалов Просвещения, основанных на самодостаточности автономного разума, который, в понимании Гамана, обречен на умерщвление живой диалектики Автора и Читателя, диалектики «буквы» и «значения». Автономный разум пишет собственную Книгу, рождая собственную «букву», собственное «имя», «значением» которого становится он сам. Гаман убежден, что этот маленький «вечный круг» захваченности разума самим собой опасен для культуры и имплицитно энтропию чувства и мысли, имплицитно в конечном итоге то, что Ницше назвал «величайшим из событий нового времени», — «смерть Бога».

В этом смысле импликациями «выхода» Просвещения, согласно взглядам Гамана, являются «выход» человека из Книги жизни, «убийцей» которой становится сам человек, «выход в могилу», которую сам «убийца» и роет для себя (см.: Hamann, 1949–1957, Bd. 3, S. 224).

Очень важно понять и иметь в виду, что Гаман не отвергает стремления Просвещения к гуманистическому обустройству жизни, к освобождению человека от анонимности его бытия. Именно эти устремления Просвещения к большей открытости, к большей герменевтической чуткости в отношении к реальной, эмпирической действительности, к ее разнообразию, ее внутренним значениям Гаман воспринимает очень серьезно и мотивированно. Но он не верит в формулу автономии, напротив, он убежден, что истинный гуманизм может быть найден только в свете трансценденции. Автономия, основанная на замкнутой в самой себе имманентности, приведет, по его мнению, только к новым формам несвободы, к подавлению человека и природы, что в определенной степени подтверждается современным опытом инструментализации природы и явно ощутимой растерянностью на поприще современной антропологии.

Таким образом, в контексте размышлений о Гамане вопрос о «философии Книги» приобретает статус вопроса о возможности / невозможности опыта истины в целом. При этом важно подчеркнуть, что судьба онтологии оказывается функцией от качества «чтения», поскольку ее диалогическая природа напрямую обуславливает особую герменевтическую ответственность человека перед сущим. Само сущее как «Книга жизни» обращается к человеку как Книга в сложной диалектике своего овеществления в эпистемологической «языковости» пророка, ученого, поэта, а через них — к бесчисленным поколениям Читателя, который вольно или невольно оказывается включенным в бытийную судьбу онтологического диалога. «Смерть Книги», или превращение Книги в симулякр, грозит подтвердить диагноз многих современных философов (Х. Арендт, Ф. Гваттари, Ж. Делёза) о превращении мира культуры в автохтонное мерцание гибридно-цитатных руин. Вот почему сегодня так важны образовательно-реанимационные усилия по спасению Книги, что только и может решить насущную эпистемологическую проблему, то есть проблему такого качества знания, которое обеспечит человечеству выход из пике нарастающего катастрофизма. Похоже, что сегодня как никогда важно открыть Книгу, чтобы ответить наконец на призыв «ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати с нее?» (Откр. 5: 2). Или нам все же придется разделить слезы Богослова о том, «что никого не нашлось достойного раскрыть и читать сию книгу, и даже посмотреть в нее» (Откр. 5: 4)?

Список литературы

Гильманов В. Х. Герменевтика «образа» И. Г. Гамана и Просвещение : монография. Калининград : Изд-во КГУ, 2003.

Гильманов В. Х. «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник МГУ. Сер.: Философия. 2005. №3. С. 14–26.

Гильманов В. Х. И. Г. Гаман и И. Кант: битва за чистый разум : монография. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013.

Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8.

Eco U. Die Grenzen der Interpretationen. München ; Wien : Carl Hanser Verlag, 1992.

Hamann J. G. Briefwechsel : in 8 Bdn / hrsg. von A. Henkel. Frankfurt a/M : Insel, 1965. Bd. 5 : 1783–1785.

Hamann J. G. Sämtliche Werke : in 6 Bdn / historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler. Wien : Thomas Morus Presse im Verlag Herder, 1949–1957.

Ricoeur P. Philosophische und theologische Hermeneutik // Ricoeur P., Jünger E. Metapher. Zur Hermeneutik religiöser Sprache. München : Kaiser, 1974.

Об авторе

Владимир Хамитович Гильманов, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

Для цитирования:

Гильманов В. Х. Книга жизни в герменевтике И. Г. Гамана // Слово.ру. балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 34–44. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3.

THE BOOK OF LIFE IN THE HERMENEUTICS OF JOHANN GEORG HAMANN

V. Kh. Gilmanov¹

¹Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad 236016, Russia
Submitted on August 5, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3

In this article, I consider the philosophy of the Book in the context of reflections on hermeneutics in the works of the 18th-century Königsbergian thinker Johann Georg Hamann. Hamann's bibliocentric hermeneutics treats the 'philosophy of the Book' as the question as to whether the experience of truth as such is possible. In the light of his hermeneutics, the fate of ontology is a function of the quality of reading since its dialogical nature directly determines a person's special hermeneutic responsibility towards all that exists. In being the Book of Life, all that exists communicates with the human being as if it were the Book. It does so within the complex dialectics of objectivation in the epistemological linguisticity of a prophet, a scientist, or a poet and, through them, reaches out to countless generations of the Reader, who is voluntarily or involuntarily involved in the existential fate of the ontological dialogue. The 'death of the Book', or the transformation of the Book into a simulacrum, may confirm the diagnosis given by many modern philosophers: the world of culture is turning into an autochthonous flicker of hybrid quotations ruins.

Keywords: hermeneutics, book, author, reader, ontology, dialogue, Hamann.

References

- Gilmanov, V., 2003. *Germenevtika «obraza» I.G. Gamaia i Prosveshchenie Kaliningrad* [Hermeneutics of Image by J.G. Hamann and Enlightenment]. Kaliningrad (in Russ.).
- Gilmanov, V., 2005. Crusades of J.G. Hamann against Enlightenment. *Vestnik MGU. Ser.: Filosofia* [Bulletin of Moscow State University. Ser.: Philosophy], 3, pp. 14–26 (in Russ.).
- Gilmanov, V., 2013. *J.G. Gamaia i I. Kant: bitva za chisty razum* [J.G. Hamann and I. Kant: Struggle for Pure Reason]. Kaliningrad (in Russ.).
- Kant, I., 1994. The Answer for the Question: What is Enlightenment? In: I. Kant. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 8. Moscow: Choro. pp. 29–37 (in Russ.).
- Eco, U., 1987. *The limits of Interpretations*. Munich, Vienna: Carl Hanser Verlag.
- Hamann, J., 1949–1957. *Collected Works*. Vienna: Thomas Morus Presse im Verlag Herder Wien.
- Hamann, J., 1965. *Correspondence*. Vol. 5. Wiesbaden: Insel.
- Ricoeur, P., 1974. Philosophische und theologische Hermeneutik. In: P. Ricoeur, E. Juengel. *Metapher. Zur Hermeneutik religiöser Sprache*. Munich: Kaiser.
- Ricoeur, P., 1974. *Metapher. To the Hermeneutics of religious language*. Munich: Kaiser.

The author

Prof. Vladimir Kh. Gilmanov, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: gilmanov.wladimir@rambler.ru

To cite this article:

Gilmanov, V.Kh. 2019, The Book of Life in the hermeneutics of Johann Georg Hamann, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 34–44. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-3.

**ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ ТАРТУСКОЙ ШКОЛЫ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

М. Ю. Лотман^{1, 2}

¹ Таллинский университет
10120, Эстония, Таллин, Нарвское шоссе, 25

² Тартуский университет
51005, Эстония, Тарту, ул. Якоби, 2
Поступила в редакцию 01.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные со становлением понятия текста, центрального для Тартуско-московской семиотической школы, и возможные направления его развития. К первым относится соотношение статики и динамики. С точки зрения классического структурализма, языковая система является статичным образованием. Вместе с тем, поскольку порождение текста представляет собой динамичный процесс, возможность динамики должна быть каким-то образом заложена и в языке. Решение этой дилеммы в Тартуско-московской школе велось в двух направлениях. Во-первых, это представление о принципиальной полисемиотичности текста: вербальный текст кодируется не одной, а несколькими знаковыми системами. Во-вторых, это представление об активности текста, его памяти и его ответственности. Соответственно, формируются два основных направления развития идей Тартуско-московской школы. Первое связано с исследованием полисемиотических систем и механизмов, будь то теория поэтического языка, теория перевода или интерсемиотические интеракции в различных областях биосемиотики. Второе реализуется в исследованиях взаимодействия текста и дискурса, в семиотике истории, идеологии и т. п.

Ключевые слова: семиотика, Тартуско-московская семиотическая школа, текст, дискурс, история, аутопоэзис.

Текст — одно из ключевых понятий Тартуско-московской семиотической школы (ТМШ). Ставшее предметом активного обсуждения после публикации первой структуралистской монографии Ю. М. Лотмана, открывшей серию семиотических изданий Тартуского университета (Лотман, 1964), оно имело целый ряд импликаций не только в области поэтики, но и в других областях семиотического знания (ср. Лотман М., 1995). При этом само понятие текста претерпело знаменательную эволюцию.

Концепция текста в ТМШ и в первую очередь в наследии Ю. М. Лотмана привлекала и привлекает внимание исследователей (см.: Lachmann, 1987; Леута, 2009 и, особенно подробно, Золян, 2016). Настоящие заметки не ставят своей целью всесторонний анализ проблемы, их задача скромнее: наметить основные траектории развития концепции текста, которые, возможно, дадут ориентиры для дальнейших исследований в этой области.

Осознание текста в качестве самостоятельной проблемы произошло сравнительно поздно — в середине 1950-х годов, причем осознание это в лингвистике и поэтике было связано с разными причинами и шло различными путями. Классический структурализм проблемы текста не знал, и само понятие текста было чем-то маргинальным, находящимся за пределами основного направления развития науки о языке. Соссюр разделил языковую область на собственно язык и речь, причем именно язык представлял для него основной интерес. Текст же являлся всего лишь фиксированной разновидностью речи.

Лингвистический структурализм развивался в соответствии с декартовским принципом развития науки: от простого к сложному, от частей к целому. основополагающие работы в области фонологии нашли продолжение в области морфологии и, далее, синтаксиса. Возник вопрос о верхней границе лингвистических единиц: следует ли считать наибольшей языковой единицей сложноподчиненное предложение, или существуют лингвистически релевантные надфразовые образования? Так, выдающийся лингвист Эмиль Бенвенист утверждал, что высшей единицей языковой структуры является предложение (Бенвенист, 1974а). Между тем уже в 1952 году Зеллиг Харрис опубликовал пионерскую работу, в которой показал, что регулярные ограничения, накладываемые на синтаксические структуры, выходят за рамки предложения (Harris, 1952). Это исследование дало толчок развитию лингвистики текста. Первоначально дело шло лишь о межфразовых отношениях и, строго говоря, это была лингвистика не текста, а сверхфразовых единств. В рамках ТМШ сверхфразовым синтаксисом продуктивно занимался Б. М. Гаспаров и его ученики (Гаспаров, 1975а, 1975б и др.); Е. В. Падучева выявила связь межфразовых отношений с актуальным членением (Падучева, 1964). Удалось также разработать формальную модель семантических отношений на сверхфразовом уровне (Лотман М., 1988).

Дальнейшие исследования в области семантики и прагматики позволили говорить о тексте как о структурном образовании, не сводимом к сумме своих составляющих. Лингвистика текста заняла положение, промежуточное между собственно лингвистикой и риторической поэтикой. Если развитие лингвистики шло в направлении от простого к сложному, то в поэтике, напротив, текст является первичной реальностью, подлежащей декомпозиции в ходе последующего анализа. Если в лингвистике было более или менее очевидно, из каких единиц состоит текст, проблему же представлял текст как целое, то в поэтике, напротив, текст был непосредственной данностью, а на какие эстетически релевантные части он разлагается, приходилось решать в каждом конкретном случае *ad hoc*.

Другой ракурс проблемы текста представляли исследования в области лингвистической и художественной коммуникации. Здесь текст рассматривается с функциональной точки зрения — как разновидность закодированного сигнала. Классическая работа Романа Jakobson (1960), она стимулировала многочисленные исследования. Jakobson связал структуру языковой коммуникации с

функциями языка. Он переформулировал дихотомию Соссюра, назвав оппозицию языка и речи соотношением между кодом и сообщением. Это, казалось бы, чисто терминологическое решение имело далеко идущие последствия, поскольку переводило проблему в область общей теории коммуникации. А.М. Пятигорский (1962) охарактеризовал текст в качестве субъективного события (сигнала), имеющего объективные последствия; текст-сигнал является сингулярным событием, вместе с тем каждый текст вне зависимости от его внутренних характеристик есть потенциальное произведение. Эти положения получили развитие в совместной с Ю.М. Лотманом заметке (Лотман, Пятигорский, 1968), ставшей отправной точкой для дальнейших исследований в области текста в рамках ТМШ.

Новое понимание текста позволило использовать при его анализе методы, выработанные в лингвистике для анализа языковых, а не речевых структур. Метод бинарных оппозиций был разработан Н.С. Трубецким для анализа явлений фонологии (а не фонетики), но Клод Леви-Строс (1985) с успехом применил его при анализе мифологии и структур родства, а Ю.М. Лотман — при анализе художественных структур (Лотман, 1964, 1972 и др.). Художественный текст далеко не всегда является реализацией заранее сформированного языка, но сам в ходе своего создания создает свой язык — оппозиция языка и речи в художественном творчестве оказывается существенно модифицированной по сравнению с тем, что, по мнению Соссюра, имеет место в языковой сфере (*langage*). Ю.М. Лотман делает отсюда еще более радикальный вывод: «В реальной истории культуры мы неоднократно сталкиваемся со случаями, когда появление текста предшествует появлению языка и стимулирует это последнее» (Лотман, 1981, с. 28).

В другом, но тоже исключительно важном направлении развивалась концепция текста во французском структурализме. Если для тартуских структуралистов текст своей замкнутостью и имманентностью отдалялся от речи и приближался к языку, то для Ролана Барта (1989), Мишеля Фуко (1996) и других был важен, напротив, принципиально открытый характер текста как языкового высказывания. Здесь также изначально имела место, казалось бы, невинная терминологическая замена: при сохранении основной соссюровской дихотомии языка (*langue*) и речи (*parole*) наименование последней было заменено на практически синонимичный термин *discours*. Поначалу это решение было чревато недоразумениями, поскольку ассоциировалось с дискурсивным анализом З. Харриса и его последователей (см. выше), однако вскоре именно такое понимание дискурса стало преобладающим. Дискурс в трактовке Барта и особенно Фуко, но отчасти и Бенвениста (напр., Бенвенист, 1974б) не вмещается в рамки не только речи, но и всей соссюровской языковой деятельности (*langage*); понятие дискурса включает целый ряд экстралингвистических — социополитических и психологических — параметров. Это имело важные последствия и для теории текста. Если классический структурализм предпочитал рассматривать текст в его замкнутости, то дискурсивный анализ заставил сместить акцент в сторону интертекстуальности. Хотя уже в «Лекциях по структуральной

поэтике» (Лотман, 1964) последняя глава была посвящена соотношению внутри- и внетекстовых связей, читателей заинтересовали прежде всего первые главы¹; в «Структуре художественного текста» Ю. М. Лотмана (1972) анализ внетекстовых связей оказывается в середине монографии. В дальнейшем различные механизмы интертекстуальности привлекали все большее внимание исследователей в ТМШ (ср. Минц, 1973, 1992).

В близком направлении развивались исследования акмеизма в трудах К. Ф. Тарановского — внимательного читателя изданий ТМШ. Если в первых работах, посвященных поэтике Мандельштама, Тарановский придерживался традиционной парадигмы цитаций и влияний, то начиная с заметки о «Сеновале» он последовательно отстаивает преимущества «открытой» интерпретации художественного текста (Тарановский, 1973)². Главное же его достижение в области поэтики заключалось в разработке методики контекстуального и подтекстуального анализа (Taranovsky, 1976; ср. также Ронен, 1973), причем такой подход к художественному тексту позволяет использовать формальный аппарат логико-лингвистической прагматики, поскольку подтексты могут интерпретироваться в качестве пресуппозиций (Лотман М., 1984).

Прагматическая перспектива подспудно присутствовала и в лингвистической теории текста, начиная по крайней мере с модели языковой коммуникации Бюлера — Якобсона (Bühler, 1999; Jakobson, 1960). В публикациях Ю. М. Лотмана якобсоновская концепция языковой коммуникации и ее схема были подвергнуты существенному пересмотру. Схема Якобсона статична: код, контекст и контакт³, равно как отправитель (адресант) и получатель (адресат), существуют до акта коммуникации и, очевидно, вне зависимости от нее. По Ю. М. Лотману, всякий акт коммуникации динамичен. Акт коммуникации не есть передача готового сообщения: не только сообщение (текст) невозможно без кода (языка), но и язык в отсутствие сообщений на нем мертв; более того, язык развивается за счет создаваемых на нем текстов, а подчас, особенно в сфере художественного творчества, и создается ими. Столь же динамично и соотношение остальных компонентов коммуникативной ситуации. Контекст — это со-текст (кон-текст), он не может существовать до текста; в той же мере, в какой текст зависит от контекста, и контекст зависит от текста, создается им. Акт коммуникации есть акт перевода, акт

¹ Зато в комментариях к позднему изданию «Лекций» В. С. Баевский так охарактеризовал заключительную главу книги: «Сегодня хорошо видно, что в этой исключительной по судьбе небольшой книге, открывшей мощное научное направление, данный и следующий параграфы выдвинули наибольшее количество идей, вошедших в теорию литературы» (Баевский, 1994, с. 254).

² Несколько позднее следующий шаг сделает Умберто Эко, согласно которому не только интерпретация, но и сам текст представляет собой открытую структуру (Есо, 1979).

³ Определенные коррективы, динамизирующие ситуацию, вносит фатическая функция, поскольку даже по Якобсону она не обязательно сводится к проверке канала связи (контакта), но в определенных условиях может его создавать.

трансформации: текст трансформирует язык, адресата, устанавливает контакт между адресантом и адресатом, трансформирует самого адресанта. Более того, текст трансформируется сам и перестает быть тождественным самому себе.

На двух последних утверждениях следует остановиться несколько подробнее. В статье «Текст и структура аудитории» (Лотман, 1977б) показывается активность текста в выборе и даже создании своей аудитории. Когда М.Л. Гаспаров как-то обмолвился, что Россия — это читатели Пушкина, то он в афористической форме выразил эту же идею: тексты Пушкина создали некоторое сообщество; нельзя сказать, что без этих текстов России не было бы, но можно определенно утверждать, что ее не было бы в том виде, в каком мы ее знаем. Дело не сводится к влиянию того или иного текста на своих читателей или слушателей. «Между текстом и аудиторией складывается отношение, которое характеризуется не пассивным восприятием, а имеет природу диалога» (Лотман, 1977б, с. 55). Диалог этот обогащает и трансформирует обоих участников, в частности, получая некий текст, аудитория «может вспомнить то, что ей было неизвестно» (Лотман, 1977б, с. 61), то есть нечто «внешнее» становится не просто «внутренним» в результате усвоения или заимствования, но исконно «своим». С одной стороны, это происходит в результате реализации в тексте определенной стратегии автора, с другой — текст сам является участником диалога, приобретая определенную автономию по отношению к своему автору, а в случаях автокоммуникации — и первичность по отношению к нему.

Автокоммуникации посвящена статья «О двух моделях коммуникации в системе культуры» (Лотман, 1973а). Случаи автокоммуникации многочисленны и разнообразны, начиная с внутренней речи и мнемонических заметок и заканчивая дневниками и текстами исповедального характера, созданными с целью самопознания и самосовершенствования; кроме того — и это для Ю.М. Лотмана имеет принципиальное значение — механизмы автокоммуникации являются существенным компонентом художественного творчества: автор творит не только текст, который воздействует на аудиторию, но, будучи сам частью этой аудитории, творит самого себя. Концепция автокоммуникации имеет кардинальные последствия для типологии культуры: если на уровне личности автокоммуникация может играть второстепенную роль, то на уровне культуры как целого сумма и значение внутрикультурных коммуникаций преобладает над межкультурными.

Текст неотделим от остальных участников коммуникативного акта и, влияя на них, трансформируя их, он оказывается нетождественным самому себе. Какие-то компоненты смысла теряют свою актуальность, забываются и отмирают, однако основной вектор развития направлен в сторону обогащения и усложнения смысла: включаясь во все новые внетекстовые связи, структура текста и его семантика постоянно усложняются, и все это заставляет вспомнить Гераклита. «Самовозрастающий логос» — так звучал один из первоначальных вариантов заглавия книги «Внутри мыслящих миров» (Лотман, 1996).

Одной из движущих сил саморазвития текста является его принципиальная неоднородность, в частности его полиглотизм: каждый текст выступает реализацией по крайней мере двух семиотически различных языков, из которых один оперирует конвенциональными (символическими, по Ч.С. Пирсу) знаками, а другой — иконическими. Это одно из наиболее принципиальных положений ТМШ, противостоящее всем предшествующим концепциям текста, в том числе Соссюра и Якобсона. Так, поэтический текст реализует конвенциональную систему естественного языка, но также и язык образов, носящий иконический характер, а кроме того, метрическую структуру, представляющую язык третьего типа (Lotman M., 2011, 2012a).

Текст парадоксальным образом сочетает свойства элементарного замкнутого сигнала и сложнейшей гетерогенной открытой структуры. Эти свойства позволяют рассматривать его в роли не только носителя информации, но и модели, с одной стороны, (индивидуального) сознания, а с другой — культуры (коллективного сознания) в целом. Сила и преимущество семиотических моделей заключаются в том, что посредством семиотической редукции⁴ можно, отбросив все семиотически нерелевантное, получить простые структуры, лежащие в основе самых разнообразных явлений в сфере различных культурных феноменов и коммуникативных процессов. Так, на определенном уровне абстракции можно столь различные в материальном плане объекты, как текст, интеллект и культура, описывать при помощи одной и той же семиотической модели, или, иными словами, использовать, к примеру, текст в качестве модели культуры, а культуру — в качестве модели текста (ср. также «фонологический анализ» систем родства, осуществленный К. Леви-Стросом).

Семиотически неоднородный текст обладает способностью генерировать новые сообщения. «Роль его отличается активностью: он всегда “знает больше”, чем исходное сообщение» (Лотман, 1981, с. 27). Текст, подобно интеллекту, является генератором смысла (Лотман, 1981). Работающая модель интеллекта (даже если речь идет об интеллекте искусственном) не может быть монологична; подобно тексту, она должна включать по крайней мере два механизма, работающих на языках различного типа (например, конвенциональном, вербальном и иконическом). Эти механизмы находятся в состоянии постоянного диалога, но порождаемые ими сообщения не полностью переводимы на язык партнера.

⁴ Я предложил термин «семиотическая редукция» для обозначения соссюровской методологии и по аналогии с феноменологической редукцией. Для выделения языковой знаковости в чистом виде нужно последовательно элиминировать все факторы, связанные с пространственными, временными, психологическими и материальными условиями (Lotman M., 2012b). Лишь выделив семиотический механизм в чистом виде, можно в дальнейшем исследовать его социокультурные, психологические, исторические, географические и иные манифестации.

Следует отметить, что текст типа T2 (то есть семиотически неоднородный текст, например художественный. — М.Л.) обнаруживает черты интеллектуального устройства: он обладает памятью, в которой он может концентрировать свои предшествующие значения, и одновременно он проявляет способность, включаясь в коммуникативную цепь, создавать новые нетривиальные сообщения. Если принять определение разумной души, которое дал Гераклит Эфесский: «Психее присущ самовозрастающий логос», то T2 может рассматриваться как один из объектов, обладающих этим свойством.

Вопрос о «памяти текста», несмотря на его исключительную сложность, уже находится в определенной — хотя все еще начальной — стадии рассмотрения (ср. введенное М. М. Бахтиным понятие «память жанра»). Более неожиданным может показаться представление о тексте как мыслящем устройстве. <...> «Самовозрастающий логос» не подразумевает, а исключает изолированность. Мыслящее устройство не может работать в изоляции. Это подтверждается и индивидуальным «естественным разумом» (в значении, параллельном термину «естественный язык»), и вторичным коллективным разумом культуры (Лотман, 1981, с. 27 — 28)⁵.

Сказанное справедливо как для отдельно взятого текста, так и для (индивидуального) интеллекта и для культуры (коллективного интеллекта) как целого, рассматриваемого в качестве своего рода сверхтекста. Поскольку речь идет в первую очередь о человеческом интеллекте, то в силу функциональной асимметрии мозга сообщения иконического механизма передаются обычно в переводе на вербальный язык: визуальные структуры переводятся в вербальные⁶. Так порождаются метафоры и вообще значительная часть языковой образности (Lotman M., 2011, 2012a).

То, что текст обладает определенными семиотическими свойствами личности, в частности определенным поведением и судьбой, позволяет использовать его в качестве модели поведения вообще и человеческого поведения в частности. Такие метафоры, как *книга жизни*, встречаются в различные эпохи в самых различных культурах; ср. также более современные и вместе с тем более специфические образования типа *текст поведения*, *жизнетворчество* и др. Семиотический смысл этих метафор (а каждая метафора является своего рода моделью) был описан значительно позже (ср.: Лотман, 1973б, 1975, 1977а; Золян, Чернов, 1977; Паперно, 1979).

Следующий большой круг проблем связан с темой «текст и история». Этой проблематике посвящен большой цикл поздних работ

⁵ Семиотическая теория нетождественности текста самому себе, возрастания его смысла и включенности в некий супертекст находит параллели в поэтологии русского модернизма, особенно акмеизма; ср. концепцию мирового поэтического текста (Левин и др., 1974).

⁶ В этом смысле особый интерес представляет жанр экфрасиса, который может быть интерпретирован в качестве экстериоризации работы человеческого сознания. Не случайно традиционное европейское образование включает в качестве обязательного компонента умение «рассказать картинку».

Ю. М. Лотмана. Здесь выделяются три основных аспекта. Во-первых, как известно, исторический нарратив всегда принимает форму текста (этим он отличается от мифов и других форм доисторического повествования). Обычно недостаточно внимания обращается на то обстоятельство, что текст навязывает повествованию о прошлом свои свойства: герои, события, вообще сюжетность как таковая — суть продукты нарративного мышления. Во-вторых, как уже было сказано, текстовые модели могут определять поступки людей, тем самым оказывая влияние не только на интерпретацию тех или иных феноменов, но и на сам ход событий. В-третьих, текстуальность разбивает поток бытия на отграниченные отрезки, имеющие, как и текст, начало и конец. Отмеченность конца заставляет видеть в истории смысл и назначение (Лотман, 1993, 1996). Расчлененность является условием осмысленности, осмысленность же, в свою очередь, подразумевает расчлененность:

Поведение человека осмысленно. Это означает, что деятельность человека подразумевает какую-то цель. Но понятие цели неизбежно включает в себя представление о некоем конце события. Человеческое стремление приписывать действиям и событиям смысл и цель подразумевает расчлененность непрерывной реальности на некоторые условные сегменты. Это же неизбежно сопрягается со стремлением человека понять то, что является предметом его наблюдения. <...> То, что не имеет конца, не имеет и смысла. Осмысление связано с сегментацией недискретного пространства. В этом отношении приписывание реальности значений, в частности в процессе художественного осмысления, неизбежно включает в себя сегментацию (Лотман, 1993, с. 1).

Теория текста в ТМШ постоянно развивалась; идеи и догадки 1960-х годов были необходимой, но недостаточной предпосылкой концепций, получивших развитие в последующие десятилетия. Думается, что потенциал этих идей еще не исчерпан. Можно наметить два принципиально новых для ТМШ направления. Первое из них связано с социосемиотикой, второе — с биосемиотикой. Первое едва ли является неожиданным: если, с одной стороны, индивидуальное поведение, а с другой — культура в целом могут рассматриваться в качестве текста, то, очевидно, подобный подход может оказаться продуктивным и при описании социальных структур. Интереснее, однако, то, что текстуальный подход к обществу позволяет выделить в нем разные типы текстов, не сводимые к тексту культуры. Еще более захватывающие перспективы методология тартуского структурализма открывает в области биосемиотики. Калеви Куль, теоретический биолог по своей первой специальности, определяет жизнь как сам себя читающий текст (Kull, 1998; ср. также: Kull, Lotman, 2012): синтез белка включает чтение и интерпретацию содержащейся в белке генетической информации; синтезированный белок, в свою очередь, содержит ту же генетическую информацию. Если с точки зрения психосемиотики «сознанию должно предшествовать сознание», а с точки зрения семиотики культуры «развитой цивилизации должна предшествовать развитая цивилизация» (Лотман, 1981, с. 28), то с точки зрения биосемиотики жизни должна предшествовать жизнь. Жизнь, понимаемая как текст.

Список литературы

- Баевский В.С.* Комментарий // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 247–257.
- Барт Р.* Избр. Работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
- Бенвенист Э.* Уровни лингвистического анализа // *Общая лингвистика*. М. : Прогресс, 1974а. С. 129–140.
- Бенвенист Э.* Формальный аппарат высказывания // Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М. : Прогресс, 1974б. С. 311–320.
- Гаспаров Б.М.* Принципы синтагматического описания уровня предложений. Труды по русской и славянской филологии. [Сб.] 13. Сер. лингвистическая. Тарту : ТГУ, 1975а. С. 3–29.
- Гаспаров Б.М.* Структура формальной связи предложений в современном русском языке // Труды по русской и славянской филологии. [Сб.] 23. Сер. лингвистическая. Тарту : ТГУ, 1975б. С. 30–63.
- Золян С.* Юрий Лотман о тексте: Идеи, проблемы, перспективы // *НЛО*. 2016. №3 (139).
- Золян С.Т., Чернов И.А.* О структуре языка описания поведения // Труды по знаковым системам. [Сб.] 8. Тарту : ТГУ, 1977а. С. 151–163.
- Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д. и др.* Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. №7/8. С. 47–82.
- Леви-Строс К.* Структурный анализ в лингвистике и антропологии // *Леви-Строс К.* Структурная антропология. М. : Главная редакция восточной литературы, 1985. Гл. 2. С. 33–52.
- Леута О.Н.* Ю.М. Лотман о трех функциях текста // Юрий Михайлович Лотман. М. : РОССПЭН, 2009. С. 294–309.
- Лотман М.Ю.* Семантика контекста и подтекста в поэзии Мандельштама // *International Journal of Slavic Linguistic and Poetics*. 1984. Vol. 29. С. 133–142.
- Лотман М.Ю.* Семантическая структура связанного текста и проблемы ее представления в АИПС. Таллин : Eesti Informatsiooni Instituut, 1988.
- Лотман М.Ю.* За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) // *Лотмановский сборник*. Т. 1. М. : ИЦ-Гарант, 1995. С. 214–222.
- Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике. Вып. 1 : Введение, теория стиха // Труды по знаковым системам. [Сб.] 1. Тарту : ТГУ, 1964.
- Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М. : Искусство, 1972.
- Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации в системе культуры // Труды по знаковым системам. [Сб.] 6. Тарту : ТГУ, 1973а. С. 227–243.
- Лотман Ю.М.* Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // *Semiotyka i struktura tekstu: studia poświęcone VII. Międzynarodowemu Kongresowi Slawistów*. Warszawa ; Wrocław : Ossolineum, 1973б. С. 337–355.
- Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни. Литературное наследие декабристов : сб. ст. Ленинград : Наука, 1975. С. 25–74.
- Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Труды по знаковым системам. [Сб.] 8. Тарту : ТГУ, 1977а. С. 65–89.
- Лотман Ю.М.* Текст и структура аудитории // Труды по знаковым системам. [Сб.] 9. Тарту : ТГУ, 1977б. С. 55–61.
- Лотман Ю.М.* Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // *Семиотика и информатика*. М. : ВИНТИ. 1981. Вып. 1. С. 13–17.

Лотман Ю.М. Смерть как проблема сюжета // *Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XX : Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman.* Amsterdam : Rodopi, 1993. С. 1–15.

Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М. : Языки русской культуры, 1996.

Лотман Ю.М., Пятигорский А.М. Текст и функция // III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, 10–20 мая 1968 г. : тез. Тарту : ТГУ, 1968. С. 74–88.

Миц З.Г. Функция реминисценций в поэтике А. Блока // Труды по знаковым системам. [Сб.] 6. Тарту : ТГУ, 1973. С. 387–417.

Миц З.Г. «Забытая цитата» в поэтике русского постсимволизма // Труды по знаковым системам. [Сб.] 25. Тарту : ТГУ, 1992. С. 123–136.

Паперно И.А. Структура устной речи и проблемы моделирования поведения // Семиотика устной речи: Лингвистическая семантика и семиотика. Тарту : ТГУ, 1979. С. 143–163.

Пятигорский А.М. Некоторые общие замечания относительно рассмотрения текста как разновидности сигнала // Структурно-типологические исследования. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 144–154.

Ронен О. Лексический повтор, подтекст и смысл в поэтике Осипа Мандельштама // *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky* / eds. R. Jakobson, C.H. van Schooneveld, D.S. Worth. The Hague ; Paris : Walter de Gruyter, 1973. С. 367–388.

Тарановский К.Ф. О замкнутой и открытой интерпретации поэтического текста // *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists (Warsaw, August 21–27, 1973)*. Vol. 1 : Linguistics and Poetics. The Hague : De Gruyter Mouton, 1973. С. 333–360.

Фуко М. Порядок дискурса. Инаугурационная лекция в Коллеж де Франс, прочитанная 2 декабря 1970 года // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Касталь, 1996. С. 47–95.

Bühler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache. Stuttgart : Fischer, 1999.

Eco U. Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative. Milano : Bompiani, 1979.

Harris Z. S. Discourse Analysis // *Language*. 1952. Vol. 28, №1. P. 1–30.

Jakobson R. Linguistics and Poetics // *Style in Language* / ed. Th. Sebeok. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1960. P. 359–377.

Kull K. Organism as a self-reading text: anticipation and semiosis // *International Journal of Computing Anticipatory Systems*. 1998. Vol. 1. P. 93–104.

Kull K., Lotman M. Semiotica Tartuensis: Jakob von Uexküll and Juri Lotman // *Chinese Semiotic Studies*. Vol. 6. Nanjing : Nanjing Normal University Press, 2012. P. 312–323.

Lachmann R. Value Aspects in Jurij Lotman's Semiotics of Culture / *Semiotics of Text. Dispositio*. 1987. Vol. XII, №30–32. P. 13–33.

Lotman M. Linguistics and Poetics Revisited // *Frontiers in Comparative Prosody* / eds. M. Lotman, M.-K. Lotman. Bern ; Berlin etc. : Peter Lang Verlag, 2011. P. 15–53.

Lotman M. Verse as a semiotic system // *Sign Systems Studies*. 2012a. Vol. 40, №1/2. P. 18–49.

Lotman M. Sissejuhatuses // Lotman M. Struktuur ja vabadus I : Semiootika vaatevinklist. 1.1. Tartu – Moskva koolkond: tekstist semiosfääriini. Tallinn : TLU kirjastus, 2012b. L. 15–46.

Taranovsky K. Essays on Mandel'stam. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1976.

Об авторе

Михаил Юрьевич Лотман, профессор, Таллинский университет; ведущий научный сотрудник, Тартуский университет, Эстония.

E-mail: mihhail.lotman@gmail.com

Для цитирования:

Лотман М. Ю. Текст в контексте Тартуской школы: проблемы и перспективы // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 45–58. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4.

THE TEXT IN THE CONTEXT OF THE TARTU SEMIOTIC SCHOOL: PROBLEMS AND PROSPECTS

M. Yu. Lotman^{1, 2}

¹Tallinn University
25 Narva rd., 10120, Tallinn, Estonia

²University of Tartu
2 Jakobi, 51005 Tartu, Estonia
Submitted on August 1, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4

In this article, I discuss problems associated with the emergence and development of the concept of text, which is central to the Tartu-Moscow Semiotic School (TMS). The first problem is the interrelation between statics and dynamics. From the perspective of classical structuralism, the language system is a static entity. The generation of a text, however, is a dynamic process. Therefore, language should contain the possibility of dynamics. The TMS offered a twofold solution to this dilemma. Firstly, the text was assumed to have a polysemiotic nature: the verbal text is encoded not by one, but by several sign systems. Secondly, there was an idea of the activity, memory, and responsibility of the text. The two major lines of research within the TMS developed accordingly. The first one focused on polysemiotic systems and mechanisms: the theory of poetic language, translation theory, and intersemiotic interactions in various fields of biosemiotics. The second one explored interactions between the text and the discourse, the semiotics of history, ideology, etc.

Keywords: *semiotics, Tartu-Moscow Semiotic School, text, discourse, history, autopoiesis.*

References

Baevskii, V.S. 1994. Kommentarii. In: A. Koshelov, ed. *Yu. M. Lotman i tartusko – moskovskaya semioticheskaya shkola* [Yu. M. Lotman and the Tartu – Moscow semiotic school]. Moscow: Gnozis (in Russ.).

Bart, R., 1989. *Izbrannye raboty: Semiotika: Poetika* [Selected works: Semiotics: Poetics]. Moscow: Progress (in Russ.).

Benvenist, E., 1974a. Levels of linguistic analysis. In: E. Benvenist, ed. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress (in Russ.).

Benvenist, E., 1974b. The formal apparatus of utterance. In: E. Benvenist, ed. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress (in Russ.).

Gasparov, B.M., 1975a. The principles of syntagmatic description of the level of sentences. In: B. Gasparov, ed. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii XXIII. Seriya lingvisticheskaya* [Proceedings of Russian and Slavic Philology XXIII. A series of linguistic.]. Tartu: TGU. pp. 3–29 (in Russ.).

Gasparov, B.M., 1975b. The structure of the formal connection of sentences in modern Russian. In: B. Gasparov, ed. *Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii XXIII. Seriya lingvisticheskaya* [Proceedings of Russian and Slavic Philology XXIII. A series of linguistic.]. Tartu: TGU. pp. 30–63 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2016. Yuri Lotman on the text: Ideas, problems, prospects. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 3(139), pp. 63–96 (in Russ.).

Zolyan, S.T., Chernov, I.A., 1977. On the structure of the language of the description of behavior. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 8, pp. 151–163 (in Russ.).

Levin, Yu. I., Segal, D.M., Timenchik, R.D., Toporov, V.N., Tsiv'yan, T.V., 1974. Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm. *Russian Literature*, 7(8), pp. 47–82 (in Russ.).

Levi-Stross, K., 1985. Structural analysis in linguistics and anthropology. In: K. Levi-Stross, ed. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury (in Russ.).

Leuta, O.N., 2009. Yu. M. Lotman on the three functions of the text. In: V. Kantor, ed. *Yurii Mikhailovich Lotman* [Yuri Mikhailovich Lotman]. Moscow: ROSSPEN. pp. 294–309 (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1984. The semantics of context and subtext in the poetry of Mandelstam. *International Journal of Slavic Linguistic and Poetics*, 19, pp. 133–142 (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1988. *Semanticheskaya struktura svyaznogo teksta i problemy ee predstavleniya v AIPS* [The semantic structure of a coherent text and the problems of its presentation in AIPS]. Tallinn: Eesti Informatsiooni Instituut (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1995. Behind the text: notes on the philosophical background of Tartu semiotics. In: *Lotmanovskii sbornik* [Lotman collection]. Vol. 1. Moscow: Its-Garant (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1964. Lectures on structural poetics. I Introduction. Theory of verse. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 1 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1972. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow: Iskusstvo (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1973a. About two models of communication in the cultural system. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 6, pp. 227–243 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1973b. Theater and theatricality in the culture of the early 19th century. In: *Semiotyka i struktura tekstu: studia poświęcone VII. Międzynarodowemu Kongresowi Słowistów*. Warszawa – Wrocław: Ossolineum. pp. 337–355 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1975. Decembrist in everyday life. In: V.G. Bazanov, V. Vatsuro, eds. *Literaturnoe nasledie dekabristov: (Sbornik statei)* [The literary heritage of the Decembrists: (Collection of articles)]. Leningrad: Nauka. pp. 25–74 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1977a. Poetics of everyday behavior in Russian culture of the XVIII century. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 8, pp. 65–89 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1977b. Text and audience structure. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactionses on Sign Systems], 9, pp. 51–61 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1981. The brain – text – culture – artificial intelligence. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Computer Science], 1, pp. 13–17 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1993. Death as a plot issue. In: *Studies in Slavic Literature and Poetics. Vol. XX: Literary Tradition and Practice in Russian Culture: Papers from an International Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman*. Amsterdam: Rodopi. pp. 1–15 (in Russ.).

Lotman, Yu. M., 1996. *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. Moscow: Languages of Russian Culture (in Russ.).

Lotman, Yu. M., Pyatigorskii, A. M., 1968. Text and function. In: *III Letnyaya shkola po vtorichnym modeliruyushchim sistemam* [III Summer School on Secondary Modeling Systems]. Kääriku, 10–20 May 1968. Tartu: TSU. pp. 74–88 (in Russ.).

Mints, Z. G., 1973. The function of reminiscences in the poetics of A. Blok. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactions on Sign Systems], 6, pp. 387–417 (in Russ.).

Mints, Z. G., 1992. "Forgotten Quote" in the poetics of Russian post–symbolism. *Trudy po znakovym sistemam* [Transactions on Sign Systems], 25, pp. 123–136 (in Russ.).

Paperno, I. A., 1979. The structure of spoken language and problems of modeling behavior. In: *Semiotika ustnoi rechi: Lingvističeskaya semantika i semiotika* [Semiotics of oral speech: Linguistic semantics and semiotics]. Vol. 481. Tartu: TGU. pp. 143–163 (in Russ.).

Pyatigorskii, A. M., 1962. *Nekotorye obščie zamečaniya otnositel'no rassmotreniya teksta kak raznovidnosti signala. Strukturno tipologičeskie issledovaniya* [Some general remarks regarding the consideration of the text as a kind of signal. Structural typological studies]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 144–154 (in Russ.).

Ronen, O., 1973. Lexical repetition, subtext and meaning in the poetics of Osip Mandelstam. In: R. Jakobson, C. H. van Schooneveld, D. S. Worth, eds. *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. The Hague – Paris: Walter de Gruyter. pp. 367–388 (in Russ.).

Taranovskii, K. F., 1973. About the closed and open interpretation of the poetic text. In: *American Contributions to the Seventh International Congress of Slavists, I: Linguistics and Poetics*. Warsaw, 21–27 August 1973. The Hague: De Gruyter Mouton. pp. 333–360 (in Russ.).

Fuko, M., 1996. The Order of Discourse. Inaugural lecture at the College de France delivered on December 2, 1970. In: M. Fuko, ed. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The will to truth: beyond knowledge, power and sexuality]. Moscow: Castal. pp. 47–95 (in Russ.).

Bühler, K., 1999. *Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache*. Stuttgart: Fischer.

Eco, U., 1979. *Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative*. Milano: Bompiani.

Harris, Z. S., 1952. Discourse Analysis. *Language*, 28(1), pp. 1–30.

Jakobson, R., 1960. Linguistics and Poetics. In: T. Sebeok, ed. *Style in Language*. Cambridge (MA): MIT Press. pp. 359–377.

Kull, K., 1998. Organism as a self–reading text: anticipation and semiosis. *International Journal of Computing Anticipatory Systems*, 1, pp. 93–104.

Kull, K., Lotman, M., 2012. Semiotica Tartuensis: Jakob von Uexküll and Juri Lotman. *Chinese Semiotic Studies*, 6, pp. 312–323.

Lachmann, R., 1987. Value Aspects in Jurij Lotman's Semiotics of Culture/Semiotics of Text. *Dispositio*, 7(30–32), pp. 13–33.

Lotman, M., 2011. Linguistics and Poetics Revisited. In: M. Lotman, M.-K. Lotman, eds. *Frontiers in Comparative Prosody*. Bern, Berlin etc.: Peter Lang Verlag. pp. 15–53.

Lotman, M., 2012a. Verse as a semiotic system. *Sign Systems Studies*, 40 (1/2), pp. 18–49.

Lotman, M., 2012b. Sissejuhatusesks. In: M. Lotman, ed. *Struktuur ja vabadus I: semiootika vaatevinklist. 1.1. Tartu – Moskva koolkond: tekstist semiosfäärini*. Tallinn: TLU kirjastus. pp. 15–46.

Taranovsky, K., 1976. *Essays on Mandel'shtam*. Cambridge (MA): Harvard University Press.

The author

Prof. Mikhail Yu. Lotman, Tallinn University; Lead research fellow, University of Tartu, Estonia.

E-mail: mihhail.lotman@gmail.com

To cite this article:

Lotman, M. Yu. 2019, The text in the context of the Tartu Semiotic School: problems and Prospects, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 45–58. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-4.

ТЕКСТНИКА. ВВЕДЕНИЕ В ЭЛЕКТРОННУЮ ФИЛОЛОГИЮ

*М. Н. Эпштейн*¹

¹ Университет Эмори
30322, США, Атланта, Даумэн драйв 201
Поступила в редакцию 29.07.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5

Цифровая филология изучает бытие текстов в электронных сетях, способы их чтения, написания и преобразования. Электронный текст гораздо более флюиден и легче поддается трансформациям, чем бумажные тексты и устные высказывания. Текстника – это сочетание теоретической и практической работы с электронными текстами, использование Интернета и всех возможностей компьютерной техники для создания новых знаковых ансамблей, разработки новых жанров интеллектуального творчества, реорганизации и переосмысления уже существующих текстуальных массивов. В статье вводится ряд понятий, обозначающих разные конфигурации электронных текстов: мегатекст – совокупность текстов, которые воспринимаются и исследуются как единое тематическое или семантическое целое; унитекст – совокупность всех мегатекстов, «всемирная литература»; надтекст – текст более высокого, общего порядка по отношению к данному; синтексты, объединенные общим надтекстом и выступающие по отношению друг к другу как синонимы; перитекст – список синтекстов, текст-оглавление, который выдается поисковой системой. Цифровой автор и исследователь взаимодействует со всей сетью: каждое слово должно быть соотносено не только с его непосредственным контекстом, но также и с надтекстами, где оно использовалось другими авторами на протяжении всей истории письма. При этом меняется основная филологическая процедура: интерпретация как глубоко-семантическое прочтение текста все более вытесняется его ретекстуализацией, трансформацией, расширением или сужением его знаковых рамок. Интернет позволяет легко компоновать новые тексты, куда прочитанное входит на правах цитат или гиперссылок. Тем самым связанное, линейное чтение и письмо уступают место сквозному, парадигмальному. С распространением автоматического перевода и многоязыковой компетенции читателей меняется и принцип взаимоотношения языков: перевод как поиск эквивалентности уступает место конструктивной метаморфозе, играющей на неэквивалентности разных языков.

Ключевые слова: филология, текстника, высказывание, надтекст, мегатекст, синтекст, перевод, стереотекстуальность, интерпретация, ретекстуализация, М. Бахтин, И. Бродский, В. Набоков.

1. Электронная филология – текстника

Электронная филология – это особая гуманитарная дисциплина, теория и практика работы с сетевыми текстами. Переход от печатных текстов к электронным создает небывалые возможности, которые традиционная филология, ограниченная текстом на бумаге, не может ис-

пользовать и даже вообразить. Уместно назвать эту дисциплину **текстони́кой** (textonics), соединив слова «текст» и «электроника». Если традиционная *текстология* — это отрасль филологии, которая занимается изучением и изданием бумажных текстов, то *текстоника* — это *отрасль филологии, которая занимается изучением и организацией электронных текстов*. Но разница не только в предмете, но и в подходе. Если традиционную филологию можно уподобить ботанике, изучающей свойства растений, то электронную филологию уместно сравнить с лесоводством и садоводством, возделыванием почвы и выращиванием новых пород.

Текстоника не сводится к тому, что принято называть digital humanities — дигитальной гуманитаристикой. Последняя предполагает прежде всего собирание информационных баз по гуманитарным наукам, а также преподавание и популяризацию гуманитарных знаний посредством электронных сетей. В этом же смысле дигитализация может охватывать и естественные, и социальные науки, то есть она не специфична для гуманитаристики. Текстоника — это сочетание теоретической и практической работы с электронными текстами, использование Интернета и всех возможностей компьютерной техники для создания новых знаковых ансамблей, разработки новых жанров интеллектуального творчества, реорганизации и переосмысления уже существующих текстуальных массивов. Это направление скорее можно охарактеризовать терминологическим палиндромом — как «гуманитаристику дигитального» («humanities of the digital»)¹.

Все основные понятия филологии: «читать», «писать», «текст», «интерпретация» — приобретают новый смысл в электронной вселенной и подчас даже требуют другой терминологической артикуляции. В этой статье предлагается система понятий, относящихся к электронному бытию текстов, к новым методам их чтения и интерпретации.

2. Высказывания и текстоиды

«Текст» как центральное понятие гуманитарных наук прикреплен к стабильному материальному носителю, к бумаге, к книге, где остается неизменным. Но понятие «текста» в строгом смысле неприменимо к бытию как устных, долитературных, так и сетевых, «постлитературных» жанров словесности. В фольклоре нет текстов как таковых, поскольку песни и сказки, передаваясь из уст в уста, трансформируются в ходе их восприятия и распространения. Лишь позднее, записываясь фольклористами и печатаясь в книгах, они получают статус текстов. В электронной словесности текст также уступает место свободным конфигурациям знаков, которые подчиняются таким командам, как «вырезать», «скопировать», «вставить», «поиск», «замена», и другим способам ретекстуализации. Электронный текст точнее называть «диги-текстом»

¹ Именно так оно обозначено в программе ежегодной конференции «New Directions in the Humanities», прошедшей в Чикаго в июне 2016 года: «From Digital Humanities to a Humanities of the Digital» (<http://thehumanities.com/the-conference>).

(digi-text, сокращенно от digital text) или «текстоидом», «как бы текстом» (textoid, греч. *oid* *наподобие* от *eidos*, *образ*). Он лишен твердой фиксации, свободно меняет свой формат и контекст, переходя от пользователя к пользователю.

Текстоиды ближе к тому, что М. Бахтин понимает под «высказыванием», противопоставляя его тексту:

Высказывание (речевое произведение) как целое входит в совершенно новую сферу речевого общения (как единица этой новой сферы), которая не поддается описанию и определению в терминах и методах лингвистики и — шире — семиотики. <...> Термин «текст» совершенно не отвечает существу целого высказывания. Не может быть изолированного высказывания. Оно всегда предполагает предшествующие ему и следующие за ним высказывания... Оно только звено в цепи и вне этой цепи не может быть изучено (Бахтин, 1979, С. 339—340).

По сути, текстоиды даже более текучи, подвижны, чем устные высказывания. Бахтин определял границу между высказываниями как смену речевого субъекта. Но текстоид может объединять в себе элементы высказываний самых разных речевых субъектов, свободно их перемешивать операциями «вырезать» и «вставить», что невозможно в устной речи.

Например, отвечая на электронные письма, мы часто используем полученный текст и вносим в него изменения, вставляем свои соображения, комментарии, помещаем ответы между заданными вопросами. При устном общении то, что было сказано, не может вновь стать «несказанным»: с момента произнесения оно оказывается навеки запертым в прошлом. В электронной же среде есть только настоящее и будущее — открытое и незавершенное. В этом мире все написанное может быть многократно и множеством способов переписано, а может и исчезнуть, став «ненаписанным».

М. Бахтин подчеркивал, что каждое высказывание меняет свой смысл в зависимости от его отношения к другим высказываниям, отсюда важность контекстуализации. Однако в электронной вселенной достигается еще более высокая степень подвижности знакового объекта: меняется не только его смысл, но и сам текст, набор знаков. Контекстуализация переходит в ретекстуализацию. Текстоиды открывают простор новому способу критического прочтения-переписывания электронных знаковых формаций.

3. Мегатекст и надтекст

Рассмотрим эти текстуальные конфигурации, которые расширяют как наше теоретическое представление о текстуальности, так и практические возможности (ре)организации текстов в сетевом пространстве. Приводимые ниже понятия и термины отражают верхние, самые общие уровни текстовой реальности, которые особенно наглядно выступают в электронных сетях и становятся объектом самостоятельного изучения и творческой трансформации.

Мегатекст (megatext) — совокупность текстов, которые воспринимаются и исследуются как единое целое, пронизанное общими темами, лейтмотивами, архетипами, символами, ключевыми словами, стилевыми приемами. Например, *мегатекст немецкого романтизма*, или *мегатекст китайской пейзажной лирики*, или *мегатекст «лишнего человека» в русской литературе* — это совокупность всех текстов, принадлежащих к данной теме или культурно-исторической формации. Мегатекст — это субстанциальный термин, определяющий объем того текстуального целого, в рамках которого рассматриваются индивидуальные тексты.

Надтекст (supratext) — это реляционный термин, который соотносит данный авторский текст или его фрагменты с мегатекстами более высоких уровней. Надтекст — текст обобщенного порядка по отношению к данному. Например, многие мотивы в поэзии Андрея Белого могут быть поняты только в *надтексте русского символизма* или в *надтексте антропософского движения*. Если контекст — это окружение данного текста на том же самом системном уровне, то надтекст — *единица более высокого системного плана*, например символизм по отношению к поэзии А. Белого, русская литература Серебряного века или европейский символизм — по отношению к русскому символизму и т. п. У каждого произведения, а также отдельного образа, мотива, словосочетания может быть множество надтекстов. Надтекст — совокупность текстов, в которую данный текст вписывается одним из своих сегментов, длина которого может быть задана различно: от одного слова до группы предложений или сколь угодно длинного набора ключевых мотивов.

Например, надтекстами стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье...») являются:

1. Все тексты, в которых встречаются отдельные строки или значимые сегменты данного стихотворения, такие как «Я помню чудное мгновенье», «В глуши, во мраке заточенья», «И жизнь, и слезы, и любовь».
2. Все тексты, в которых встречаются имена Анна Керн и Александр Пушкин.
3. Все тексты, написанные по-русски в 1825 году (дата как надтекстовая единица, признак надтекстовой общности).
4. Все тексты, написанные Пушкиным в Михайловском (место написания как надтекстовая единица).
5. Все тексты, в которых говорится о любви.
6. Все тексты, в которых говорится о памяти, и т. д.

Таким образом, один и тот же текст может иметь множество надтекстов в зависимости от того, какой его сегмент (сечение) рассматривается как образующий признак данной надтекстовой общности. Надтекст — это *совокупность знаковых множеств, объединенных наличием у них общего элемента* (таковым может служить словосочетание, метафора, имя автора, место написания и т. д.). Читая стихотворение «К***», мы можем проследить употребление каждого его слова в других текстах Пушкина и у других авторов его времени или последующих эпох, можем искать надтексты таких выражений, как «чудное мгновенье» или «гений чистой красоты», иначе говоря — воспринимать это стихотворение в составе множества надтекстов.

4. Синтекст и унитекст

Все тексты, объединенные общим надтекстом, выступают по отношению друг к другу как *синтексты* (syntexts), *со-тексты*. Как синонимы — это слова, имеющие общее семантическое ядро, так синтексты — тексты, имеющие общий компонент, по отношению к которому они и определяются как тексты-синонимы. Например, стихотворение «К***» А. Пушкина, «Нет, не тебя так пылко я люблю» М. Лермонтова и «К. Б.» Ф. Тютчева («Я встретил вас — и все былое...») — это синтексты, объединяемые мотивом «любовная память — вторая встреча». Категория синтекста особенно важна в текстуальной реальности Сети, которая исследуется посредством поисковых систем. Каждый поиск — это, по сути, собирание и сопоставление всех синтекстов данного выражения, по которому ведется поиск.

Надтекстом всех существующих текстов является *унитекст* (unitext), то есть совокупность всех текстов на данном языке (*национальный унитекст* — русский, французский, китайский и т.п.) либо всемирный текст человечества (*глобальный унитекст*). И. В. Гёте ввел в употребление понятие «всемирная литература», указывая на растущее единство национальных литератур, становление их общего культурно-смыслового пространства: «Сейчас мы вступаем в эпоху мировой литературы, и каждый должен теперь содействовать тому, чтобы ускорить появление этой эпохи» (Эккерман, 1934, с. 348). С развитием всемирной Сети, компактно сжимающей всю знаковую вселенную, становится все более ощутимой реальность «всемирного текста». *Унитекст* — это одновременно *уни-версальный* и *уни-кальный* текст. Как и универсум, он существует в единственном числе, ибо объемлет всё, что написано на данном языке или на всех языках. Национальные компоненты всемирного унитекста электронно взаимосвязаны и в принципе взаимопереводимы (хотя еще и крайне несовершенно).

5. Перитекст

Перитекст (peritext, от греч. приставки peri-, означающей *вокруг*, ср. *периметр*, *периферия*) — это список синтекстов, текст-оглавление, который выдается поисковой системой (например, «Гуглом»); перечень страниц, подобранных к соответствующему слову или словосочетанию. Например, если мы введем в «Гугле» слово «поэзия», то на шестой странице результатов поиск принесет нам следующую выборку сайтов:

1. Р. Якобсон. Поэзия грамматики и грамматика поэзии.
2. Поэзия и проза Древнего Востока. Ознакомление с литераторами Древнего Востока не только дает нам возможность пережить радость встречи с «началом начал»...
3. Поэзия — Космическое Полиискусство Третьего... Поэзия — это первичный Язык, в Обители Божьей всё звучит на Языке Поэзии, на Языке Самой ЛЮБВИ...

4. Сэт-лист праздничного концерта «Поэзия бита»: 1. N’Pans. Александр Пушкин – «Евгений Онегин» (попурри)...
5. Китайская тансовая поэзия. Стихи китайских поэтов периода династии Тан, древнекитайская музыка и живопись на шелке и бумаге в высоком разрешении. Бесплатно...
6. СТИХИ И ПОЭЗИЯ. Зона умолчания. Есть такие слова и темы, которые специалисты охотно уступают дилетантам...
7. Живая поэзия для iPhone, iPod touch и iPad в App Store...

Перитекст — новая и все более важная текстовая реальность, с которой мы сталкиваемся почти так же часто, как с традиционным «связным» текстом. По сути, перитекст — это *оглавление мегатекста*, схема его содержания, его визитная карточка, перечень текстов для данного слова или выражения. Оглавление содержит имена авторов, адреса и отсылки к тем сайтам, где данное слово / выражение употребляется. Например, мегатекст «лишнего человека» в русской литературе образуется совокупностью сайтов (более миллиона), где это словосочетание встречается в Рунете. Перечень всех этих сайтов (как правило, начиная с Википедии и других словарей и энциклопедий) и составляет перитекст. Чтобы было удобнее с ним работать, приходится его сокращать, ограничивать словами-спецификаторами, например «лишний человек, Пушкин» или только «Евгений Онегин», «“Дневник лишнего человека” Тургенева» и т. д.

Какова природа перитекста? Он предоставляет читающему и пишущему множественные входы во вселенную сетевых текстов, возможность рассматривать их как строки единого мегатекста. Отсюда следует, что сам сетевой поиск становится методом чтения.

6. Сквозное чтение и письмо

При работе над текстом теперь приходится иметь в виду те надтексты, в которые он впишется, включая и *надтекст всех надтекстов* — *унитекст*. Используя те или иные слова или выражения, важно проверять их наличие в Сети, частоту и вариации употребления, значение, сочетаемость, степень оригинальности. Каждая строка теперь включается не просто в сочинение данного автора, но в национальный и глобальный унитекст, во всю электронную вселенную, приобретая дополнительный смысл во множестве пересекающихся надтекстов. При создании текста важно вписывать слова в определенные парадигмальные ряды, чтобы последующий сетевой поиск мог обнаружить их в составе определенных тематических, дисциплинарных, энциклопедических надтекстовых формаций. Написанное должно быть предназначено не только для последовательного чтения, как на бумаге, но и для *сквозного чтения* (*hyper-reading*), как бы проходящего сквозь все страницы / сайты, где употребляются данные слова, фразы, мотивы. Надтекст конкретного выражения, например «время — подвижный образ вечности», включает все случаи его использования у Платона, А. Бергсона, С. Франка и других авторов, тексты которых по отношению друг к другу выступают как синтексты.

Перитекст, то есть оглавление надтекста, которое предстает как результат сетевого поиска, — это как бы корешок новой виртуальной книги, мгновенно набранной из множества сайтов по принципу совпадения искомого слова, фразы, фрагмента. Теперь каждая строка не только имеет глубинный смысловой *подтекст* и актуальный исторический *контекст*, но и непосредственно встраивается в *надтекст*, в электронную вселенную знаков.

Итак, наряду со *связным чтением*, которое следует линейной последовательности данного текста, возникает *сквозное чтение*, которое обращается прямо к надтекстам, разбегается по множеству отсылок (гиперлинков). В доэлектронную эру «всемирная литература» или такие мегатексты, как «русская литература» или «литература эпохи романтизма», являлись абстрактными понятиями: никто их не видел, и немислимым было не только прочитать их в целом, но и проследить в них судьбу отдельных слов, выражений, мотивов. Сейчас всемирная литература в виде унитекстов и мегатекстов становится все более осязаемой, читаемой «насквозь» хотя бы в отдельных своих мотивах и сегментах.

Это накладывает новые обязательства на пишущего и одновременно раздвигает пространство его работы. Страница впервые становится тем, что ей «на корню» написано, — «страницей» в электронном пространстве, где она может быть включена в сотни и тысячи виртуально «сшиваемых» книг в соответствии с мгновенными запросами сквозного чтения. Автор должен быть готов к тому, что каждая его страница принадлежит уже не только к им самим написанному и «заявленному» тексту (блогу, статье, книге), но к целому множеству надтекстов — виртуальных книг, образуемых порядком сетевого поиска и сквозного чтения. Теперь надтексты столь же легко читаемы или по крайней мере проглядываемы, как и первичные, «связные» тексты, созданные своими авторами.

7. От интерпретации к ретекстуализации

Интерпретация по праву считалась основной процедурой гуманитарных наук, прежде всего филологии, литературоведения, истории, культурологии. Раньше текст мыслился твердо фиксированным, «приколотым» к бумаге — оставались подвижными только его значения. Интерпретация — это способ смыслового присвоения, ассимиляции, трансформации текста при полном сохранении его знаковой идентичности. Скажем, один и тот же текст может интерпретироваться с позиций марксизма, психоанализа, христианского гуманизма, экзистенциализма, феминизма и т. п.

Однако с распространением электронных способов коммуникации текст теряет свою идентичность, он столь же легко видоизменяется, как сказка или песня в устном народном творчестве. Переходя из уст в уста, они приспособляются к новым условиям места, времени, исполнения, личности исполнителя. Певец или рассказчик не интерпретирует былинны, он просто иначе перепевает или пересказывает их, трансформируя не только смысл, но и сам текст. Для каждой деревни, для каждой

возрастной аудитории — своя вариация. Так бытует слово в *долитературную* эпоху. Электронная словесность — это уже *постлитературная эпоха*, когда слову возвращается та же подвижность и пластичность, что и в устном бытовании. Значимость интерпретации как филологической процедуры уменьшается, поскольку критика текста становится *перформативной*. Вместо того чтобы истолковывать его, приспособливать его смысл к своим нуждам, к потребности момента, проще его изменить.

Интерпретация как глубинно-семантическое прочтение текста все более вытесняется его *ретекстуализацией*, трансформацией, расширением или сужением его знаковых рамок. Сеть позволяет пользоваться командами «вырезать», «вставить» и пр., чтобы компоновать новые тексты, куда прочитанное входит на правах цитат или гиперссылок. Но дело не только в том, что при построении новых текстов используются элементы других, что электронный текстoid лишается «твердости» и начинает «растекаться», как часы на полотнах С. Дали. Суть в том, что любой текст теперь входит во множество мегатекстовых, надтекстовых, синтекстовых, унитекстовых образований разных уровней и читается и пишется в их составе, преломляется через их призму. Смысл текста пульсирует, включаясь в разные знаковые конфигурации. Глубинная семантика заменяется текстовой динамикой. Смысл из семантической категории превращается в синтаксическую. Если раньше богатство смысла проецировалось вовне текста, в сферу означаемых, то теперь — в его подвижное текстовое окружение, в смену тех рамок, фреймов, знаковых формаций, где он постоянно меняет свой смысл.

Ретекстуализация — это гораздо более радикальный способ работы с текстами, чем то, что Бахтин мыслил как «контекстуализацию» или «диалогизацию» текстов. Он писал: «Текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» (Бахтин, 2002, с. 424). Одно дело — «световое» взаимоотношение текстов, преломляющихся друг в друге своими смыслами. Другое — ретекстуализация текстов, то есть их прямая трансформация, которая создает нечто совершенно новое из текстов-предшественников. Здесь происходит своего рода текстуальная эволюция, аналогичная эволюции живых организмов, которые в каждом новом поколении наследуют гены своих предков, смешивают их — и параллельно проходят через естественный отбор, приспособляясь к окружающей среде, к другим текстам. Разумеется, такие переформатирование и эволюция текстов, образующих новые смысло-знаковые конфигурации, происходят гораздо быстрее, чем биологическая эволюция организмов.

8. Стереотекстуальность. От перевода к метаморфозе

Перевод и его соотношение с оригиналом тоже оказывается сферой приложения творческой филологии. По мере развития электронных сетей разные языки все более тесно соприкасаются — и вместе с тем со-

вершенствуются алгоритмы машинного перевода. Если прежние автоматические переводчики обрабатывали каждое слово / фразеологизм по отдельности (пользуясь словарями), то нейросеть, на основе которой Google Translate работает с 2017 года, переводит предложения целиком с учетом множественных контекстов и меняющихся смыслов. Этот же сервис обеспечивает мгновенный перевод любой веб-страницы и поиск новой информации с ее одновременным переводом на другие языки. Означает ли это, что профессия переводчика как посредника между языками постепенно отойдет в прошлое под натиском все более совершенных самообучающихся программ? Или же сама категория перевода как поиска эквивалентных отношений между текстами на разных языках уступит место какому-то другому роду литературной деятельности?

Х.Л. Борхес в своем эссе «Версии Гомера» (1932) утверждал равноценность всех языковых вариантов — (пере)воплощений данного текста. Все они своего рода черновики, проекции некоего платонического «первотекста», существующего во множестве копий, ни одна из которых не лучше другой, но все лишь до некоторой степени схожи с незримым прототипом. Глубинное их сравнение возможно лишь при условии, что мы не знаем, какой из них оригинал, а какой перевод, ибо все они дополняют и оттеняют друг друга.

Стереотекст (stereo-text, от греч. stereos — *объемный, пространственный*) — текст, параллельно существующих на двух или нескольких языках и позволяющий «объемно» воспринять выраженные в нем смыслы. Как для полноценного физического восприятия предмета человеку даны парные органы чувств, так же для «стереоскопического» восприятия мысли ему даны разные языки. Вступить на границу двух языков и культур подобно тому, как от монозвука перейти в мир стерео: видеть одну культуру глазами другой и видеть все вещи двумя глазами. Эффект двуязычия сходен с эффектом стереомузыки или стереокино: звук и изображение вдруг обретают волшебный объем, потому что каждый орган восприятия имеет свою проекцию предмета и, складываясь, они воспроизводят его многомерность. Наряду с эффектами стереокино и стереомузыки, воссоздающими полный объем образа и звука, возможны *стереопоззия* и *стереопроза*, которые пользуются разностью языков для того, чтобы представить образ или идею в их объемности. *Стереотекст*, как правило, состоит из двух или нескольких параллельных текстов на разных языках, которые трактуют один предмет и относятся друг к другу как вольный перевод или переложение.

В отличие от перевода, стереотекст играет на разности, *неэквивалентности* языков и создает нелинейный, выпуклый, многомерный образ предмета благодаря совмещению разных языковых проекций. Стереотекст — это, по сути, анти-перевод, поскольку он стремится не к идентичности двух текстов, а, напротив, к наибольшей их дифференциации, заостряя именно разностный потенциал языков.

У каждого языка — свои пристрастия и возможности. Например, по-английски легко излагаются конкретные факты и технические по-

дробности, которые порой громоздко или коряво передаются на русском. По-русски можно высказать ряд метафизических умозрений, которые по-английски звучат туманно или претенциозно. Русский текст в одних ситуациях пространнее, в других — экономнее, чем английский: двуязычное письмо растягивается, сокращается, переворачивается, как лента Мёбиуса, переходя с языка на язык. Вместо точного перевода читателю предлагается переключка двух текстов, сохраняющих общую логико-тематическую последовательность, но не совпадающих даже на уровне глав и абзацев. Двуязычие здесь служит оправданием «двоению» мысли, ее многовариантному развитию. Например, для двуязычных читателей Иосифа Бродского представляет интерес тот стереотекст, который образуется взаимоналожением русских стихотворений и их английских автопереводов. Строка из стихотворения «К Урании» «Одиночество есть человек в квадрате» так переведена самим автором на английский: «Loneliness cubes a man at random» («Одиночество наугад возводит человека в куб»). При этом к внутриязыковой метафоре одиночества как математического действия (возведение в степень = умножение себя на себя) добавляется межъязыковая фигура: «квадрат» по-русски — «куб» по-английски.

Сам И. Бродский так рассуждал о возможностях двуязычия:

Когда владеешь двумя языками, одним аналитическим, как английский, и другим синтетическим, очень чувственным, как русский, ты получаешь почти сумасшедшее ощущение всепроникающей человечности. Это может облегчать понимание, а может обескуражить, потому что видишь, как мало может быть сделано. Иные виды зла — результат недостатков грамматики (русской), а аналитический подход может вести к поверхностности, бесчувственности (цит. по: Лосев, 2006, с. 243).

Разные языки обладают разной логико-грамматической метрикой и «кривизной» в смысловом пространстве, и если перевод (translation) нивелирует этот эффект разности, оставляя в остатке эквивалентность двух языков, то стереотекст предлагает скорее *соразвод* (interlation) языков в объемной перспективе, их наложение друг на друга. Двойная, по сути, оксюморонная приставка *сораз-* здесь особенно уместна, поскольку указывает на *сведение разведенного*, на двоякий акт *со-* и *раз-*. Такой же *стереоэффект* создается и в сознании читателя — билингва или полиглота, параллельно читающего один и тот же текст в оригинале и в переводе на разные языки или в переложении самого автора. Для читателей, владеющих французским и английским, представляет интерес не столько тождество, сколько именно различие таких текстов С. Беккета, как «Malone meurt» и «Malone Dies». Соразвод, в отличие от перевода, играет именно на контрастах двух языков, на их взаимной неперево-димости.

Несовпадение подлинника и переложения может стать источником дополнительной информации или самостоятельного эстетического эффекта, который не содержится ни в одном из них. Собственно, в *сте-*

реозстетике упраздняется сама иерархия первичного и вторичного, оригинала и перевода, поскольку они образуют многомерный смысловой континуум, где внутритекстуальные тропы и фигуры дополняются их перекрестными метафорическими и метонимическими связями с планом иного языка. В соответствии с гипотезой лингвистической отнесенности Сепира — Уорфа, *транслингвизм* (translingualism) возводит многомерность каждого образа в энную степень и по-новому рассматривает саму категорию литературного произведения, которое уже не тождественно одному тексту, но скорее выступает как «волновая» функция перемещения из языка в язык.

Особенно этот переход от дискретной эстетики к континуальной, к тексту-метаморфозе очевиден в случае многократных переложений: например, «Conclusive Evidence» (1951), «Другие берега» (1954) и «Speak, Memory» (1967) В. Набокова представляют последовательную трансформацию автобиографического нарратива из английского в русский и обратно. Автор сначала попытался перевести свои воспоминания с русского на английский, но убедился в тщетности этого замысла:

Недостатки объявились такие, так отвратительно тарашилась иная фраза, так много было и пробелов и лишних пояснений, что точный перевод на русский язык был бы карикатурой Мнемозины. Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо... (Набоков, 2003, с. 425).

Еще более сложным оказалось последующее переложение расширенной русской версии обратно, на английский. Сам Набоков подчеркивал, что эти разные версии воспоминаний — вовсе не перевод. Скорее они представляют собой *метаморфозу*, подобную той, которая происходит с живыми организмами, когда они меняют среду обитания.

«Пере-англизировать русское пере-ложение того, что было английским пере-сказом русских воспоминаний, — дьявольски сложная задача, но я нашел некоторое утешение в том, что такие множественные метаморфозы, знакомые бабочкам, никогда не предпринимались ни одним человеческим существом» (Nabokov, 1964, p. 12–13)².

«Метаморфозом» в биологии называется перемена всего строения организма, обычно связанная с резкой сменой образа жизни, например переходом от свободноплавающего к прикрепленному образу жизни, от водного — к наземному и т. д. В применении к тексту как организму происходит перемена языковой среды, которая открывает путь для его

² «This re-Englishing of a Russian re-vision of what had been an English re-telling of Russian memories in the first place, proved to be a diabolical task, but some consolation was given me by the thought that such multiple metamorphosis, familiar to butterflies, had not been tried by any human before».

потенциально бесконечной эволюции, «текстоморфозы». Это, по сути, микромодель культуры как целого, которая возрастает благодаря дивергенции текстов, *соразводимых* в процессе взаимодействия языков (если иметь в виду и языки различных дисциплин, методологий, мировоззрений).

Возможно, стереотекстуальность — это будущее литературы и человеческого общения, когда языки будут служить не заменой, а дополнением друг другу. В эпоху мононациональных культур смешение разных языков воспринималось как комический прием, «макаронический стиль», демонстрирующий неестественность, смехотворность такого смешения. Но по мере того как языки смешиваются в планетарном обществе, двуязычие становится нормой для значительной доли населения и комический эффект стирается. Языки свободно сочетаются внутри одного авторского сознания, одной группы читателей или культурной среды, дифференцируясь по экспрессивно-стилевым функциям. В глобальной культуре многоязычие и, как следствие, стереотекстуальность становятся правилом, а не исключением. Поэтому вместо пере-вода и возникает деятельность *с-ведения* и *раз-ведения* языков (*interlation*) для выражения смыслов, которые, таким образом, обнаруживают новые измерения в процессе своих языковых перевоплощений. Отсюда и новые возможности для многоязычия в самых разных жанрах и дисциплинах: *стереопоззия, стереопроза, стереофилософия, стереокультурология* и т. п.

Список литературы

Бахтин М. Из записей 1970—71 гг. // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979.

Бахтин М. Рабочие записи 1960-х — начала 70-х годов // Собр. соч. Т. 6. М. : Русские словари, 2002.

Лосев Л. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М. : Мол. гвардия, 2006.

Набоков В. Другие берега. Предисловие к русскому изданию. // Набоков В. Машенька ; Защита Лужина ; Соглядатай ; Другие берега. М. : ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2003.

Эккерман И. П. Разговоры с Гёте. М. ; Л. : Academia, 1934.

Nabokov V. Speak, Memory. L. : Weidenfield and Nicolson, 1964.

Об авторе

Михаил Наумович Эпштейн, профессор, Университет Эмори, Атланта, США.

E-mail: russmne@emory.edu

Для цитирования:

Эпштейн М. Н. Текстоника. Введение в электронную филологию // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 59—71. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5.

TEXTONICS: AN INTRODUCTION TO ELECTRONIC PHILOLOGY

M. N. Epstein¹

¹Emory University
201 Dowman Dr., Atlanta, GA, 30322, USA
Submitted on July 29, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5

Digital philology studies texts and textuality in electronic networks and the ways of their reading, writing and transformation. Electronic texts are much more fluid and transformable than paper texts and oral utterances. Textonics is a combination of theoretical and practical work with digital texts, the use of the Internet and all the capabilities of computer technology to create new sign ensembles, to develop new genres of intellectual creativity, and to rethink and reorganize existing textual formations. This article introduces a number of theoretical concepts, denoting different configurations of digital texts: megatext – a collection of texts that are perceived and studied as a single thematic or semantic whole; unitext – the totality of all megatexts; supratext – the text of a higher order in relation to the given one; syntexts united by a common supratext and functioning as synonyms with respect to each other; peritext – a list of syntexts, a table of contents as presented by a search engine. Each author and researcher of electronic texts has to interact with the entire Web: each word has to be properly placed not only within its immediate context, but also in the supratexts of its usage by other authors throughout the history of writing. As a result, the main philological procedure is shifting: interpretation, as a deep-semantic reading of a text, is increasingly superseded by its retextualization, transformation, expansion or narrowing of its sign frameworks. The internet makes it easy to synthesize new texts that integrate or disperse the initial, analysed text via quotes or hyperlinks. Thus, coherent, linear reading and writing give way to the paradigmatic, cross-cutting approach. With the proliferation of automatic translation programs and the multilingual competence of readers, the interaction among languages also changes: translation as a search for equivalence gives way to an interlation, a constructive metamorphosis that plays on the inequivalence of different languages.

Keywords: philology, textonics, utterance, textoid, overtext, megatext, syntext, translation, stereo textuality, interpretation, retextualization, Mikhail Bakhtin, Joseph Brodsky, Vladimir Nabokov.

References

- Bakhtin, M., 1979. From the records of 1970–71. In: M. Bakhtin, ed. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo (in Russ.).
- Bakhtin, M., 2002. Working notes of the 1960s – early 70s. In: M. Bakhtin. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Russkie slovari (in Russ.).
- Losev, L., 2006. *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: the experience of literary biography]. Moscow: Mol. gvardiya (in Russ.).
- Nabokov, V., 2003. Other shores. Preface to the Russian edition. In: V. Nabokov. *Mashen'ka. Zashchita Luzhina. Soglyadai. Drugie berega* [Mashenka. Luzhin's defense. Spy. Other shores]. Moscow: OLMA-PRESS Obrazovanie (in Russ.).
- Nabokov, V., 1964. *Speak, Memory*. London: Weidenfield and Nicolson.
- Ekkerman, I.P., 1934. *Razgovory s Gete* [Conversations with Goethe]. Moscow; L.: Academia (in Russ.).

The author

Prof. Mikhail N. Epstein, Emory University, Atlanta, USA.
E-mail: russmne@emory.edu

To cite this article:

Epstein, M.N. 2019, Textonics: an introduction to electronic philology, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 59–71. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-5.

УДК 81.1;81'37

**«ВСЕ, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ОПИСАНО, МОЖЕТ И СЛУЧИТЬСЯ...»:
К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИКИ ТЕКСТА
КАК МОДЕЛИ МЕЖМИРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

С. Т. Золян^{1,2}

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
² Институт философии, социологии и права НАН Армении
Армения, 375010, Ереван, ул. Арами, 44
Поступила в редакцию 05.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6

В статье рассматриваются содержательные и формальные вопросы описания многомерной семантической организации текста, в частности возможности использования аппарата модальной семантики для отображения отношений между синтаксическими комплексами текста. С этой целью мы обращаемся к понятиям модели и модельной структуры, а также централизованного мира. Эти отношения могут быть описаны как система функций, соотносящих между собой языковые выражения текста, описываемые ими состояния дел (возможные миры) и контексты, в которых актуализируется текст. Существование индивидов (объектов) в мирах текста соотносится с возможностью описания. Предполагается, что текст может пониматься двояко: как линейная последовательность сегментов и как многомерная семантическая структура, показаны возможности интеграции обоих подходов. Особо рассматривается корреляция между механизмами связности текста и отношениями межмировой достижимости и прослеживания описываемых индивидов сквозь возможные миры. Предполагается, что разнообразие механизмов связности не позволяет ограничиваться только одним из механизмов прослеживания и требует учитывать различные конкурирующие между собой подходы. Приводимые положения иллюстрируются на примере пушкинского чернового отрывка «Когда б я был царь...».

Ключевые слова: семантика текста, семантическая связность, семантика возможных миров, С. Крипке, «Когда б я был царь...» А. Пушкина.

Все, что может быть описано, может и случиться...
Л. Витгенштейн. *Логико-философский трактат*

0. Предметом нашего рассмотрения станут возможности формализованного описания семантики текста посредством аппарата модальной логики, в первую очередь на основе введенных Солом Крипке понятий модели и модельной структуры (Kripke, 1963). Попытки использовать идеи и методы семантики возможных миров для анализа художественных текстов предпринимались неоднократно — в основном применительно к проблеме «истины в вымысле» (Lewis, 1978) и мнимых объектов (их обзор дан нами в: Золян, 2014 [1991]). Между тем этот

© Золян С. Т., 2019

Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, № 4. С. 72 – 84.

подход может быть распространен и на другие типы текстов: семантическую структуру текста можно рассматривать как некоторую специфическую систему возможных миров. Семантику предложения принято описывать как множество миров, в которых это предложение истинно, то есть имеет место описанное данным предложением состояние дел. Исходя из этого связи между смыслами предложений внутри текста можно представить как систему модальностных отношений, которыми связаны соответствующие множества миров, или, что то же самое, как правила соответствия перехода от одного множества миров к другому. Правила соответствия между этими множествами предстанут как маршруты межмировых путешествий. При этом следует предусмотреть наличие некоторого «центрированного мира». Дэвид Льюис, который ввел это важное понятие, сравнил его с картой, на которой стрелкой отмечено место, где указано «Вы находитесь здесь» (Lewis, 1979, 520). Д. Льюис и Д. Чандлер связывают координаты этого места и мира с координатами говорящего, точнее, с тройкой параметров, зависящих от контекстных характеристик высказывания. Как правило, это актуальный мир, но в художественных текстах говорящий оказывается локализован в мирах текста, и «актуальным» становится мир, описываемый как контекст, в котором были высказаны (написаны) предложения текста. Аналогичная ситуация может возникнуть и в случае других типов дискурса (исторического, политического, магического и т.п.). В свое время, исходя из возможной итерации миров, относительно которых определяется контекст говорящего (например, актуальный мир, мир, в котором высказывается данное предложение, мир, в котором якобы высказывается данное предложение, и т.д.), и вытекающей из этого неоднозначности, мы предложили (Золян, 2014 [1991]) применительно к семантике текста выделить некоторый мир, который является «привилегированным» или «отмеченным» по отношению к другим мирам текста и который при формализации посредством модельной структуры С. Крипке можно будет идентифицировать с миром, относительно которого задаются условия достижимости применительно к другим мирам¹. Предлагаемое понимание может быть развито для осмысления семантической организации текста.

1. Существуют два основных понимания того, что есть текст. Согласно первому, линейному, текст есть некоторая удовлетворяющая определенным лингвистическим условиям последовательность предложений. Согласно второму, интегральному, текст понимается как целостная многомерная семантическая структура или даже структура

¹ С. Крипке условно называл такой мир «реальным» (Kripke, 1963, p. 28), это верно применительно к большинству типу текстов, но не для всех, почему мы и предпочитаем нейтральный термин «отмеченный» или «привилегированный». Реальный мир не всегда является центрированным. Ср. со стихотворением «Я убит подо Ржевом»: мир текста центрирован относительно не реального мира Твардовского, а представленного как актуальный мира-контекста говорящего — убитого солдата.

структур, включающая в том числе и смысловые структуры, вербально не зафиксированные в данной линейной последовательности (такие как контекстуальные и интертекстуальные). Попробуем совместить оба эти понимания в одном описании, но при этом рассматривая их как два уровня текстовой организации. Смысловые отношения между предложениями должны быть определенным образом зафиксированы в тексте. Применительно к данному аспекту эти отношения будут определяться посредством текстовых операторов, соотносящих одно множество миров с другими, достижимыми из первого. Наименее осложненной или даже прототипической текстуальной репрезентацией отношения идентичности можно считать следующее: все индивиды (объекты) входят в одно и то же множество, общее для всех миров, описываемых текстом, и являющееся областью его интерпретации (предметной областью) *D*. Проще говоря, это то, о чем сказано в тексте: «*D* can be anything we want to talk about» (Cresswell, 1994, p. 43)². Исходя из этого, можно считать, что предметная область — индивиды, «обитающие» в мирах текста, — репрезентируется тематическими структурами текста («о чем говорится в данном тексте»). Языковые средства должны обеспечить идентичность описываемых объектов (индивидов) при различных состояниях дел. Эти средства, или операторы, могут мыслиться как средства, поддерживающие, с одной стороны, связность и целостность между сегментами текста, а с другой — являющиеся маркерами отношений межмировой достижимости и совместимости. Поскольку сами по себе логико-семантические коннекторы, связующие миры, не могут изменять модальные отношения, а только указывают на них, линейная организация текста влечет за собой межмировую однородность: все миры-предложения представляют модальностные вариации одного и того же централизованного мира, а имена функционируют как жесткие десигнаторы: во всех предложениях (мирах) одни и те же имена выделяют одних и тех же индивидов, но уже с иными характеристиками и при иных состояниях дел (Kripke, 1980). В лингвистических терминах это отношение может быть описано как связность, которая отражает следующее модально-семантическое свойство текста: различные миры не только являются результатом некоторой модальной трансформации, но также связаны благодаря тому факту, что описываемым мирам текста приписана одна и та же предметная область и одни и те же индивиды. Однако такое понимание оказывается недостаточным, поскольку а) могут существовать тексты, которые будут плюрицентричными и предполагающими более чем одного говорящего; б) связ-

² Точка зрения М. Крессвела, несколько иронично названная им *трансмундализмом*, может быть рассмотрена как компромиссное решение относительно возможности «межмирового» существования индивидов: «Transmundalism as such has nothing to say about what can be in *D*... Ordinary concrete individual is a function from world to sets of space-time points, each such set being the “manifestation” of that individual in that world. Nothing at all has been said about whether the member of *D* are understood to be only actual individual or to allow merely possible individuals» (Cresswell, 1994, p. 43–44).

ность между сегментами текста будет основываться на отличающихся механизмах связности; в) вместо отношения идентичности между индивидами из различных миров могут существовать отношения соотносимости или сопоставимости (например, «близнечные» отношения, по Д. Льюису).

2. Каким образом задается функция прослеживания индивидов применительно к тексту? Ограничимся общим ответом: способом задания межмировой функции соотнесения может оказаться любой из механизмов внутритекстовой семантической связности. Должна наличествовать определенная предметная область, общая для всех предложений текста. Предметная область интерпретации любого предложения должна совпасть с текстовой предметной областью или быть ее подмножеством. Из этого следует, что текст некоторым образом задает функцию, согласно которой индивид, входящий в предметную область текста, прослеживается сквозь возможные миры, соответствующие другим предложениям текста. Можно допустить существование некоторых базисных текст-индивидов, аналогичных базисным индивидам М. Крессвела (Cresswell, 1973, p. 9) и выступающих функцией от текстовой индивидуальной области к возможным мирам. Значением этой функции в возможном мире X будет «манифестация» данного текстового индивида в предложенческих мирах, причем в разных мирах индивид может характеризоваться различными свойствами, а в некоторых получать нулевую манифестацию (как, например, дядя Евгения Онегина в мирах романа «Евгений Онегин»: он входит в предметную область романа, о нем говорится в тексте, но во всех предложенческих мирах он манифестирован как «пустой» объект). Такой подход подсказывает, каким образом то, что М. Крессвел называл базисными индивидами, можно «перевести» в индивиды текстуальные.

Отметим, что рассмотрение этих лингвистических механизмов показывает правомерность каждого из трех доминирующих в настоящее время подходов к семантическим механизмам межмирового прослеживания — не только вышеупомянутой концепции жестких десигнаторов С. Крипке, в которой определяющим является имя индивида, но и теории Я. Хинтикки (Hintikka, 1972), в качестве определяющих рассматривающей свойства и отношения, и концепции «двойников» Д. Льюиса, согласно которой ни один индивид не может существовать в нескольких мирах и мы имеем дело не с тем же индивидом, а с его «копиями» (Lewis, 1968).

Отношение связности может основываться на различных онтологических допущениях, и в ряде случаев следует обратиться не к теории жестких десигнаторов С. Крипке, а к их альтернативам. В этих теориях связность будет обеспечиваться не путем наименования, а на основании предикативных или атрибутивных отношений, описывающих свойства и отношения, характеризующие индивида в том или ином мире (подход Я. Хинтикки). Можно также предположить, что одни и те же имена могут относиться к индивидам-двойникам — индивиды из различных миров являются не тождественными, а только похожими и

принадлежат только тому миру, который их описывает (концепция Д. Льюиса). В таких случаях имена перестают выступать как жесткие десигнаторы, используются такие языковые средства, которые основаны на различиях между переносным и буквальным именованием либо между семантической референцией и референцией говорящего или же на каких-либо иных механизмах, учитывающих многозначность языкового знака. Каждый из подходов отражает различные аспекты внутритекстовой связности, причем на их основе возможно уточнить некоторые из разработанных в лингвистике текста положений. Например, повторная отличающаяся номинация, которая обычно объясняется чисто словарными отношениями между лексемами, есть в то же время несоответствие между индивидами из миров, соответствующих различным предложениям.

3. При логико-семантическом представлении, как то предполагалось еще при первых попытках его формализации (см.: Гиндин, 1982; Лотман М., 1988), смысл текста (T_{sense}) есть результат текстовых операций над языковыми смыслами, что можно представить как результат операции соединения (конкатенации, проекции, отображения) последовательности текстовых операторов $\langle t_1, \dots, t_n \rangle$ и структуры смыслов $\langle \varphi_1, \dots, \varphi_n \rangle$. Эта операция X приводит к некоторой структуре, «смыслу текста»:

$$\langle t_1, \dots, t_n \rangle X \langle \varphi_1, \dots, \varphi_n \rangle \longrightarrow T_{\text{sense}} \langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle,$$

или, что то же самое,

$$T_{\text{sense}} \langle E_1, \dots, E_n \rangle \longrightarrow \langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle,$$

где T_{sense} — обобщенное представление текстовых операторов $\langle t_1, \dots, t_n \rangle$, E — языковые выражения текста, E^* — результат преобразования текстовыми операторами смыслов составляющих текст языковых выражений E или пропозиции, получаемые в результате наложения текстовых операторов на смыслы языковых выражений. Как текстуальные операторы можно рассматривать все те различные формы связи между предложениями и ситуациями, которые представляют различные отношения межмировой достижимости. Эти операторы могут быть логическими или квазилогическими: «и», «если... то», «вследствие», равно как и их повествовательные корреляты («как результат», «для этого», «благодаря этому» «из-за этого» и т. д.). Учитывая связь логических и темпоральных характеристик (по принципу: «после этого — вследствие этого»), их могут заменять чисто нарративные операторы: «раньше — позже», «тогда же» и т. п. Подобные связки-операторы могут быть сведены к чисто синтаксическим и описаны как открытый список возможных конъюнктивов и коннективов, связывающих предложения и сегменты текста. В наиболее общей форме первый, линейный уровень семантики текста T_{meaning} может быть представлен как упорядоченная последовательность $\langle E_1, \dots, E_n \rangle$ выражений текста E_x , где под «выражением» понимается некоторый эксплицитно выраженный смысловой сегмент текста (предложение, фрагмент и т. д.), но не имплицитные смысловые структуры (пресуппозиции, интертексты, имплицатуры и

т.д). Огрубляя, можно определить процесс линейной репрезентации текста как пошаговую экспликацию семантических и прагматических пресуппозиций финального предложения — какие предшествующие события привели к тому состоянию дел, которое описывается заключающим предложением.

Простейшими, или, точнее, прототипическими типами линейной организации текстов можно обобщенно считать следующие:

1) биография, когда индивид прослеживается сквозь различные темпоральные миры или, что то же самое, различные временные состояния одного и того же мира;

2) каталог, или описание всех наличествующих в данном мире индивидов или событий в определенный момент времени;

3) карта — описание различающихся по своей модальности миров, существующих в определенный момент времени (например, актуальный мир и его деонтические или эпистемические альтернативы или контрфактуальные миры).

Возможны разнообразные многочисленные вариации этих трех типов, но тем не менее эти миры будут гомогенными в том смысле, что будут представлять различные трансфигурации одного и того же центрированного мира, и поэтому одни и те же модальные отношения будут определять отношения между мирами, описываемыми различными выражениями — сегментами текста. Например, в случае биографии это будет отношение «иметь место до момента времени t — после времени t »; второй мир достижим из первого в том отношении, что через некоторое время первый преобразуется во второй: мир, в котором в 1799 году родился Пушкин, преобразуется в 1837 году в мир, в котром Пушкина убьют на дуэли. В случае каталога это описание того, что имеет или не имеет место в некоторый момент t применительно к одному и тому же локусу l , это напоминает определение возможного мира по Карнапу — как полного описания состояний. В случае карты это описание возможных состояний применительно к одному и тому же моменту, но в различных локусах, если понимать под локусом не только физическое пространство, но и пространство возможностей — различающиеся в модальном отношении стратифицированные области интерпретации.

4. Преобразование линейной текст-структуры в многомерную (или нелинейную композицию) предполагает, что логико-семантические связки оказываются осложнены модальными, причем так, что появляются новые миры, центрированные иначе, чем при линейном структурировании текста. Это миры деонтических норм, интенций, миры вообразимые (сновидений, желаний), интертекстуальные, воспроизводимые миры персонажей, отличные от миров повествователя, миры — результат цитации или диалога и пр. Formой выражения этих миров оказывается текст в тексте (ср.: Лотман, 1981). Становится необходимой многомерная интерпретация выражений (предложений) в различных мирах, отличающихся своим онтологическим статусом (это актуальный

мир, вымышленный мир, контрфактический мир, мир-в-будущем и т. п.). Это приводит к постоянному изменению референции истинностного значения. Так, применительно к биографии Пушкина референция и истинностное значение предложения «Пушкин был убит на дуэли» изменению не подлежат. Однако предложение «Ленский был убит на дуэли» изменяет истинностное значение от мира к миру: оно ложно или бессмысленно применительно к актуальному событийному миру (такого индивида и события в истории не существовало) и истинно применительно к миру романа «Евгений Онегин» и порожденному этим романом перенесенному в актуальный мир «цитируемому» состоянию дел. Так, в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта» эти два события из разных миров представлены как произошедшие в одном и том же центрированном относительно поэта-Лермонтова мире: убийству Пушкина предшествовало убийство Ленского.

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Вместе с тем Лермонтов указывает и на цитатное и одновременно текстуальное происхождение события («воспетый»). Безусловно, Лермонтов разграничивал эти два мира, но для него они выступают как сопряженные в одной системе (модельной структуре, см. ниже).

Как видим, если на первом этапе, при описании смысловых структур текста, оказываются достаточными языковые смыслы и текстовые операторы, то переход от *смысла* текста к его значению (референции) потребует дополнительных параметров: должно быть задано также множество возможных миров и контекстов, включающих адресата и адресанта. В такой прагмасемантической версии они вписаны в текст — как некоторые параметры возможных интерпретаций. Контекст зависит от текста (кто, где и как может создать или интерпретировать данный текст).

Переход от смысла текста к его значению можно представить как функцию

$$\langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle \xrightarrow{T_{\text{sense}}} T_{\text{meaning}}$$

или, в развернутой форме,

$$T_{\text{sense}}, \langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle, V \longrightarrow T_{\text{meaning}}, \{W_0, \{W\}, R\},$$

где V — универсум возможных миров, $\{W_0, \{W\}, R\}$ — модельная структура С. Крипке, в которой $\{W\}$ — некоторое множество возможных миров, W_0 — входящий в это множество отмеченный мир, R — заданное на множестве отношение достижимости (Kripke, 1963). Из некоторого универсума возможных миров выбирается «отмеченный» мир (мир текста?) и множество достижимых из него миров. Смысл текста есть

функция, которая, сопоставляясь с предметной областью — неупорядоченным множеством миров (универсумом $\{V\}$), выделяет в этом универсуме $\{V\}$ некоторую структуру миров, или модельную структуру. Модельная структура — это множество связанных отношениями достижимости миров или некоторый мир и заданные на нем отношения перехода к другим мирам.

Введя модельную структуру С. Крипке, нам следует использовать и неотделимое от нее понятие модели, то есть заданной на модельной структуре бинарной функции $f(E, W)$, где E — пропозиция (смысл предложения), W — мир из множества $\{W\}$, а областью значения функции будет истинностное значение $\{T, F\}$ данной пропозиции в рассматриваемом мире. Можно задать различные прагмасемантические координаты, благодаря чему возможно введение новых контекстуально обусловленных модельных структур. В таком случае языковые выражения текста $\langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle$ будут соотноситься с множеством возможных миров — моделей данного предложения, определенных применительно к некоторому контексту:

$$\langle E^*_1, \dots, E^*_n \rangle, \{W_0, \{W\}, R\}, C \longrightarrow \{T, F\}.$$

Это такая функция, которая, сопоставляясь с фактуальной информацией о возможных мирах и контексте C , определяет истинностное значение: имеет (T — true, истинно) или не имеет место (F — false, ложно) выраженная E пропозиция в рассматриваемом мире (последний не обязательно должен быть актуальным миром или миром контекста). Напомним, что условия истинности принято трактовать как смысл предложения. Тем самым, данная пропозиция E из множества описывающих некоторый мир пропозиций $\langle E_1 \dots E_n \rangle$ выделит то входящее во множество возможных миров $\{W_1 \dots W_n\}$ подмножество $\{W_x\}$, в котором имеет место соответствующее E состояние дел, или, иначе говоря, в каких мирах соответствующие некоторому отдельно взятому предложению пропозиции имеют место, в каких — нет. Содержательно это может пониматься как способ определить относительно некоторой пропозиции, имеет или не имеет место в тех или иных мирах текста соответствующее положение дел. В наших терминах, поскольку мы исходим из языковых выражений, это то множество миров, относительно которых соответствующее рассматриваемому выражению предложение осмысленно и определены условия его истинности. Таким образом, пропозиция оценивается не относительно универсума миров, как это происходит в случае изолированного предложения, а внутри уже определенной модельной структуры, то есть тех миров, которые входят в множество $\{W\}$ и, согласно вышеприведенному определению, составляют значение текста. То или иное понимание текста (или его интерпретация) предстанет как содержательный аспект того, что формально может быть описано как конструирование той или иной центрированной модельной структуры, которая позволяет оценить, какие соответствующие тем или иным отдельным предложениям миры и в каком отношении совместимы между собой, а какие — несовместимы. Это позволяет описать, какие состояния дел (возможные миры) возможны относи-

тельно данного текста — например, в каком отношении миры последующих предложений достижимы из миров предыдущих (подробнее обоснование дано в: Золян, 2013).

5. Продемонстрируем тезис о многомерности и «многомирности» семантики текста на примере пушкинского чернового фрагмента «Когда б я был царь...» (публикаторами ему приписано заглавие «Воображаемый разговор с Александром I»). Он важен в биографическом аспекте, предельно ясно отражая отношения между молодым Пушкиным и властью (Александром), как то воспринималось самим поэтом, а также проясняя некоторые эпизоды его южной ссылки (отношения с Инзовым, Воронцовыми т.д.). Вместе с тем рассматриваемый фрагмент в сгущенном виде представляет принципы поэтики Пушкина, которые позднее воплотились в первую очередь в его прозаических произведениях. Это принимающая различные формы игра модальностями, делающая взаимопроницаемыми действительное и воображаемое. Данная особенность характерна для творчества Пушкина в целом, о чем в различной связи неоднократно писал Ю.М. Лотман. Систему подобных средств мы рассматриваем как особую поэтику модальности. При таком подходе на основе внутритекстового анализа и сопоставления с другими произведениями Пушкина мы предлагаем интерпретировать этот фрагмент не как черновой отрывок, а как новеллу, текстологическая двусмысленность которой также является художественным приемом. Здесь можно обнаружить тот же принцип, что и в ряде произведений Пушкина: это превращение персонажа в автора, а автора — в персонажа и читателя. Динамика сюжета, обычно создаваемая межсобытийными связями, в данном случае создается изменениями модальных отношений — отношениями межмировой достижимости, перехода из одного мира — в другой, из одного времени — в другое, из одного состояния — в другое (сон — явь), из одной пропозициональной установки — в другую (придумать, прочитав, вспомнить и т.д.).

Черновик написан от имени царя, поэтому его реальный автор (Пушкин) оказывается персонажем:

Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: «Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи». Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал...

Но в вымышленном мире, где Пушкин стал царем, другой Пушкин все еще остается поэтом, который рассказывает о реальных эпизодах своей биографии. Во время этого разговора Пушкин, дав требуемые объяснения, демонстрирует свое уважение к царю и надеется на его великодушие. Александр собирался простить поэта, но предложения, соответствующие этой возможности, оказались перечеркнуты — вместо этого была создана противоположная версия (впрочем, также перечеркнутая):

Но тут бы Пушкин (перечеркнуто изначально написанное «я». — С. 3.) разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь, где бы он написал поэму «Ермак» или «Кочум», разными размерами с рифмами.

Единственная разница между этим вымышленным и реальным миром заключалась в том, что Пушкина в воображаемом мире царь отправит уже в Сибирь (а не на Кавказ), где он будет писать стихи не на кавказские (что он и делал в действительности), а на сибирские темы... Тем не менее вымышленная беседа оказалась близка к предсказанию. История делает неожиданный шаг — в соответствии с вынесенным нами в заголовок утверждением Витгенштейна: «Все, что может быть описано, может и случиться». Вскоре после сделанной Пушкиным записи Александр I скончался, а новый царь Николай I послал жандармов, чтобы те срочно доставили поэта к нему для личной беседы. Пушкин был в неведении, куда и зачем его везут. Были возможны оба варианта его черновика: ссылка в Сибирь или официальное помилование. Парадоксальным образом обе эти альтернативы были реализованы — так зачеркнутый текст стал реальным событием. Пушкин получил разрешение вернуться в столицу, но вместе с тем новый царь стал его личным цензором (царский надзор не был снят). О характере беседы нового царя и Пушкина также сохранились противоречивые сведения.

Реальный и воображаемый миры существенно не отличаются — в обоих царь наказывает поэта за его высказывания. Вымышленный текст и реальный мир представлены как взаимопроницаемые семантические области, и их взаимопроникновение определяет многозначную интерпретацию. При этом двойное «я» текста («я-Пушкин» и «я-Пушкин-царь») приводит к двойной центрированности миров текста, что делает невозможным определение, кто есть говорящий, в результате чего и высказывания подлежат многомерной интерпретации. Пушкин-нарратор со второго предложения теряет свое «я», нарратором становится «Пушкин, ставший царем», который наказывает Пушкина-персонажа («Пушкина, оставшегося Пушкиным»). Двухмерная структура записи оказывается недостаточной. Данный фрагмент с его многочисленными вариантами представляет собой один из труднейших случаев расшифровки пушкинских черновиков (см.: Бонди, 1952). Но именно форма черновика, нотация, в которой зафиксированы как зачеркнутые, так и восстановленные варианты, создает возможность преодолеть линейность письма и представить многомерную структуру описываемого события. Различные варианты текста могут быть рассмотрены одновременно как возможные варианты развития событий. Перечеркнутый (нереализованный) вариант (царь прощает Пушкина) дан на фоне своеобразного оксюморона: «контрфактуального, но актуального-в-тексте» — мира, в котором царь ссылает Пушкина в Сибирь. Черновик выступает как аналог гипертекста. Адекватным описанием семантики текста может оказаться именно модельная структура — система взаимопроницаемых (достижимых) миров (реальный мир, воображаемый контрфактуальный мир, мир-в будущем и даже мир «Бориса Годуно-

ва», поскольку отрывок написан в той же тетради, что и черновик трагедии, это ее и интекст, и интертекст³). Существенными оказываются не они сами по себе, а их соотношенность внутри системы, полное описание которой — предмет намечаемого нами отдельного исследования.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

Список литературы

Бонди С. Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I» // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 167–194.

Гиндин С. И. Некоторые уроки и возможные перспективы контактов между логикой и лингвистической теорией текста. // Логический анализ естественного языка. Вильнюс: Ин-т философии, социологии и права АН Литовской ССР, 1982. С. 111–115.

Золян С. Т. «Бесконечный лабиринт сцеплений»: семантика текста как многомерная структура // Критика и семиотика. 2013. Вып. 1 (18). С. 18–44.

Золян С. Т. Семантика и структура поэтического текста. 2-е изд., перераб. и доп. М.: URSS, 2014 [1991].

Лотман М. Ю. Семантическая структура связного текста и проблемы ее представления в АИПС. Таллин: Eesti Informatsiooni Instituut, 1988.

Лотман Ю. М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. [Сб.] 14. 1981. С. 3–18 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 567).

Cresswell M. J. Logics and Languages. L.: Methuen, 1973.

Cresswell M. Language in the World. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Hintikka J. The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology // Semantics of Natural Language. Synthese / eds. D. Davidson, G. Harman. Vol. 40. Dordrecht: Springer, 1972.

Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

Kripke S. Semantical Analysis of Modal Logic I: Normal Modal Propositional Calculi // Zeitschrift für Mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik. 1963. Vol. 9. P. 67–96.

Lewis D. Counterpart Theory and Quantified Modal Logic // Journal of Philosophy. 1968. Vol. 65 (5). P. 113–126.

Lewis D. Truth in fiction // American Philosophical Quarterly. 1978. Vol. 15 (1).

Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // Philosophical Review. 1979. Vol. 88. P. 513–543.

Об авторе

Сурен Тигранович Золян, доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и права Национальной академии наук Армении, Армения.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

³ Ср. вложенные в уста Бориса Годунова слова «Противен мне род Пушкиных мятежный...».

Для цитирования:

Золян С. Т. «Все, что может быть описано, может и случиться...»: К описанию семантики текста как модели межмировых отношений // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 72–84. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6.

**'WHAT CAN BE DESCRIBED CAN HAPPEN TOO...':
DESCRIBING TEXT SEMANTICS AS A MODEL STRUCTURE
OF INTER-WORLD RELATIONSHIPS**

S. T. Zolyan^{1, 2}

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia
44 Arami St., Yerevan, 375010, Armenia

Submitted on August 05, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6

In this article, I explore the content-related and formal aspects of describing the multidimensional semantic organization of a text, particularly, I focus on the possibility of using the apparatus of modal semantics to identify the relationship between sentential complexes. To those ends, I employ the concepts of model, model structure, and centred world. The latter is a system of functions that correlate language expressions, the language expressions of a text, states of affairs (possible worlds) described by language expressions, and the contexts in which a text occurs. Existence in the worlds of the text correlates with the possibility of description. Presumably, the text is a twofold notion: it refers to a linear sequence of segments and a multidimensional semantic structure. In this work, I demonstrate the possibilities of integrating both approaches. I consider the correlation between the mechanisms of text coherence, on the one hand, and the relationships of inter-world accessibility and of the identification of described individuals across possible worlds, on the other. Probably, the variety of cohesion mechanisms does not make it possible to use a single identification mechanism and requires taking into account various competing approaches. I illustrate the above conclusions, using Pushkin's draft 'If I were Tsar'.

Keywords: text semantics, semantic coherence, semantics of possible worlds, Saul Kripke, 'If I were Tsar...' by Pushkin.

References

Bondi, S., 1952. Original text and political content of "Imaginary Conversation with Alexander I". In: A. M. Egoлин, ed. *Pushkin. Lermontov. Gogol'* [Pushkin. Lermontov. Gogol]. Moscow: AN SSSR Publ. pp. 167–194 (in Russ.).

Gindin, S. I., 1982. Some lessons and possible perspectives of contacts between logic and the linguistic theory of the text. In: *Logicheskii analiz estestvennogo yazyka* [Logical analysis of natural language]. Vil'nyus. pp. 111–115 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2013. "Endless labyrinth of linkages": text semantics as a multidimensional structure. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 1 (18), pp. 18–44 (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2014. *Semantika i struktura poeticheskogo teksta* [The semantics and structure of the poetic text]. Moscow: URSS (in Russ.).

Lotman, M. Yu., 1988. *Semanticheskaya struktura svyaznogo teksta i problemy ee predstavleniya v AIPS* [The semantic structure of a coherent text and the problems of its presentation in AIPS]. Tallinn: Eesti Informatsiooni Instituut (in Russ.).

- Lotman, Yu. M., 1981. Text in the text. *Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta* [Scientific notes of Tartu State University], 567, pp. 3–18 (in Russ.).
- Cresswell, M. J., 1973. *Logics and Languages*. London: Methuen.
- Cresswell, M., 1994 *Language in the World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hintikka, J., 1972. The Semantics of Modal Notions and the Indeterminacy of Ontology. In: D. Davidson, G. Harman, eds. *Semantics of Natural Language. Synthese*. Vol. 40. Springer: Dordrecht.
- Kripke, S., 1980. *Naming and Necessity*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Kripke, S., 1963. Semantical Analysis of Modal Logic I: Normal Modal Propositional Calculi». *Zeitschrift für Mathematische Logik und Grundlagen der Mathematik*, 9, pp. 67–96.
- Lewis, D., 1968. "Counterpart Theory and Quantified Modal Logic", *Journal of Philosophy*, 65, pp. 113–26.
- Lewis, D., 1978. Truth in fiction. *American Philosophical Quarterly*, 15 (1).
- Lewis, D., 1979. Attitudes *De Dicto* and *De Se*. *Philosophical Review*, 88, pp. 513–543.

The author

Prof. Suren T. Zolyan, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Leading Researcher, Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Armenia.

E-mail: surenzolyan@gmail.com

To cite this article:

Zolyan, S. T. 2019, 'What can be described can happen too...': describing text semantics as a model structure of inter-world relationships, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 72–84. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-6.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ НОВИЗНЫ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Н. М. Азарова¹

¹Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 18.07.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-7

Тексты разных эпох так или иначе связаны с вопросом о производстве новизны и ее предъявлении. В поэзии последних лет можно заметить явные изменения установок поэтов на демонстрацию языковой новизны в текстах. У молодых поэтов появляются тексты, не основанные на заданных алгоритмах возникновения нового и его прочтения, а, напротив, маскирующие или подспудно выявляющие присутствие явной новизны. Современная практика хеджирования нового должна быть осмыслена в свете философии текста и необходимости переосмыслить методы изучения языка поэзии. Возможность расшифровки поэтического текста больше не заложена в нем как алгоритм. Языковая стратегия сопротивления современному диктату креативности ведет к возрастанию идиоматичности как отдельных фрагментов поэтического текста, так и текста в целом.

Ключевые слова: *текст, философия текста, современная поэзия, новизна, креативность.*

В поэзии последних лет можно заметить явные изменения как в отношении к новаторству в языке, так и в установках поэтов на производство и демонстрацию языковой новизны в текстах. Новая ситуация должна быть осмыслена в теоретическом плане, но одновременно она демонстрирует необходимость переосмысления методов изучения языка поэзии.

Вопрос новизны, предъявленной в тексте поэзии, всегда зависит от отношения к новому и производству нового в разные исторические эпохи; отношение к языковому новаторству в поэзии неразрывно связано с аксиологией новизны в конкретной культурной системе. Языковое новаторство поэтов, как правило, оценивалось полярно: либо со знаком «минус», как языковой развал и неоправданный произвол, либо со знаком «плюс», утверждая право поэта на формирование и изменение языковой нормы, а также на индивидуальное отступление от нее. Более того, поощрение или запрет на свободу обращения с языком и приемлемая или дозволенная степень этой свободы определяются более общим, системным, культурным и социальным поощрением или запретом на новое. В этом смысле последние годы демонстрируют принципиальные изменения в оценке любого типа новизны.

Современную эпоху можно назвать эпохой безраздельной власти креативного. Новизна и креативность навязываются системой как абсо-

лютные ценности и становятся ежедневным условием существования любого индивида почти независимо от того вида деятельности, которым он занимается. Диктат креативности как характеристика последнего десятилетия не может не сказаться на позиционировании поэтов и поэтических текстов по отношению к новому вообще и языковым новациям в частности. Но с другой стороны, это не только предполагает ситуацию подчинения этому диктату, но и ставит вопрос о возможности противостояния ему.

Активное производство новизны или псевдоновизны во всех видах современного дискурса поставило под вопрос и актуальность методов, с помощью которых исследователь традиционно анализирует новаторство поэтического языка и структуру поэтического текста.

В поэзии конца XX – первого десятилетия XXI века алгоритм производства новизны часто был задан самим поэтом, и здесь можно говорить об общих тенденциях почти независимо от направлений – концептуализма, метареализма, постфутуризма, постконцептуализма и др. Поэт выделяет некоторый языковой прием, тем или иным способом обособляя, а затем повторяя его и превращая в опознаваемый (брендируемый) элемент. Исследователь, следуя за поэтом, опирался на теоретическую установку семантической мотивируемости каждого языкового знака и описывал языковое новаторство, проявляя в свою очередь креативность в систематизации и презентации алгоритмов приемов. Здесь мы опять же говорим об общей тенденции независимо от принятых методов описания – лингвопоэтики, когнитивистики и др. Что происходит сейчас? Сегодня можно говорить о некотором лингвистическом тупике в изучении языка поэзии. Лингвокреативность, нарушения, девиация перестают маркировать язык поэзии, поскольку превращаются в требование культурной нормы, выходящей за пределы поэтического языка, и в результате как их предъявление поэтами, так и их изучение лингвистами становятся неактуальными. Все дискурсы наперебой демонстрируют стремление к креативности в языке. И в этом смысле в поэзии нет ничего нового, чего нельзя было бы обнаружить в других видах дискурса.

Ранее можно было говорить о проективных возможностях изучения поэтического языка, что можно было бы назвать *ситуацией опережения*. Какое-то явление возникает в поэзии, распространяется в поэтическом дискурсе, и лингвист может на основании этого предположить, что поэзия потенцирует общеупотребительный язык. Например, написание поэтических текстов без прописных букв и революция в знаках препинания предваряют аналогичный формат в современной сетевой коммуникации и не только в ней. Точно так же употребление непереходных глаголов как переходных еще в начале XX века можно было встретить преимущественно в поэтических, философских или теологических текстах, а в последние годы это широко используемый прием в самых разных видах дискурса. Или если в поэзии конца XX века авторское обращение с предложениями в поэтической речи, например их автономное употребление, воспринималось как революционный языковой и поэтический прием, то сейчас мы вряд ли смогли бы оценивать это подобным образом, и конструкции типа «я буду ждать тебя за» широко

функционируют и не воспринимаются как девиация. Постепенно временной промежуток между появлением той или иной языковой тенденции в поэзии и других видах дискурса сокращался, и наконец в последние годы он сошел на нет.

Эпоха опережения закончилась. Теперь становится трудно или почти невозможно исследовать язык современной поэзии с перспективной позиции. Аналогичная ситуация обнаруживается в поэзии как дискурсивной практике: приглашение того или иного непоэтического дискурса или его элементов в поэзию всегда рассматривалось как языковое или дискурсивное новаторство, а в конце XX — начале XXI века смещение дискурсов стало едва ли не основным поэтическим приемом как в мировой, так и в русской поэзии. Однако в последние годы дискурсивная комбинаторика перестала маркировать язык поэзии, опять же переключаясь в самые разнообразные области и превратившись в общепотребительный прием коммуникации, отвечающей мандату креативности в целом и лингвокреативности в частности.

В различных направлениях лингвистики и лингвопоэтики производство новизны в поэзии изучалось в традициях формальной школы более или менее изолированно, и исследование новаторства в языке поэзии так или иначе было замкнуто само на себя. Сегодня становится затруднительным оторвать проблему новизны в поэзии как от филологии текста, так и от соотнесения ее с системными социокультурными изменениями.

Идея времени изменилась. Произошло и происходит изменение отношения к новому вообще. Новое и креативное включилось в товарные отношения и стало основным требованием, предъявляемым к каждому члену общества и каждому говорящему. При этом речь идет не об эволюции отношений, поскольку эволюция предполагает известную поэтапность, а о системном изменении отношения к новому. «Капитализм заставляет всех нас быть гибкими, конкурентоспособными, индивидуальными, динамичными и в конечном счете креативными. В результате мир труда стал более прекарным, фрагментарным и нестабильным, но в то же время всепоглощающим. Установка на “творческую работу” вторгается в домашнее пространство, наш досуг и самые интимные сферы личной жизни» (Mould, 2018, p. 190). В рамках идеологического нарратива неолиберализма «креативность превратилась в смирительную рубашку, характерную особенность, которая подпитывает дальнейшее навязывание того же самого нарратива. Конечно, все творчески мыслят, но только те, у кого есть понимание, как это воплотить, способны извлечь из креативности выгоду» (Ibid, p. 194). Креативность и творчество перестают мыслиться как мечты о невозможном и превращаются в усилия, в том числе и языковые, направленные на презентацию, саморепрезентацию и немедленное воплощение. Капиталистическая риторика креативных технологий вбирает в себя и полностью поглощает любые типы дискурса, среди прочих затрагивая поэтический. Таким образом, традиционно понимаемая неология, или языковое новаторство, сегодня перестает ассоциироваться с поэзией и становится прерогативой как обыденной коммуникации, так и корпоративного и медийного пространства.

Новая и неожиданная задача поэтического текста — противостоять диктату креативности. И она не замедляет осуществляться, пусть даже и не как осознанная стратегия. Подспудно изменяется отношение к новому, к демонстрации новизны, реализуя протест против требования креативности как основного капиталистического мандата нашего времени. Однако существует опасность того, что, если принять стратегию противостояния диктату новизны как максимуму, это может спровоцировать обратную реакцию, то есть интерпретацию этого требования как косной традиционности, избегания любой новизны. Поэтому необходимо преодолеть простую и столь нами любимую тыняновскую бинарную оппозицию архаистов и новаторов. В основе, казалось бы, противоположных стратегий — сегодняшнего диктата креативности и вместе с тем утверждения воображаемой традиционности, невозможной при современном расшатывании понятия языковой нормы, — лежит апология инструментального отношения к языку.

Еще одно неизбежное противоречие: с одной стороны, индивидуальное говорение поэта, заведомо индивидуальный характер поэтического текста, и с другой — культурная система капитализма, которая навязывает принцип индивидуального как обязательный, всеобщий с его элементами — креативностью, выбором и таргетированной аудиторией. Иными словами, индивидуальный креативное говорение приобретает сегодня всеобщий мандат. Эта противоречивая ситуация ведет к различным вариантам своего разрешения. Первый — это, как уже говорилось, подчеркнута традиционная поэзия, отказ от новизны вообще. Второй — выработка некоего коллективного коммуникативного языка поэзии, когда тексты одного поэта стремятся быть похожими до неотличимости на тексты других поэтов его круга, благодаря чему избегается подчеркивание если не креативности как таковой, то хотя бы ее индивидуального и успешного характера. Подобную ситуацию мы видим во многом в поколении двадцатилетних поэтов. И наконец, это выработка нового отношения к новизне, которое можно назвать *неявной новизной* или, что будет точнее по отношению к языку, *неявной неологией*. Этот ракурс проблемы заставляет нас говорить о языковой новизне и неологии в широком смысле, не ограничивая ее только аспектом новых слов и грамматики, стилистики. Неявная неология предстает в виде идиоматической (неразложимой, или неаналитической) новизны, которая избегает собственной демонстрации, основанной на брендинговых приемах, и вообще избегает фирменных языковых приемов. Неявная неология сегодня отражает те ростки противостояния, которые не укладываются в определенные модели и, не подчиняясь определенным алгоритмам, не отвечают задачам проективности. Формализовать неологию в тексте становится так же трудно, как формализовать текст, написанный верлибром, о котором мы знаем, что он все-таки ритмичен, и даже способны услышать этот ритм, но пока не обладаем техническими и теоретическими возможностями, чтобы его просчитать.

Философия неявной новизны в тексте основана на видении нового как данного и открытия его. Неявная неология оперирует тем новым, которое не просто не заявляет себя как новое, но и действительно способно на первый взгляд не казаться новым.

Возможно, релевантным термином для описания такого построения текста будет термин *хеджирование*, который в последнее время используется в различных лингвистических исследованиях, например билингвизма. Под хеджированием подразумевается «практика деинтенсификации табуированной информации или подачи ее в размытом, неопределенном виде, в виде “sort of” (“вроде”)»¹. Стратегия *хеджирования* языковой новизны не бинарна по отношению к стратегии ее предъявления, а скорее позволяет избежать этого предъявления. В какой-то мере подобное сокрытие новизны отсылает к философии текста мистиков, например к хеджированию сакральных смыслов в текстах Хуана де ла Круса (см. подробнее: Азарова, 2019). Языковые новации не подчиняются никакому алгоритму появления в тексте, а присутствуют «как будто так и было». Читатель, возможно, замечает в тексте нечто странное и непривычное, но ощущает это не как странность отдельных элементов и языковых приемов, а как странность вообще, причем на этой странности не акцентирует внимание ни автор, ни читатель. Хеджирование — это осторожное обнаружение себя в той области, о которой хочется молчать, в данном случае в области языковой новизны.

В поэтике футуризма, концептуализма, а также постфутуризма и постконцептуализма, оказавших наибольшее влияние на языковые механизмы лингвокреативности в других дискурсах, новое намеренно выступало как нечто чужое для адресата. Текстовый механизм преследовал цель вызвать первоначальное отторжение, неприятие с последующим подчинением и признанием нового как своего. *Неявная неология* преподносит новое как свое для адресата, как нечто, что было ему доспудно знакомо, но, возможно, ранее просто не замечалось.

При этом само *незамечание нового* — тоже не абсолют, то есть возможны разные степени этого незамечания. Незамечание нового нельзя считать активной позицией адресата, скорее это естественная практика в условиях переизбытка информации, когда когнитивные возможности человека не позволяют ему успевать за тем новым, которое, с одной стороны, уже раскрывается в практике, а с другой — не акцентирует механизмы своего раскрытия. Сознание не успевает зафиксировать новое в том числе потому, что считает его своим, и неявная неология предстает как что-то видимое боковым зрением, а не как то, что стоит впереди как некий проект.

Адресат, как и поэт, оказывается сразу посередине некоего нового пространства, и если XX век, по выражению А. Бадью, был веком инициации (Бадью, 2016), то во втором десятилетии XXI века мы вдруг обрели способность мыслить новое без инициации, без апологии инновации, за которой неизбежно следует триумф креативности. Перед нами текст современного поэта, и, скорее всего, мы замечаем его новизну, но

¹ «LM/S serves an important function in hedging (e.g. taboo suppression, de-intensification, or a vague “sort of” expression). Although the formal and functional range of hedging is quite wide and both languages of a bilingual can contribute, the language which is allocated as the “they” code is often used for this purpose, particularly when hedging performs the function of taboo suppression» (Ritchie, Bhatia, 2006, p. 346). О практике хеджирования в связи с поэтическим билингвизмом см.: (Азарова, 2015).

сколько бы мы ни старались выделить конкретные языковые или текстовые механизмы производства новизны, у нас ничего не выходит и мы, даже будучи лингвистами, оказываемся в положении обычного читателя, который не может сказать, что же тут нового. Если буквально десять лет назад поэтический текст очевидно приглашал к лингвистическому анализу, то сейчас многие тексты как будто подспудно сопротивляются как лингвистическому исследованию, так и аналитике как таковой. Новое возникает как восприятие целостности, а не как результат анализа. Это не исключает того, что многие поэты продолжают производить тексты в старой парадигме.

Понимаемое традиционно языковое новаторство в поэзии было основано на выделении противоречия, его подчеркивании и реализации. Невозможно вообразить хлебниковский неологизм, оторвав его от оппозиции норме и системе (Григорьев, 2006, с. 144–158) и без осознания того, на каком конкретно уровне языка происходит девиация или какую парадигму он дополняет или ломает. Далее в течение целого века в исследованиях поэтического языка вопрос ставился в основном о степени этой противоречивости (девиация, окказиональность, потенциальность и т. д.), ее месте по отношению к системе языка и языковой норме и о выразительности реализации этого противоречия (Зубова, 2000; Фатеева, 2013; Фатеева, 2016).

Если мейнстрим требует успешности предьявления новизны, то сегодняшние поэты стремятся не акцентировать противоречие нового и старого. В отличие от креативности и проективного подхода, которым жизненно необходимо опираться на базовое противоречие «уже было / еще не было», *невная новизна* и *невная неология* существуют в условиях непротиворечивости. *Невная неология* не направлена на снятие противоречий, а реализует принцип непротиворечивости как таковой².

Предполагается существование некой непротиворечивой системы (и есть вероятность, что обильность и разнонаправленность коммуникативного потока способствуют появлению хотя бы некоторой возможности этой системы), обеспечивающей невыявление оппозиций, системы, в которой мы смотрим на целое и заранее соглашаемся, что так и надо.

В традиционной неологии противоречие снималось при помощи контекста, словесное и текстовое окружение либо помогало выстраивать парадигму, предваряя парадигму предьявления нового (Ревзина, 2002, с. 422; Ревзина, 2009), либо поддерживало языковую девиацию, легитимируя ее, но и ставило поэта в условия зависимости от контекста, необходимости оправдывать им свое языковое поведение и обеспечивать читателя возможностью «расшифровать» новацию и согласиться с ней. Контекст, таким образом, играл роль достаточного основания для снятия противоречий между языковым новаторством в поэтическом дискурсе и ригидностью нормы; контекст, оправдывая поэта, заявлял: «Он имеет право, потому что...» — и в конечном итоге заставлял чита-

² По утверждению К. Мейясу, он установил необходимость непротиворечия на основании того, что бытие-необходимым есть бытие-противоречивым: «взрассать логос контингентности, или, другими словами, обоснования, освобожденно от принципа достаточного основания, — такую спекулятивную рациональность, которая не будет метафизическим обоснованием» (Мейясу, 2015, с. 111).

теля разрешить противоречие. *Неявная неология*, работая в условиях непротиворечивости, становится как будто независимой от контекста, точнее, текст не делится на отдельные элементы и поддерживающий его контекст. В то же время алгоритм предъявления более или менее шокирующего противоречия, за которым неизбежно следует снятие его для адресата при помощи манипуляции контекстом, переключался из языка поэзии, где он продолжал жить вплоть до настоящего времени, не только в сетевую коммуникацию, но и в огромное количество разнообразных дискурсивных практик.

С освобождением от контекстов поэзия вырывается и из парадигмального заточения. С другой стороны, нельзя отменить повтор. Повтор как ведущее средство создания ритма в поэзии подобен закону в науке: поэзия устанавливает свои законы, основанные на познавательном потенциале ритма и повтора. Однако при парадигмальном выстраивании повторов алгоритм работает на создание ожидания появления некой новизны, некоторого нарушения ряда. В лингвистике с 1970-х годов для описания этого механизма использовался термин *окказиональность*, причем окказиональные явления изучались на всех языковых уровнях (Ханпира, 1972). Для характеристики окказиональности хорошо работал термин *обманутое ожидание*. Этот лингвистический термин представляется актуальным и при описании механизмов современного диктата креативности и маркетингования новизны. Новизна в целом и языковые новации в частности маркируются при помощи обещания удовольствия от реализации обманутого ожидания; создается ряд повторов «вы были там-то» или «вы получали такие-то впечатления», а затем неожиданным предложением или неожиданной языковой формулой ряд повторов нарушается. Сам термин *окказиональный* переводится как *случайный*, и понятие случайности, таким образом, было неразрывно связано с языковым новаторством. Но саму случайность можно помыслить, только если мы верим, что закон (в случае языка — само наличие нормы и сравнительно жестких структур, правил и моделей) необходим или непоколебим. Эта вера поддерживается импликацией к частотности того или иного явления и статистическими подсчетами разного типа. Таким образом, презентация поэтической неологии как окказионального, случайного как случайного только укрепляет нашу веру в законы и правила, что легко транспонируется на любую креативность, не только языковую: хотя она может «привнести в наши модели потребления новые вещи (“ послушай X, ты слышал Y?”), такая креативность служит только для того, чтобы мы продолжали потреблять. Новизна заключается в воспроизводстве и поддержании того же самого, тех же самых отношений в обществе» (Mould, 2018, p. 198).

Русский язык с его зачастую богатой полисемией дает неожиданные подсказки, как это и происходит с идеей окказиональности и случайности по отношению к языковому новаторству. Одна из наших задач — переосмыслить понятия *случайный*, *случайность* и *случаться*. То, что случается и что случается в языке, совсем не обязательно должно быть случайностью, окказиональностью. В той окказиональности, которая заведомо описывалась в терминах оппозиции, как незначительно отступающая от системы, дополняющая ее ряды или противоречащая ей и таким образом неизбежно легитимирующая систему, всегда существовал

элемент игры. Может быть, поэтому ни рядовые носители языка, ни лингвисты при упоминании языкового новаторства разного типа и в разных типах дискурса часто не могут обойтись без фактически тупиковой формулы «игра слов». Неявная неология не соотносится с игрой, она случайна не в смысле случайности — но она способна случаться, и она случается. Она случается как нечто новое, не вписывающееся при этом в игру нового и старого. Неявная неология в современной поэзии существует в пространстве серьезности. В то же время игра слов в старом понимании не просто широко используется, а доминирует в подавляющем большинстве современных дискурсов.

Современная поэзия имеет право отказаться от принципа достаточного основания в полагании своих языковых стратегий, и, не выстраивая моделей, «на неосновательность опереться» (П. Целан). Если задать воображаемый вопрос, зачем поэт использует тот или иной языковой прием (если мы вообще способны выделить этот прием в тексте), то поэт имеет право ответить «просто так», и такой ответ не будет ни игровым, ни уклонением от ответа. Но ученый при этом неизбежно оказывается перед неразрешимой проблемой несоответствия прежних методов описания, когда предполагалось наличие и возможность выявления семантической обусловленности каждого языкового знака и фрагмента текста или когнитивных механизмов их производства.

В любой лингвистической статье, в том числе в статье по языку поэзии, желательно не ограничиваться чисто теоретическими рассуждениями и привести примеры, однако в нашем случае сам факт иллюстрации примерами будет в какой-то мере противоречить сказанному. Таким образом мы переводим ситуацию незамечания новизны в ситуацию ее обособления, боковое зрение — во фронтальное, целостность — в анализ, даже если он не претендует быть анализом. Более того, приводя примеры неявной аналогии, мы должны не выискивать наиболее яркие или характерные и систематизировать их, а, напротив, оставаться в поле неуверенности, поэтому приведем несколько рандомных примеров, полученных при пролистывании одного из последних номеров журнала «Воздух» (2019, №38).

Ты в подворотне будешь кидать шары,
малиновый, как диван.
А я — выходить и, разинув рты,
тополиных девочек раздевать.

Мы канем в зеркало у пруда
Мы в лету тайком уйдем
Как полицаи в красивом кино
По трубочке с кремом, и с ветерком
(Афонин, 2019, с. 44–45)

Первое впечатление от стихотворения Алексея Афонина (род. 1990): синтаксис настолько усложнен, что проще не восстанавливать какие-либо конвенциональные связи, а согласиться с ним, прочесть и принять как данность. В результате возрастает не просто целостность, но и идиоматичность текста. Если искать нарушения по отношению к

традиционной грамматике, то мы замечаем, что множественное число *разинув рты*, определенно не согласуется с *я*; затем мы находим *ты* в предыдущем тексте и отдаем себе отчет, что множественное число *рты* относится к *я* и *ты* вместе, но тогда *разинув рты* превращается в тот самый запрещенный абсолютный деепричастный оборот (иначе – оборот с собственным субъектом), с которого традиционно начинается изучение стилистики в школе (по модели *Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа*). Мы возникает в следующей строфе, но, опять же, подобное построение, обычное для английской стилистики, совсем нехарактерно для русской. Все отмеченные сдвиги появляются в окружении инфинитивов и эллипсисов, и поэту удастся добиться того, что мы воспринимаем текст как сверхсложный, но не как неправильный. Эти нарушения нельзя назвать очевидными, так как здесь непонятно, что, собственно, нарушает автор.

Еще более неявный пример неявной новизны на уровне сочетаний слов демонстрирует стихотворение Максима Дремова (род. 1999): «этот запах – античный, о этот запах. черная желчь из протянутых сухих австрийских рук / здесь обитает. будучи пролитой, расфасованной / по бутылкам, превращается в знаменитое / фонарное вино на шесте» (Дремов, 2019, с. 102). Новизна, смещение, которое обнаруживается в сочетании слов *знаменитое / фонарное вино на шесте*, не представляется эпатажным; читатель может подозревать, что за этим стоит некая риторическая подоплека, но важно другое: даже если это смещение можно расшифровать, поэт, видимо, не считает эту расшифровку обязательной, иными словами, возможность расшифровки не заложена в тексте как его алгоритм. Поэт действует в пространстве нашей когнитивной установки на «непонимание» или «боковое», необязательное понимание вне моделирования.

В неявной неологии не возникает вопроса «Так говорят или так не говорят?» – здесь новое проскальзывает поверх автоматизма бинарной очевидности производства нового. Вот еще один пример из стихотворения Кузьмы Коблова (род. 1995):

я даже несколько раз забирался в чащу леса
и смотрел вверх, как листья светятся ярко
зеленым

случайно отделилось от сообщения
и я подумал – это тебе, все равно
и еще несколько фотографий
только для моих друзей

(Коблов, 2019, с. 135)

Этот текст как будто не вызывает вопросов, может читаться с позиции традиционного синтаксиса, но общее ощущение языковой странности все же возникает. Здесь много нюансов: *даже* стоит совсем не на привычном месте, не выполняя свою обычную связующую или усиливающую функцию, но задавая некоторую (лишь некоторую) произвольность дальнейшего прочтения; *ярко / зеленым*, которое привычно было бы писать через дефис, разнесено по двум строчкам и в результа-

те может читаться и как единство с пропущенным дефисом, имитируя запись в телефоне, и разорванно, как две самостоятельные единицы. *Случайно*, начинающее следующую строфу, скорее всего, относится к первой ее строке с пропущенным подлежащим, но может читаться как относящееся к предыдущей строфе и при желании даже интерпретироваться как самостоятельный субъект. Таким образом, валентности отдельных элементов текста возрастают, но нам трудно судить, входило ли это в намерения автора. Весь текст построен на тонких синтаксических смещениях, и новаторство никак не маркируется и не претендует на экспериментальность. В результате во всех приведенных примерах возрастает идиоматичность текста.

Поэты поколения двадцатилетних меняют свою поэтику от текста к тексту, что можно было бы списать на извечный поиск молодой поэзии, если бы эта тенденция заметно не усиливалась в последние годы и не была непосредственно связана с зарождением неалгоритмического подхода к новизне в тексте.

Повторим, что во втором десятилетии нашего века диктат креативности, охвативший все виды дискурса, заставляет выработать способность противостоять ему, что представляется чрезвычайно актуальной, но отнюдь не простой задачей, стоящей перед поэзией. Тексты, построенные на семантически обусловленных языковых девиациях, на возможных дешифровках, на сознательном нарушении языковой нормы, отходят в прошлое, лингвокреативность пора перестать считать атрибутом поэзии, она превратилась в прерогативу обыденной речи, коммуникации и медийного пространства. Современные поэтические тексты, возможно, способны существовать в нелегких условиях противостояния диктату креативности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта №19-18-00429 в Институте языкознания РАН.

Список литературы

- Азарова Н.М. Поэтический билингвизм Фернандо Пессоа // Критика и семиотика. 2015. №1. С. 254–267.
- Азарова Н.М. Язык христианской мистики в когнитивной перспективе (Сан Хуан де ла Крус) // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36.
- Афонин А. Жюль и Джим // Воздух. 2019. №38. С. 44–45.
- Бадью А. Век / пер. М. Титовой, Н. Азаровой [и др.]. М. : Гнозис, 2016.
- Григорьев В.П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избр. работы. 1958–2000-е годы. М. : Языки славянских культур, 2006.
- Дремов М. Враг // Воздух. 2019. №38. С. 102–105.
- Зубова Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М. : НЛО, 2000.
- Коблов К. «красивый день в саду...» // Воздух. 2019. №38. С. 135.
- Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург ; М. : Кабинетный ученый, 2015.
- Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева. Опыт системного описания поэтического идиолекта. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 2009.
- Ревзина О.Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. ст., посвященный юбилею Г.А. Золотовой. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 418–433.

Фатеева Н.А. Грамматические девиации в глагольной сфере как основа обратимости ролей в лирической коммуникации // Корпусный анализ русского стиха : сб. науч. ст. М. : Изд. центр «Азбуковник», 2013. С. 142–157.

Фатеева Н.А. Языковые девиации в аспекте креативности (на материале современной русской поэзии) // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №4. С. 44–48.

Ханпира Э.И. Оказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования: на материале современного русского языка. М. : Наука, 1972. С. 245–317.

Mould O. Against creativity. L. ; N. Y. : Verso, 2018.

Ritchie W. C., Bhatia T. K. Social and Psychological Factors in Language Mixing // The Handbook of Bilingualism / ed. by T. K. Bhatia, W. C. Ritchie. Cornwall : Blackwell Publishing Ltd., 2006.

Об авторе

Наталья Михайловна Азарова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия.

E-mail: natazarova@icloud.com

Для цитирования:

Азарова Н.М. Философские основания предъявления новизны в поэтическом тексте // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 85–96. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-7.

A PHILOSOPHICAL FRAMEWORK FOR PRESENTING NOVELTY IN A POETIC TEXT

N. M. Azarova¹

¹Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 Bolshoy Kislovsky Ln, Moscow, 125009, Russia
Submitted on July 18, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-7

Texts of different eras relate to varying degrees to the question of generating and presenting novelty. Recent poetry has been undergoing visible changes in poets' attitudes to demonstrating linguistic novelty in texts. Young poets write texts that do not use the established algorithms of presenting and perceiving the new but disguise or surreptitiously reveal apparent novelty. One must explore the current practices of hedging against the new in the light of the philosophy of the text and in the context of the need to reconsider methods for studying the language of poetry. The possibility to decipher a poetic text is not embedded in it as an algorithm. The linguistic strategy of resisting the contemporary despotism of creativity results in the growing idiomatlicity of both individual fragments of a poetic text and a text as a whole.

Keywords: text, philosophy of text, contemporary poetry, novelty, creativity.

References

Azarova, N.M., 2015. Fernando Pessoa's poetic bilingualism. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 1, pp. 254–267 (in Russ.).

Azarova, N.M., 2019. The language of Christian mysticism in a cognitive perspective (San Juan de la Cruz). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 36 (in Russ.).

- Afonin, A., 2019. Jules and Jim. *Vozdukh* [Air], 38, pp. 44–45 (in Russ.).
- Bad'yu, A., 2016. *Vek* [Age]. Translated by M. Titova, N. Azarova. Moscow: Gnozis (in Russ.).
- Grigor'ev, V.P., 2006. *Velimir Khlebnikov v chetyrekhmernom prostranstve yazyka: Izbrannyye raboty. 1958–2000-e gody* [Velimir Khlebnikov in the four-dimensional space of the language: Selected works. 1958–2000s]. Moscow: Languages of Slavic cultures (in Russ.).
- Dremov, M., 2019. Enemy. *Vozdukh* [Air], 38, pp. 102–105 (in Russ.).
- Zubova, L.V., 2000. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka* [Contemporary Russian poetry in the context of the history of language]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russ.).
- Koblov, K., 2019. «A beautiful day in the garden...». *Vozdukh* [Air], 38, p. 135 (in Russ.).
- Meiyasu, K., 2015. *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After finiteness: Essay on the need for contingency]. Translated by L. Medvedeva. Ekaterinburg, Moscow: Cabinet Scientist (in Russ.).
- Revzina, O.G., 2009. *Bezmernaya Tsvetaeva. Opyt sistemnogo opisaniya poeticheskogo idiolekta* [Immeasurable Tsvetaeva. The experience of a systematic description of a poetic idiolect]. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva (in Russ.).
- Revzina, O.G., 2002. Riddles of the poetic text. In: N.K. Onipenko, ed. *Kommunikativno – smyslovyye parametry grammatiki i teksta. Sbornik statei, posvyashchennyi yubileyu G.A. Zolotovo* [Communicative-semantic parameters of grammar and text. Collection of articles dedicated to the anniversary of G.A. Zolotova]. Moscow: Editorial URSS. pp. 418–433 (in Russ.).
- Fateeva N.A., 2013. Grammatical deviations in the verb sphere as the basis for the reversibility of roles in lyrical communication. In: V.A. Plungyan, L.L. Shestakova, eds. *Korpusnyi analiz russkogo stikha. Sb. nauchnykh statei* [Corpus analysis of Russian verse. Sat scientific articles]. Moscow: Publishing Center "Alphabet". pp. 142–157 (in Russ.).
- Fateeva, N.A., 2016. Language deviations in the aspect of creativity (based on the material of modern Russian poetry). *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 4, pp. 44–48 (in Russ.).
- Khanpira, E.I., 1972. Occasional elements in modern speech. In: V.D. Levin, ed. *Stilicheskie issledovaniya: na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Stylistic studies: on the material of the modern Russian language]. Moscow: Nauka. pp. 245–317 (in Russ.).
- Mould, O., 2018. *Against creativity*. London, New York: Verso.
- Ritchie, W.C., Bhatia, T.K., 2006. Social and Psychological Factors in Language Mixing. In: T.K. Bhatia and W.C. Ritchie, eds. *The Handbook of Bilingualism*. Cornwall: Blackwell Publishing Ltd.

The author

Prof. Nataliya M. Azarova, Leading Research Fellow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: natazarova@icloud.com

To cite this article:

Azarova, N.M. 2019, A philosophical framework for presenting novelty in a poetic text, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 85–96. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-7.

**«СКАЗАТЬ ПОЧТИ ТО ЖЕ САМОЕ»:
ТЕКСТ КАК ПАТТЕРН, ПАТТЕРН КАК ТЕКСТ**

Т. В. Цвигун¹, А. Н. Черняков¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14
Поступила в редакцию 11.09.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-8

В статье поднимается вопрос о методологических перспективах использования термина «паттерн» при анализе художественного текста. Очерчивается смысловое и категориальное поле термина, предлагается определение паттерна в проекции на языковой материал, устанавливается соотношение терминов «паттерн», «повтор», «рекуррентность» и др. Лингвистическая онтология паттерна как текстопорождающего механизма определяется тем, что паттерн проблематизирует отношения между повтором и вариацией, единым и множественным, «нормой» и «отклонением». Существенным условием для того, чтобы считать тот или иной текст имеющим паттерновую природу, в статье устанавливается несовпадение базового паттерна с его текстовыми реализациями при их одновременном подобию на уровне прототипа, модели; это позволяет определить отношения между паттерном и развертывающимся из него текстом как изоморфные отношения между языковым элементом и его речевой реализацией. Анализ поэтических текстов А. Монастырского и Д.А. Пригова демонстрирует возможности взгляда на текст как на реализацию паттерна с точки зрения разных авторских художественных стратегий.

Ключевые слова: паттерн, художественный текст, генеративная поэтика, инвариантность, вариативность.

Вводные замечания

Смысловое поле понятия *паттерн* в современном обыденном и научном речепотреблении чрезвычайно широко и разнородно. Словари английского языка фиксируют следующие определения слова *pattern*: «неоднократный или регулярный способ, которым что-либо происходит или делается» (CFOD, CD, LDCE), «расположение линий или фигур, конструкций, при котором та же форма повторяется по поверхности через равные промежутки времени», «регулярное расположение форм, цветов или линий на поверхности» (CFOD, LDCE, MDT), «диаграмма или форма, которая может быть использована в качестве образца при производстве модели или элемента одежды», «план или схема, которая используется в качестве руководства» (CFOD, CD, LDCE, MDT), «расположение повторяющихся или соответствующих частей,

декоративных мотивов», «декоративный дизайн», «конструкция из линий, форм, цветов и т.п.», (CFOD, CD), «стандартный способ перемещения, действия» (CD), «модель, достойная подражания», «представитель образца» (CFOD, CD), «регулярно повторяющееся расположение звуков или слов», «слова, фразы, группы, которые регулярно связываются с конкретным глаголом, существительным или прилагательным» (LDCE, MDT) и др. Google Translate предлагает весьма многочисленные варианты перевода английского *pattern* на русский язык: это *узор, шаблон, образец, рисунок, модель, характер, структура, схема, диаграмма, форма, пример, характеристика*; русскоязычная «Википедия» определяет в качестве основных сфер употребления термина *паттерн* информатику («эффективный способ решения характерных задач проектирования, в частности проектирования компьютерных программ»), психологию («набор стереотипных поведенческих реакций или последовательностей действий; объединение сенсорных стимулов как принадлежащих одному классу объектов»), технический анализ («характерный участок временных графиков цен»), музыку («таблица, определяющая порядок и режим воспроизведения семплов на нескольких каналах за некоторый промежуток времени», «набор заранее запрограммированных, последовательно (зацикленно) звучащих разных партий инструментов»), оригами («чертеж, на котором изображены все складки готовой модели»), указывая, что «смысл термина “паттерн” всегда уже, чем просто “образец”, и варьируется в зависимости от области знаний, в которой используется» ([https://ru.wikipedia.org/wiki/Паттерн_\(значения\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Паттерн_(значения))). Исследуя процессы терминологической эволюции *паттерна*, И.В. Леонов подчеркивает «отсутствие единства в смысловых трактовках “паттерна”, а также понимания его понятийного и категориального статуса со стороны научного сообщества», причем «процесс научной эволюции “паттерна” в качестве понятия и категории продолжается и в настоящее время, порождая довольно противоречивые трактовки» (Леонов, 2011, с. 41, 47).

На фоне востребованности термина *паттерн* в информатике, программировании, психологии, медицине, биологии, психологии, философии, культурологии, дизайне и других научных и прикладных областях обращает на себя внимание относительно низкая степень его освоения филологической (по крайней мере, отечественной) научной традицией. Пожалуй, единственным существенным исключением из сказанного являются новейшие методики глоттодидактики, где в качестве средства обучения грамматикам иностранных языков активно применяются так называемые грамматические паттерны — «грамматические и речевые образцы, конструкции выражений, когда их знание используется как шаблон для формирования аналогичных предложений» (<https://info.engexpert.ru/125-2/>). Хотя интерес к паттернам в последнее десятилетие возникает в корпусной лингвистике (Маслинский, 2010), коммуникативистике (Сучкова, 2010), поэтике (Ковалев, Негреева, 2013), семиотической теории образа (Ильин, 2018), он имеет скорее спорадический характер, а о применении методики паттернов в лингви-

стике текста, кажется, говорить пока не приходится. Между тем при достаточно широком взгляде следы «паттернового мышления» обнаруживаются, например, в морфологическом анализе сказки у В. Я. Проппа, нарратологических теориях французских структуралистов (прежде всего у А.-Ж. Греймаса), в теории поэтической функции Р. Jakobsona, трансформационной грамматике Н. Хомского и др.

«Паттерн» – «повтор» – «рекуррентность»

Суммируя вышеприведенные значения слова «паттерн» в проекции на языковой материал, примем следующее рабочее определение: *паттерн – это узуральная или окказиональная языковая (синтаксическая, морфологическая и др.) модель, схема, имеющая характер инварианта и получающая узнаваемую вариативную синтагматическую развертку в тексте.* Классические для лингвистики и семиотики дихотомии «парадигматика – синтагматика», «инвариант – вариант» актуализируются в данном случае особым образом: паттерн – это потенциальная парадигма, становящаяся таковой именно благодаря синтагматическому «умножению» своих репрезентаций в пространстве текста, это инвариант, не обязательно содержащийся в самом тексте, но реконструируемый из него через присутствующие в тексте и легко опознаваемые *de visu* варианты. Лингвистическая онтология паттерна как текстопорождающего механизма определяется тем, что паттерн проблематизирует отношения между повтором и вариацией, единым и множественным, «нормой» и «отклонением» и т. п.

Приведем наглядный пример текста, имеющего паттерновую природу, – хрестоматийное стихотворение А. Блока (трудно поддающееся подсчету число его интерпретаций мы намеренно опускаем):

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века –
Все будет так. Исхода нет.

Умрешь – начнешь опять сначала
И повторится все, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

В качестве грамматического паттерна, лежащего в основе стихотворения, может быть рассмотрена последовательность номинативов $N_1 + N_1 + N_1 + \dots$, представляющая собой характерный пример так называемого номинативного письма. Создавая композиционную рамку текста, номинативная серия открывает и закрывает текст, что само по себе наделяет стихотворение высокой степенью иконичности: идея рутинности неизменного бытия, отсутствия «исхода» (в том числе в под-

разумеваемом метампсихозе) «закольцовывается» лексическим повтором. Однако следует обратить внимание, во-первых, на намеренный отказ Блока от полного повтора (что, кстати, лишило бы нас возможности говорить о паттерне в предлагаемом смысле), во-вторых — на характерную поэтическую игру с симметрией фразы («Ночь, улица, фонарь, аптека, / Бессмысленный и тусклый свет» — «Ночь, ледяная рябь канала, / Аптека, улица, фонарь»), наконец, в третьих — на актуализирующееся в контексте грамматическое значение номинативного предложения¹. Подобная динамизация отношений между «идентичным» и «различным», при которой элементы паттерна, с одной стороны, предполагают пусть минимальную, но вариативность, а с другой — нивелируют эту лексическую вариативность полным грамматическим тождеством, многократно усиливает иконическую природу текста: мир у Блока предстает не просто неизменным, а неизменным даже в том, что кажется изменяющимся.

Инвариантно-вариативная природа паттерна логически подводит к разговору о повторе как конструктивном механизме текста. В данном случае закономерно вспоминаются рассуждения Ю.М. Лотмана о природе повтора в художественном тексте: «Строго говоря, повторение, полное и безусловное, в стихе вообще невозможно. Повторение слова в тексте, как правило, не означает механического повторения понятия. Чаще оно свидетельствует о более сложном, хотя и едином смысловом содержании» (Лотман, 1998, с. 131), а также об особой важности повторов грамматических, которые обеспечивают «ощутимую дополнительную организованность текста» и «выводят определенные грамматические элементы текста из состояния языковой автоматизации» (Там же, с. 159). Ту же теоретическую предпосылку развил И.П. Смирнов в рассуждениях об «удвоенной рекуррентности» поэтической речи, отводя особую роль в организации художественного текста принципу «повтора прекращенного повтора», делающего «выразительные средства... стихотворной речи в принципе изоморфными ее тематическому содержанию» (Смирнов, 2001, с. 237); согласно Смирнову, «литературный текст, к какому бы классу художественной речи он ни относился, развертывается тематически в виде *двойного параллелизма*» (Там же, с. 239), а «прекращение повтора есть не что иное, как операция, которая аннулирует, негирует, субституирует элемент(ы) смыслового соответствия» (Там же, с. 240). Представление о развертывании текста из паттерна в определенном смысле также методологически родственно проекту «порождающей поэтики» («поэтики выразительности») А.К. Жолковского и

¹ И.И. Ковтунова отмечает, что в поэтическом языке номинативные предложения «способны передавать неполную определенность субъекта. <...> В них присутствует в скрытом виде неназываемый субъект — наблюдатель и его точка зрения. Картина, представленная в именном предложении... предполагает восприятие. Таким путем именные предложения дают образ восприятия» (Ковтунова, 2005, с. 291).

Ю.К. Щеглова — теории о трансформационных механизмах «приемов выразительности»², которые переводят «невыразительную» тему в полноценный художественный текст» (Жолковский, Щеглов, 1996, с. 290).

Вместе с тем подчеркнем принципиальную неполноту равенства между терминами «паттерн», с одной стороны, и «повтор» / «рекуррентность» — с другой: любой паттерн в своей текстовой реализации подразумевает повтор, однако далеко не любой повтор может быть охарактеризован как реализация паттерна. Как представляется, важным условием для того, чтобы считать тот или иной текст имеющим паттерновую природу, является *несовпадение* базового паттерна с его текстовыми реализациями при их одновременном *подобии* на уровне прототипа, модели. Иными словами, отношения между паттерном и развертывающимся из него текстом изоморфны отношениям между некоторым языковым элементом и его речевой реализацией — подобно тому как лексема обретает свой смысл через словоформу, будучи помещенной в контекст речевого высказывания. Проиллюстрируем сказанное двумя примерами.

Пример 1. Паттерн как «языковая машина»

Замечательным примером регулярного использования «паттернового письма» как осмысленной стратегии текстопорождения может служить «Поэтический мир» (1976) А. Монастырского. Состоящая из пяти текстовых блоков («Все в движении», «Ничего не происходит», «Так же, как везде», «Все, вместе взятое», «По-другому»), эта книга общим объемом 300 с лишним страниц представляет собой, по определению Д. А. Пригова, «потоки неких лаконичных словесных формул, паттернов, сквозь которые последовательно и достаточно произвольно прогоняются разнообразные... единицы смысла для проверки их укладываемости в эти канонические формы. Сами же данные жесткие формы в своей последовательности перемалывают многочисленные смыслы в некую общую однообразную массу. ...Заведенная машина начинает действовать уже дальше самостоятельно, как бы захватывая и подчиняя себе весь, еще не учтенный, окружающий мир» (Монастырский, 2007, с. 9).

Вот два характерных фрагмента подобного письма:

(1)
было беззвучно
все было беззвучным
беззвучно было везде
беззвучнее не было никогда
всюду беззвучно
все стало беззвучным

² «...Элементарное правило соответствия, которое сопоставляет некоторому элементу X элемент X₁ (или элементы X₁, X₂, ..., X_n), передающий то же тематическое содержание, что и X₁, но с большей 'силой'» (Жолковский, Щеглов, 1996, с. 290).

было мягко
все было мягким
мягкость была везде
мягче не было никогда
всюду мягко
все стало мягким

было новое
все было новым
новое было везде
новее не было никогда
всюду новое
все стало новым

было свободно
все было свободно
свободно было везде
свободнее не было никогда
всюду свободно
все стало свободным

(Монастырский, 2007, с. 17)

(2)
в тебе нет ничего
ни от черного, ни от белого
в тебе нет ничего
возвышенного или униженного
в тебе нет ничего
придуманного мной

в тебе нет ничего
ни от малого, ни от большого
в тебе нет ничего
нужного или ненужного
в тебе нет ничего
касающегося меня

в тебе нет ничего
ни от бывшего, ни от будущего
в тебе нет ничего
предназначенного или избежавшего
в тебе нет ничего
карающего меня

в тебе нет ничего
ни от воды, ни от огня
в тебе нет ничего
нового или известного
в тебе нет ничего
сожалеющего обо мне

(Монастырский, 2007, с. 225)

Шестистишия, составляющие фрагмент (1), представляют собой своеобразный эксперимент по проверке русского синтаксиса на гибкость: однотипные синтаксические структуры, выстроенные в четкой и невариативной последовательности, становятся пустыми формальными инвариантами, заполнение которых потенциально возможно любыми лексическими единицами-переменными. Поэтическая медитация над неким неподвижным, субстанциональным состоянием мира эксплуатирует грамматическую семантику бессубъектности, которой отмечено каждое из безличных предложений, открывающих шестистишия, и которая последовательно захватывает все остальные синтаксические единицы. Признаковые атрибуты мира — беззвучность, мягкость, новизна, свобода и др. — как бы проверяются разными синтаксическими валентностями: как предикативы («было беззвучно», «было мягко», «было новое», «было свободно»), прилагательные («все было беззвучным», «все было мягким», «все было новым», «все было свободно») или компаративы («беззвучнее не было никогда», «мягче не было никогда», «новее не было никогда», «свободнее не было никогда») в именной части составного сказуемого, через аспектуальность («все было / стало беззвучным / мягким / новым / свободным»), через грамматическую мену предикатива существительным, переводящую предложения из односоставного в двусоставное («было мягко» / «мягкость была везде»; ср. в других текстовых позициях: «было ярко» / «яркость была везде», «было ослепительно» / «ослепительность была везде» и др.). Семангические операторы «все было / стало X», «X было везде», «более X не было никогда», «всюду X» осуществляют тотальный захват текстом описываемого (репрезентируемого?) мира, а высвобождающаяся грамматика иконически демонстрирует уникальную пластичность языка, его способность порождать смыслы из самой языковой формы. Подобным же образом в шестистишиях второго фрагмента умножающееся разными синтаксическими моделями отрицание буквально растворяет в себе приписываемые адресату признаки, свойства, состояния до инициальной негации «в тебе нет ничего».

Пример 2. Паттерн как деконструкция дискурса

Наряду с грамматическими моделями и образцами в качестве текстовых паттернов могут выступать элементы дискурсов или дискурсы как таковые. Рассмотрим, как работает подобная техника, на примере двух стихотворений Д. А. Пригова (цикл «Культурные песни», 1974):

Друзья мои, прекрасен, великолепен,
неподражаем (это что-то
неземное!) — наш союз,
Он как душа — не в религиозном,
а в этом, как его, смысле — нераз-
делим и вечен,

Неколебим, свободен (это что-то неземное!) и беспечен,
Срастался он — это тоже что-то неземное! — под сенью дружных муз.
И куда бы нас отчизна ни послала,
Мы с честью слово выполним ее,
Все те же мы — простые ребята, нам
целый мир чужбина,
Отечество нам — Царское Село, под
Ленинградом
(Пригов, 1996, с. 148)

Широка страна моя родная — от 20° долготы к востоку от Гринвича до 80° долготы к западу от Гринвича
Много в ней лесов — 25 млн га,
полей — 36,5 млн га,
и рек — 23653 шт.,
Я другой такой страны среди 82 стран Европы, 67 стран Африки, 92 стран Азии и 121 страны Южной и Северной Америк
я не знаю,
Где так вольно — сказывается свежий воздух и наличие большого числа курортов на побережьях Крыма, Кавказа и Прибалтики — дышит человек...
(Пригов, 1996, с. 150)

Как и в случае с Монастырским, интерес к паттернам имеет у Пригова отрефлексированный характер: в его творчестве есть несколько циклов, озаглавленных «Паттерны» и в целом построенных на обозначенных выше принципах. Однако особый интерес представляют приговские парафразы на стихи русских и советских классиков, в которых внутренняя динамика стиховой структуры создается за счет напряжения между узнаваемыми классическими дискурсами, используемыми в качестве паттернов, и чужеродными им дискурсивными стратегиями.

Несложно заметить, что в приведенных примерах (как и в других стихотворениях данного цикла) осуществляется своего рода деконструкция исходного паттерна: стиховая структура-прототип остраняется вторжением в нее прозаического дискурса из сферы бытовой (в первом примере) или официально-деловой (во втором примере) речи. Точкой дискурсивного слома в этом случае может выступать как отдельное слово, так и — реже — стиховая строка, которые становятся начальными элементами неких окказиональных квазипарадигм, получая синонимическую («прекрасен, великолепен, неподражаем (это что-то неземное!)», «Царское Село, под Ленинградом» и т.п.) или дескрип-

тивную (см. «Широка страна моя родная...») вариативность. Вряд ли подобная деконструкция объясняется исключительно пародийной установкой — скорее базовый паттерн оказывается некой «семантической площадкой», на которой, перебивая Пушкина или Лебедева-Кумача, подобно палимпсесту возникает авторское высказывание, создающее эффект «двухголосого дискурса». Тот же принцип вариативности, при котором элементы исходного паттерна заменяются новыми вариантами, не теряющими, однако, узнаваемой связи с прототипом, лежит в основе замены пушкинского «Куда бы нас ни бросила *судьбина*» на «И куда бы нас *отчизна* ни послала» с последующим продолжением «Мы с честью слово выполним ее», на фоне чего вполне естественной выглядит строка «Все те же мы — простые ребята, нам / целый мир чужбина», в которой почти стереофонически звучат «Все те же мы: нам целый мир чужбина» и «Все те же мы — простые ребята».

Вместе с тем сам выбор остраивающего дискурса, как и используемый в каждом из двух случаев принцип вовлечения исходного паттерна в ряд репрезентирующих его вариантов, вполне наглядно вскрывает авторское отношение к дискурсу деконструируемому. Так, накладывая свой дискурс поверх пушкинского, Пригов в целом придерживается пусть и отчасти ироничной, но все же вполне патетической тональности («это что-то неземное!»), тогда как дискурс, остраивающий патетику советской песни, напротив, есть торжество выхолощенного канцелярского стиля, в отдельных фрагментах стихотворения порождающего просто чудовищные по своему объему вербальные серии («Старикам — женщинам после 50, а мужчинам / после 55 лет — везде у нас почет / и бесплатные пенсии от 60 руб. / и выше, вплоть до персональных / пенсий для особо заслуживших / большевиков, и все это не считая / бесплатного лечения, образования, / низкой квартирной платы и платы / за коммунальные услуги, и т. п.» и др.).

Кому же в результате принадлежит подобный дискурс? Пожалуй, лучшим ответом на подобный вопрос может служить замечательное паттерновое стихотворение еще одного представителя «московского концептуализма» Всеволода Некрасова:

Я помню чудное мгновенье
Невы державное течение
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье

Список литературы

Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Инварианты — Тема — Приемы — Текст. М.: Изд. группа «Прогресс», 1996.

Ильин М.В. Образ, облик, эйдос, фигура, паттерн. Как слова помогают распознавать образы, ощущать их, понимать значения и смыслы? // Слово.ру: балтийский акцент. 2018. Т. 9, №2. С. 6–20.

Ковалев О.А., Негреева А.Д. Сюжет и ритм в лирике Бродского: к вопросу о соотношении семантики и ритмической структуры лирического текста // Филология и человек. 2013. №3. С. 60–66.

Ковтунова И.И. Синтаксис поэтического текста // Поэтическая грамматика. М.: Азбуковник, 2005. Т. 1. С. 239–297.

Леонов И.В. Эволюция термина «паттерн» в культурологическом знании: от понятия к научной категории // Актуальные вопросы современной науки: сб. науч. тр. Новосибирск, 2011. Вып. 20. С. 41–48.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство – СПб, 1998. С. 14–285.

Маслинский К.А. К вопросу о статусе моделей вариативности в корпусной лингвистике // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2010. Вып. 3. С. 158–165.

Монастырский А. Поэтический мир. М.: НЛЮ, 2007.

Пригов Д.А. Собрание стихов. Т. 1 : 1963–1974. №1–153. Wien, 1996. (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 42).

Смирнов И.П. На пути к теории литературы // Смирнов И.П. Смысл как таковой. СПб.: Академический проект, 2001. С. 225–328.

Сучкова Г.М. Паттерн коммуникации как тип эмоционального общения // Вестник ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2. С. 149–154.

Словари

CFOD – Collins Free Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com>

CD – Cambridge Dictionary. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com>

MDT – Macmillan Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.macmillandictionary.com>

Об авторах

Татьяна Валентиновна Цвигун, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Алексей Николаевич Черняков, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

Для цитирования:

Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Сказать почти то же самое»: текст как паттерн, паттерн как текст // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 97–108. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-8.

EXPERIENCES IN TRANSLATION:
THE TEXT AS A PATTERN, THE PATTERN AS A TEXT

T. V. Tsvigun¹, A. N. Chernyakov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on September 11, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-8

In this article, we discuss the methodological prospects of using the term 'pattern' in the analysis of a literary text. We identify the semantic and categorial field of the term, propose a definition of 'pattern' as projected on language material, and correlate the terms 'pattern', 'repetition', 'recurrence', and others. The linguistic ontology of the pattern as a text-generating mechanism is determined by the fact that the pattern problematizes the relationship between repetition and variation, singular and plural, a norm and a deviation. A text has a pattern nature if its basic pattern does not coincide with its textual realizations, provided the latter are very similar at the prototype or model level. Therefore, the relationship between the pattern and a resultant text is isomorphic to the relationship between language and speech. Our analysis of poetic texts by Andrey Monastyrsky and Dmitri Prigov demonstrates the possibilities of studying a text as the realization of a pattern from the perspective of various literary strategies adopted by authors.

Keywords: pattern, literary text, generative poetics, invariance, variability.

References

- Zholkovskii, A. K., Shcheglov, Yu. K., 1996. *Raboty po poetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst* [Works on the poetics of expressiveness: Invariants – Theme – Receptions – Text]. Moscow: Progress (in Russ.).
- Il'in, M. V., 2018. Image, appearance, eidos, figure, pattern. How do words help to recognize images, feel them, understand meanings and meanings? *Slovo.ru: the Baltic accent*, 9(2), pp. 6–20 (in Russ.).
- Kovalev, O. A., Negreeva, A. D., 2013. The plot and rhythm in the lyrics of Brodsky: to the question of the relationship between semantics and the rhythmic structure of the lyric text. *Filologiya i chelovek* [Philology and Man], 3, pp. 60–66 (in Russ.).
- Kovtunova, I. I., 2005. Syntax of poetic text. *Poeticheskaya grammatika* [Poetic grammar], 1, pp. 239–297 (in Russ.).
- Leonov, I. V., 2011. The evolution of the term “pattern” in culturological knowledge: from a concept to a scientific category. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki: sb. nauchnykh trudov* [Actual problems of modern science: collection of scientific works]. Vol. 20. Novosibirsk. pp. 41–48 (in Russ.).
- Lotman, Yu. M., 1998. The structure of the literary text. In: Yu. M. Lotman, ed. *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg: Iskusstvo – SPb. pp. 14–285 (in Russ.).
- Maslinskii, K. A., 2010. On the status of variability models in corpus linguistics. *Vestnik SPbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University], 3, pp. 158–165 (in Russ.).
- Monastyrskii, A., 2007. *Poeticheskii mir* [Poetic world]. Moscow: NLO (in Russ.).
- Prigov, D. A., 1963–1974. *Sobranie stikhov* [Collection of poems]. Vol. 1. Wien (in Russ.).

Smirnov, I.P., 2001. On the way to the theory of literature. In: I.P. Smirnov, ed. *Smysl kak takovoi* [The meaning as such]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt. pp. 225–328 (in Russ.).

Suchkova, G.M., 2010. Communication pattern as a type of emotional communication. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2, pp. 149–154 (in Russ.).

The authors

Dr Tatiana V. Tsvigun, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

Dr Alexey N. Chernyakov, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: achernyakov@kantiana.ru

To cite this article:

Tsvigun, T.V., Chernyakov, A.N. 2019, *Experiences in translation: the text as a pattern, the pattern as a text*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 97–108. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-8.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕКСТА И МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЯ В МАЛОМ ЖАНРЕ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ («Порошок»)

*М. А. Кронгауз*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 17.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9

В статье анализируются механизмы юмора в малых поэтических жанрах, появившихся в Интернете в 2000-х годах и получивших названия «пирожок» и «порошок». Это четверостишия, написанные четырехстопным ямбом. В пирожках рифм нет, а в порошках последняя строка, усеченная до 2 слогов, рифмуется со второй. Порошок как жанр возник на основе пирожка и, соответственно, позже него. Как в анекдотах и некоторых других жанрах, важную роль в пирожках и порошках играет неожиданная для читателя концовка – пуант (фр. la pointe – острие). Усечение последней строки в порошке приводит к выделению ее в особую позицию. Усеченная строка самостоятельно или вместе с третьей строкой и составляет пуант. Для порошка это пуант почти обязателен и может быть конкретизирован, поскольку он не просто нарушает читательские ожидания, но вступает в конфликт с началом стихотворения и заставляет вернуться к предыдущему тексту и переосмыслить его, а именно поменять оценку ситуации или осуществить «превращение», то есть произвести подмену персонажа или целой ситуации. Выделяются регулярные превращения, среди которых наиболее устойчивы следующие: вещь → человек, человек → вещь, человек → животное и т. д. Особое место по частотности занимает взаимное превращение мужчин и котов. Мотив превращения связывает объекты по образу метафоры.

Ключевые слова: интернет-поэзия, новые жанры, катрен, «пирожок», «порошок», пуант, ретроспективный пуант.

Малые сетевые поэтические жанры: определение и история появления

В этой статье речь пойдет о сравнительно молодом жанре интернет-поэзии, которому нет еще двадцати лет. Несмотря на его сетевую популярность, в частности включение информации о нем в интернет-энциклопедии, вне Интернета жанр «порошка» известен далеко не всем. Иначе говоря, разговор о порошках требует определенного исторического и культурного комментария.

Информация о сетевых явлениях значительно лучше представлена на сайтах, чем в книгах. Именно так обстоит дело и для самых популярных малых поэтических жанров, возникших в Интернете, — для пирожков и порошков. Разорвать эти два жанра невозможно, они связаны и культурно, и исторически. Наиболее достоверная информация об интернет-поэзии представлена на сайтах двух типов: во-первых, в

сетевых энциклопедиях в широком смысле этого слова («Википедии» и «Луркоморье», а также в «антологии сетевого фольклора» «Нетлор»); во-вторых, на профильных сайтах, о которых следует сказать особо. Профильными можно назвать сайты и сообщества создателей пирожков и порошков — своего рода творческие лаборатории. Для пирожков это сайт «Перашковая» (<https://perashki.ru>) и сообщество «Пирожковая» в «Живом журнале» (pirozhi-ru.livejournal.com), а также связанные с сайтом сообщества в социальных сетях (например, vk.com/perashki.ru). Для создателей порошков также существует специальный сайт «Порошки» (poroshokuhodi.ru) и сообщества в блогосфере и социальных сетях (например, связанное с сайтом «Порошки» сообщество в «Твиттере», <https://twitter.com/poroshokuhodi>). На сайтах «Перашковая» и «Порошки» есть, в частности, исторические разделы (perashki.ru/info/History). Однако для исследования более удобен сайт «Поэторий» (<https://poetory.ru>), ориентированный не на создание, а на чтение стихов. Подробнее о нем будет рассказано ниже.

Возвращаясь к энциклопедиям, можно сказать, что в «Википедии» есть статьи «Пирожок (поэзия)» и «Порошок (поэзия)», в «Луркоморье» — статья «Пирожки», а на сайте «Нетлор» — статьи «Пирожковая поэзия» и «Стишки-порошки». История появления этих двух жанров представлена во всех названных источниках непротиворечиво, хотя и с разной степенью подробности.

Пирожки зародились в среде авторов хокку на русском языке¹. В 2003 году Владислав Кунгуров (ник *al cogol*) опубликовал на сайте stih.ru несколько четверостиший под общим названием «пирожки», поскольку в основном они касались темы еды. В этом же году Вадим Саханенко (ник *Сохас*) пригласил его на свой форум, где они опубликовали первые пирожки, став создателями и законодателями жанра. В 2005 году появилось упомянутое выше сообщество в ЖЖ. Еще одним рубежом можно считать выход в 2009 году первой книги пирожков, включившей творчество пяти авторов (Саханенко, 2009).

Порошок был создан в среде авторов пирожков в результате попытки экспериментальной модификации стихотворного формата. Кроме пирожков создатель нового жанра Алексей Соловьев (ник *соловей*) опирался на творчество группы авторов *Mindless Art Group*, которые придумали в конце XX века так называемые экспромты². На сайте «Порошки», в частности, представлено их стихотворение, которое полностью соответствует стихотворным требованиям к порошкам:

В плену аборигенов стонет
Отважный Леонард Кокто:
Ему засовывают в ноздри
Пальто.

¹ Основным сайтом был hokku.ru, а также его ответвление stih.ru

² Сайт «Творчество сумасшедших» (<http://mindless-art.1gb.ru>), собственно, их поэтические экспромты: http://mindless-art.1gb.ru/Ex_best.html. Экспромты в данном случае — это короткие стихотворения (от двух до восьми строк), многие из которых сходны с пирожками, а некоторые — с порошками.

Название «порошки» сохраняет фонетическую близость с «пирожками» и отсылает к «винтажной фармакологии», как написано в «исторической справке» на сайте «Порошки» (<http://poroshokuhodi.ru/history.html>).

Из сказанного видно, что малые поэтические жанры генетически связаны между собой и отчасти перетекают друг в друга (хокку, пирожки, порошки, экспромты). Некоторые профильные сайты представляют сразу несколько жанров. Так, на сайте «Поэторий» есть не только пирожки и порошки, но и экспромты, «артишоки», «депрессяшки» и «две девятки». Эти малые жанры имеют своих почитателей, но значительно менее популярны, чем первые два. На сайте выложено около 90 тысяч стихотворений, чуть больше половины которых составляют пирожки, а немногим больше четверти — порошки (по данным на 1 июля 2019 года).

Создатели «Поэтория» определяют его как «архив наилучших представителей современной сетевой поэзии» и «самый большой сборник малых сетевых поэтических жанров в интернете» (<https://poetry.ru/about>). Этот архив основан на разных источниках, в том числе упомянутых выше, и снабжен поиском и ранжированием стихотворений по авторам, датам, популярности. На сайте «Поэторий» публикуются не только пирожки и порошки, но и другие малые поэтические жанры. Все стихотворные цитаты, приводимые в статье, взяты с этого сайта³.

Здесь надо сделать принципиальную оговорку о значении популярности, эквивалентом которой становится количество лайков. Одобрение, выраженное в лайках, подтверждает наличие в порошке юмора и неожиданного поворота. Собственно, исследовать имеет смысл именно популярные порошки, потому что многие неудачные и, как следствие, непопулярные порошки вообще не реализуют никакого механизма и не содержат юмора в принципе. Этот критерий не абсолютный, но важный. В целом можно сказать, что многие закономерности хорошо выполняются для популярных стихотворений и значительно хуже — для непопулярных.

Пирожки и порошки как жанры определяются стихотворным форматом, а также правилами их представления читателю.

Начать следует со стихотворной характеристики. Пирожки — это катрены, то есть самостоятельные завершённые четверостишия, которые написаны четырехстопным ямбом с чередованием женских и мужских клаузул. Это означает, что количество слогов в строках таково: 9-8-9-8. Рифм в пирожках нет.

Вот примеры пирожков:

сперва жена моя сбежала
потом собака и коты
сейчас смотрю как трудно рыбкам
аквариум толкать к дверям

© Severus

³ Все цитаты из Интернета с этого и других сайтов проверены 1 июля 2019 года.

олег не хочет жить в ижевске
ему милее сэн тропэ
и он на всю зарплату едет
туда на двадцать пять секунд
© better days

вдруг в эту самую минуту
бог смотрит пристально на нас
и думает сначала тапком
или сначала дихлофос
© marina

Порошки, как уже сказано, основаны на пирожках и имеют два формальных отличия. Во-первых, четвертая строка усечена в них до 2 слогов: 9-8-9-2. Во-вторых, в порошках четвертая усеченная строка рифмуется со второй. Вот примеры порошков:

пусть карл и клара постарели
но пронеся сквозь годы страсть
всё смотрят что бы друг у друга
украсть
© колик

матроскин кто был твой хозяин
с которым ты объездил мир
я называл его обычно
мессир
© Лось Иноостровский

будите всех я обоссался
и жрать хочу аж не могу
орал олег а получалось
агу
© NoMore muzz бес

Для обоих жанров есть также четкие правила их представления:

- 1) имя автора заменено ником, сетевым псевдонимом, который пишется после стихотворения на пятой строке;
- 2) используются только строчные буквы;
- 3) отсутствуют знаки препинания (включая дефис).

На профильных сайтах называются и другие правила, однако их формулировки значительно менее строгие и носят скорее рекомендательный характер. Вот, например, другие правила с сайта «Перашковая»:

Четверостишие без рифмы, цифр, знаков препинания и дефисов, написанное четырехстопным ямбом и строчными русскими буквами, называется пирожком, если помимо формата в нем присутствует неуловимый пирожковый дух.

Мат в пирожках не приветствуется.

Скрытые слоги следует прописывать явно (аббревиатуры и в некоторых случаях пётыр и театыр).

Пирожок должен волновать читателя и не быть банальным (<http://perashki.ru/info/Rules>).

Очевидно, что это не характеристики жанра, а скорее напутствие начинающим авторам. Тем не менее все-таки существует и содержательная черта, характеризующая эти жанры. Их можно назвать комическими, иначе говоря, им присущи юмор, ирония и некоторая неадекватность.

Исследование пирожков и порошков

Несмотря на свою недолгую историю, пирожки и порошки уже стали объектом лингвистических исследований. В 2012 году на пирожки обратил внимание петербургский лингвист М. Я. Дымарский, назвавший их «очередным опытом институционализации фатического речевого жанра, который можно определять как упражнения в остроумии, а можно и как стеб, — в статусе то ли фольклорного, то ли литературного жанра “малой” поэзии» (Дымарский, 2012, с. 387). В качестве предшественников пирожков он вспомнил «страшилки», по-видимому, имея в виду «саdistские стишки», «гарики» Игоря Губермана и одностишия Владимира Вишневого. М. Я. Дымарский отметил строгую регламентированность только что появившихся пирожков, что, как он считает, противоречит обычно длительному становлению литературных и фольклорных жанров, формирование которых происходит в процессе творчества. В этом же случае жанр возникает вовсе не в процессе творчества, а предшествует ему и стимулирует его массовость. Для М. Я. Дымарского это означает, что между жанром и творчеством нет внутренней связи и, следовательно, нет ни жанра, ни творчества, а есть лишь форма, которая фиксирует ряд внешних ограничений, и «креативная деятельность», результатом которой оказывается симулякр.

С. Н. Петренко в 2017 году в Волгограде защитил диссертацию, в которой впервые объектом исследования стали среди прочих жанров пирожки и порошки (Петренко, 2017), но еще ранее посвятил им ряд статей (Петренко, 2014а, 2014б). Среди выносимых на защиту положений было и такое: «Сетевая словесность включает в свою метасистему такие поэтические жанры, как стишки-пирожки и стишки-порошки, для которых визуальный аспект текста не менее значим, чем вербальный. Они имеют двойную фольклорно-литературную природу и испытывают осязаемое влияние литературы абсурда (Петренко, 2017, с. 6–7). С. Н. Петренко относит пирожки и порошки к постфольклору. Это понятие, введенное С. Ю. Неклюдовым (Неклюдов, 1995), включает и городской фольклор, и, по мнению Петренко, новый вид народного творчества — интернет-фольклор (netlore). Последний теряет некоторые черты традиционного фольклора, так как основывается на письменной традиции, которую нельзя без потерь перевести в устную. Однако как раз общение в сети сближает письменную и устную формы языка. В частности, графическая монотонность текста (отказ от прописных букв и знаков препинания в пирожках и порошках) сглаживает патетику и усиливает комический эффект. С. Н. Петренко сравнивает сетевые жанры, с одной стороны, с частушками-нескладухами, а с другой стороны — с творчеством Д. Хармса, А. Введенского, Н. Олейнико-

ва, стоявших у истоков русской абсурдистской традиции, на основании характерной для них установки на абсурд и присутствия поэтики нон-сенса. Он отмечает, что авторство носит условный характер, поскольку автор неразличим за сетевым псевдонимом, что свидетельствует о появлении связей нового типа – фольклорно-литературного гипертекста (Петренко, 2017, с. 19–21).

Ю. В. Шурина рассмотрела пирожки и порошки в контексте других комических речевых жанров, бытующих в Интернете, и отнесла их к разряду «аналогов», то есть жанров, возникших и сформировавшихся в Интернете, но имеющих аналоги в других сферах: лимерики, «гарики» и подобные. Она отметила, что в пирожках и порошках «источник комического эффекта – неожиданный смысловой поворот, возникающий в последних строках» (Шурина, 2014, с. 40).

К. А. Шукина в целом следует за С. Н. Петренко, подчеркивая промежуточный характер сетевых поэтических жанров – полулитературный и полужанровый; впрочем, исследователь относит их к городскому фольклору (Шукина, 2015, с. 49–50). Она отмечает их вторичный или даже третичный характер, что дает, с одной стороны, возможность приращения смысла за счет прецедентных текстов, а с другой – возможность отталкивания, развития и переосмысления этих текстов. К. А. Шукина также говорит о прецедентных именах, которые редко встречаются изолированно и, как правило, соединяются с прецедентными ситуациями или высказываниями (Там же, с. 52). Наконец, она отмечает, что «зачастую в рамках одного стихотворения используются разнопорядковые или порой несовместимые понятия. Отсылка к другому тексту в значительной степени расширяет смысловое и коннотативное поле пирожков и порошков» (Там же, с. 54).

И. А. Чемезова обращается к понятию лингвистической креативности и, опираясь на понятие прецедентной единицы, ставит задачу выделить стратегии языковой игры, используемые в порошках. В качестве таких стратегий она называет снижение, опрокидывание смыслов исходной прецедентной единицы за счет введения новых словных компонентов, нанизывание прецедентных единиц в одном стихотворении по принципу цепочки, контаминацию прецедентных ситуаций как принцип оценки социально значимого факта и др. (Чемезова, 2019, с. 156–158).

Задача исследования: мотив превращения и пуант

Анализ научных работ в области малых поэтических интернет-жанров показывает, что исследователи сходятся в определении их места в системе словесности в целом, помещая их на границе литературы и фольклора. Более или менее согласны они и в вопросе о контексте возникновения этих жанров: хайку, сэнрю, танка, лимерики, частушки, «сади́стские стишки», поэзия обэриутов, стихи Олега Григорьева, «гарики» Игоря Губермана, одностишия Владимира Вишневского и т. д. Комические механизмы (или механизмы юмора), напротив, описываются по-разному, и создается впечатление, что задача строгого описа-

ния вовсе не ставится. Отмечается абсурдность пирожков и порошков, как в бытовом, так и в литературном смысле (нонсенс), неожиданность, столкновение несовместимого и подобное. Интересно, что в профильных сообществах эти же идеи передаются в рамках напутствий начинающему автору такими словами: *небанальный, динамика, взрывать мозг, нарушать привычную логику, разрыв шаблона*⁴.

Очевидно, что общие слова необходимы, поскольку мы не в силах описать единый механизм порождения юмора, учитывая разнообразие авторов и их творческих установок. Однако в случае порошков можно выявить наиболее частотный механизм юмора, во многом связанный с их формальными особенностями. Во-первых, это усечение четвертой строки до двух слогов, что создает фокус внимания на помещенном в эту позицию слове или словах. Во-вторых, это рифма, которая также привлекает внимание к двусложному или односложному слову. Иногда внимание к этой позиции поддерживается еще и стилистическим контрастом, так как в ней встречаются бранная (включая эвфемизмы) и сниженная лексика, а также жаргонизмы, просторечные слова и т.п. Наконец, дополнительным средством выделения может служить и орфография, подчеркивающая фонетические особенности. Вот несколько иллюстраций такого «лексического» контраста:

вот вам и секс и размноженье
сказал задумчиво червяк
когда его в саду лопатой
фуяк

© bazzlan

как хорошо сегодня в морге
прохладен чист его уют
все портят только практиканты
блюют

© Azov

как много надо человеку
зарплату секс поест борща
и думаете он доволен
да ща

© Valeriya

Подобное обязательное формальное и факультативное стилистическое выделение слова (или слов) в последней строке создает предпосылки для его семантического и прагматического обособления. Стихотворение четко разбивается на две части: первые три строки противопоставлены последней. Впрочем, иногда третья строка семантически подтягивается к четвертой, составляя с ней единое высказывание, а иногда играет переходную роль и может присоединяться и к началу, и к завершению порошка.

⁴ Например, в сообществе в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/topic-28122932_31193554).

Такая концовка не просто противопоставлена началу, но вступает с ним в определенный конфликт, требуя его переосмысления и переоценки. Для описания концовки порошка подходит термин пуант⁵ (от французского la pointe – острие), давно используемый в описании таких малых жанров, как эпиграмма и анекдот. Так, в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского пуант определяется следующим образом:

Пуант (фр. pointe – острие, острота) – стилистический прием, выражающий: 1) остроумное заключение эпиграммы, басни или анекдота; 2) неожиданное разрешение сюжета (мастер такого сюжетного П. – американский новеллист О. Генри); 3) в более расширенном толковании П. является всякая резкая концовка в строфе или стихотворении, содержащая остроумное выражение, афористическую мысль или неожиданный вывод (Квятковский, 1966, с. 228).

Это описание едва ли можно считать точным. Третье значение можно рассматривать как расширение первых двух, но если сосредоточиться на них, то станет очевидно, что остроумие и неожиданность не противопоставлены друг другу, а сочетаются, по крайней мере в таких малых жанрах, как эпиграмма и анекдот. Кроме того, остроумие пуанта, как правило, оказывается именно следствием неожиданности. Более точный анализ пуанта в анекдотах (Курганов, 2014; Лендваи, 2001) и в порошках показывает, что пуант может приводить к противопоставлению двух частей текста и переосмыслению первой под влиянием второй. Для порошков предложено выделять особую разновидность пуанта – ретроспективный пуант (Кронгауз, 2019).

я не из типов что как слизи
прилипли к жёнам и домам
я вольный волк бунтарь по жизни
да мам?

© Арчи Бальчи

Так, реплика «да мам» заставляет переосмыслить образ главного персонажа, который создается в первых трех строках. Это образ настоящего мужчины, не подкаблучника, зависимого от жены, а бунтаря и «вольного волка» – по крайней мере, по его собственному заявлению. Однако последняя реплика означает, что читатель имел дело с ненадежным рассказчиком: бунтарь оказывается маменькиным сыночком. Здесь происходит переоценка героя и отношения к его словам, читатель перестает доверять его прямым высказываниям и строит оценку на последних словах.

В другом порошке переосмысление связано с каламбурным механизмом:

какое море дорогая
мы в отпуск едем по грибы
и наслаждаемся закатом
губы

© Вороныч

⁵ Реже встречается вариант «пуанта».

В первых трех строках создается образ приятного отпуска на природе, альтернативного отпуска на море, однако пуант разрушает его. Слово *губа* создает несуществующее выражение *закат губы*, которое отсылает нас к устойчивому выражению *раскатать губу*, то есть 'предвкушать то, что не положено или не по средствам'. Иначе говоря, отпуск в лесу с грибами выбран не потому, что он хорош и можно наслаждаться закатом, а потому, что у пары нет денег.

Переосмысление текста, вызванное ретроспективным пуантом, может проходить по разным сценариям, и один из них связан с мотивом превращения. В частности, в порошке о «вольном волке» происходит внутреннее превращение: персонаж, чья речь представлена в порошке, оказывается не тем, кем он объявляет себя в первых строках. Этот прием, когда последняя реплика заставляет переосмыслить образ героя, встречается в порошках не раз:

задач важнейших я когда то
перед собой поставил ряд
вчера проверил всё нормально
стоят

© Н_Н

я свой характер закаляю
преодолением преград
упорно циркулем рисуя
квадрат

© Тихомиров

В первом порошке человек серьезный и даже «масштабный» (по первым двум строкам) оказывается обычным бездельником (по четвертой строке). Интересна роль третьей строки: вместе с четвертой она составляет одно предложение, но сама по себе еще не вступает в конфликт с началом текста. Так же устроен и второй порошок. Человек, закаляющий свой характер, в пуанте оказывается глупцом. В данных примерах можно говорить о внутреннем превращении — изменении образа человека, его оценки. Очевидно, что пуант, как правило, работает на снижение образа, изменение оценки с положительной на отрицательную, что и создает комический эффект.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы описать механизм превращения в порошках, выявив регулярные направления превращения, если таковые имеются.

Превращение: кто в кого

Среди приведенных в начале статьи порошков есть один, где превращение еще более наглядно. Речь идет о порошке с пуантом *агу*. Здесь также представлена прямая речь персонажа, но с авторским комментарием («орал олег а получалось»). В первых двух строках мы видим грубого и наглого мужчину, но пуант превращает его в младенца, не владеющего речью. Это уже не внутреннее превращение, а вполне осязаемое внешнее. Подобного рода механизмы чаще осуществляются не с

помощью прямой речи персонажа, с которым происходит превращение, а с помощью рассказа о третьем лице. В этом случае пуантом является не реплика персонажа, заставляющая увидеть его иначе, а прямое или косвенное его обозначение.

Одна из популярнейших тем порошков, как, впрочем, и литературы вообще, — отношения женщин и мужчин. В порошках эта тема часто реализуется в коротких монологах женщины о мужчине и наоборот, а также в их монологах о парах. Прежде чем перейти к мотиву превращения, следует сделать одно замечание. Для лучших порошков характерен необычный взгляд на эту проблематику, то есть переоценка традиционных характеристик. Вот примеры такого взгляда с обеих сторон.

ты не ревнуешь не дерешься
тиха задумчива нежна
ну и кому такая дура
нужна

© Цай

Этот взгляд мужчины на женщину интересен тем, что традиционно положительные качества оцениваются мужчиной резко негативно.

я депрессивная зануда
ты жизнерадостный кретин
женись на мне ты слишком счастлив
один

© Loli Ta

Такой взгляд женщины на себя и мужчину также интересен неожиданным выводом. Двум условным социопатам предлагается объединиться в браке, чтобы снизить уровень счастья одного из них, что, конечно же, противоречит традиционному представлению о целях женитьбы.

Переходя к основной теме исследования, можно вспомнить порошок, где мотив превращения лишь намечен:

иду по загсу в белом платье
в твоей руке моя рука
ты не м...к а я не стерва
пока

© Укын

Первые две строки создают идиллическую картину свадьбы, третья хотя и не разрушает ее, но резко меняет стилистику, а четвертая обозначает возможность превращения, по существу объявляя о нем. Здесь снова надо подчеркнуть некоторую неопределенность термина, а именно границ пуанта. С семантической точки зрения пуантом следует считать две последние строки, составляющие единое предложение. Но структура порошка выделяет как пуант именно последнюю строку. Действительно, если закончить стихотворение третьей строкой, то есть

поставить в ее конце точку, разрыва текста не произойдет. В принципе, третью строку можно и продолжить каким-то нейтральным образом («и никогда ими не будем»), так что конфликт фрагментов текста и механизм переоценки заложены именно в заключительной усеченной строке. Здесь, конечно, речь идет о внутреннем перерождении, и снова комизм основывается на снижении.

Вот еще пример внутреннего превращения, интерпретируемого с помощью метафоры внешнего:

назад листаю нашу сказку
сюжета потеряла нить
когда успел ты из копытца
попить

© Evgeniya Varvarina

Снова счастливое начало отношений и — через отсылку к русской народной сказке о сестрице Алёнушке и братце Иванушке — печальное превращение мужчины. Превращение Иванушки, навыпившегося воды из следа от копытца, в козленка, подсказывает нам слово *козел* — грубое ругательство, подразумевающее крайне низкую оценку субъекта, этим словом называемого. В воображаемом сказочном мире речь идет о физическом превращении, а в реальном — о внутреннем, моральном. Юмор построен на конфликте «сказочного» и романтического начала порошка и грубого, хотя и произнесенного пуанта.

Эта тема развивается в другом порошке, где буквальное прочтение слова *зоофилка* в первой строке разрушается пуантом: животное козел превращается в козла метафорического, то есть в мужчину.

ты зоофилка лена право
а мне бы не хватило зла
вот так терпеть кормить и нянчить
козла

© Мимоза

А вот еще два взгляда на противоположный пол, где в восприятии читателя происходит именно физическое превращение.

я обзавелся кофеваркой
посудомойкой и плитой
смотри стоит слегка прикрыта
фатой

© Укин & Аммон

В первых двух строках описывается бытовая техника, приобретенная героем, в третьей интрига сохраняется, а в четвертой бытовая техника превращается в невесту. Комизм основывается на цинизме героя, первоначально неизвестном читателю, но внезапно открывающемся в пуанте. В конфликте пуанта и начала стихотворения побеждает пуант, заставляющий переосмыслить первые строки. В другом порошке представлен взгляд женщины на мужчину, более благосклонный, хотя и прагматичный.

согреет дам в холодный вечер
получше пледа и мурлык
слегка накинутый на плечи
мужик

© ОтВажная muzz вэпэ

Здесь первые три строки создают образ шали, пухового платка или чего-либо подобного, но в четвертой строке вещь названа прямым текстом, иначе говоря, она превращается в мужчину. Но не только вещи могут превращаться в людей, возможен и обратный процесс. Превращение женщины, описанной в первых строках, в кровать составляет содержание следующего порошка:

хочу в тебя всем телом вжаться
и нежно нежно прошептать
я так люблю тебя родная
кровать

© Enotas

Наконец, важный вид превращений связан с неправильно установленными функциями или ролями партнеров. Вот два примера.

любимая не нужно криков
поверь ты зря раздражена
мне эта женщина всего лишь
жена

© Цай

Из первых трех строчек очевидно, что собеседницей мужчины, перед которой он оправдывается, является его жена. Однако в пуанте появляется жена, оказывающаяся той женщиной, из-за которой мужчина оправдывается.

мне родила царица сына
а я ей тихо говорю
давай наверное не скажем
царю

© Тумми

Первая строчка отсылает нас к строкам Пушкина «Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь» и сложным отношениям царя Салтана с женой и сыном, под влиянием чего герой порошка однозначно воспринимается как царь. Однако в пуанте появляется царь, а герой оказывается робким любовником царицы.

Среди превращений мужчин, пожалуй, одно выделяется своей неожиданностью и постоянством — это взаимное превращение мужчин и котов.

Превращение: мужчины и коты

Как это ни странно, особого внимания заслуживает сопоставление (а в восприятии читателя — превращение) мужчин и котов. Коты легко превращаются в мужчин, и наоборот.

идет налево песнь заводит
о красоте любви весне
ну а потом идет направо
к жене

© bro

В этом порошке в первых трех строках описан образ пушкинского «кота ученого» с набором довольно банальных песенных тем («о красоте любви весне»). Однако пуант все расставляет по местам: у кота есть жена, следовательно, это не кот, а мужчина, а песнь о красоте, любви и весне предстает попыткой добиться благосклонности другой женщины. И даже *налево* в этом контексте приобретает другой смысл (*ходить налево* — ‘изменять жене’).

Обратную картину представляет следующий порошок:

оксана ценит в тимофее
что он не курит и не пьет
что на футболе не помешан
что кот

© ай эм

В первых трех строках описывается идеальный — с точки зрения жены или подруги — муж / мужчина. После прочтения четвертой становится ясно, что это кот. Обман очевиден: нет смысла рассказывать о коте, что он не курит и не пьет. Но именно это и создает эффект неожиданности, обеспечивающий комизм порошка.

Структурно похожая, хотя и несколько более изысканная конструкция представлена в другом порошке:

пусть грудь русалочки обвисла
и талия уже не та
но то что ниже возбуждает
кота

© ОК

В первых трех строках дается описание русалки, — как кажется, с точки зрения циничного мужчины, оценивающего ее сексуальную привлекательность. Пуант же снова провоцирует конфликт фрагментов текста и заставляет переосмыслить предшествующий ему текст. То, что находится ниже талии и возбуждает (но не человека, а кота), оказывается рыбьим хвостом.

Еще в одном порошке, который я хотел бы привести, превращения как такового нет, просто женщина путает, а точнее — сознательно меняет местами мужчину и котов, причем эта перестановка в пользу котов:

прошу вас встаньте анатолій
я постелила вам не там
вам на полу а на кровати
котам

© Таня Григорьева

В похожем иерархическом соотношении находятся кот и мужчина в глазах еще одной героини:

ей сон приснился вышла замуж
проснулась в ледяном поту
сказав кошмар опять прильнула
к коту

© Бекас

Эта же мысль развивается и в другом порошке:

от храпа зычного проснувшись
лежу и думаю о том
чего мне не жилось спокойно
с котом

© cindy & Evgeniya Varvarina

Интересно отметить отсутствие некоторых ожидаемых тенденций в мотиве превращения. Во-первых, во взаимных превращениях мужчин и котов вопреки стереотипу кот не рассматривается как носитель сексуальной энергии (ср. *мартовский кот*, *кот* как 'сутенер' и т.п.). Во-вторых, практически отсутствует зеркальный мотив превращения или хотя бы сравнения женщин и кошек. Вот только три довольно непопулярных порошка, где эта тема звучит, однако не в пуанте:

оксана стала бабой-кошкой
не как в кино наоборот
пожрать поспать и за пометом
помет

© журкова

трусь о мужчин в метро как кошка
гормоны март весенний гон
но переполнен голубыми
вагон

© Трехдюймовочка

споткнулся ночью я о кошку
и превратилась вдруг она
в козу в корову в пень в блудницу
в слона

© iXtiandr

Возможно, этот мотив затруднен по формальным причинам. Слово *кошка* не укладывается в усеченную строку из-за ударения на первом слоге. Такое предположение отчасти подтверждается единственным «артишоком»⁶ на сайте «Поэторий» с этим мотивом:

⁶ Малый поэтический жанр, также появившийся в Интернете, но значительно менее популярный, чем пирожок и порошок. Его формальное устройство таково: первые 3 строки написаны амфибрахием, 4-я строка — хореем, количество слогов в строках — 11-9-11-2, рифма перекрестная (abab).

ты утром вбежала в открытую дверь
свернулась клубком у окошка
и кто же из нас объясни мне теперь
кошка

© Chrinstinct

Однако в любом случае отношения кошек и женщин в малых поэтических жанрах в Сети значительно менее интересны и разнообразны, чем отношения котов и мужчин.

Заключение

Один из главных механизмов юмора в популярном поэтическом сетевом жанре «порошок» связан с особым ретроспективным пуантом, формально выделяемым с помощью усеченной строки и рифмы. Такой пуант вызывает конфликт, оказываясь несовместимым с предыдущим текстом, и вынуждает читателя переосмыслить этот текст.

Одним из конкретных способов переосмысления оказывается новый взгляд на участников ситуации, описываемой в порошке. Набор участников стандартен: это рассказчик, его собеседник, герой рассказа и другие персонажи, а в отдельных случаях неживая природа и предметы, упоминаемые в рассказе. После прочтения пуанта читатель видит, что один из участников был не тем, чем казался ему раньше. Этот механизм назван в настоящей статье «превращением». В действительности превращение происходит только в восприятии читателя в процессе чтения пуанта, то есть пуант (точнее, его чтение) становится границей, после которой предшествующий текст воспринимается иначе. Таким образом, конфликт разрешается в пользу пуанта, а первоначальный образ участника описываемой ситуации оценивается как ложный. Сами превращения можно классифицировать в зависимости от того, какова коммуникативная роль «превращенца», каковы материальные воплощения источника и результата превращения (вещь → человек, человек → вещь, человек → животное и т. д.), а также от степени и типа изменений (внутреннее психологическое изменение, оценка человека, изменение роли или функции и материальное превращение).

Интересно исследовать повторяющиеся виды превращений, поскольку повтор свидетельствует о важности и выделенности отношений. Сближение и сопоставление мужчин и котов, увиденных прежде всего глазами женщин, повторяется в целом ряде порошков и может считаться актуальным для этого сетевого поэтического жанра. Остается, впрочем, не вполне ясным, надо ли исходя из этого делать более масштабные выводы, касающиеся современной культуры. Тем не менее мотив превращения связывает объекты по образцу метафоры, то есть может рассматриваться как способ познания и объяснения мира, а также как способ создания новой реальности (Lakoff, Johnson, 1980), пусть и не слишком масштабной.

Исследование осуществлено в рамках международного проекта «Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika». Исследование выполнено в НИУ ВШЭ при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00712.

Список литературы

Дымарский М.Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8 : Памяти К.Ф. Седова. Саратов ; М., 2012. С. 385–390.

Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М., 1966.

Кронгауз М.А. Новые поэтические жанры в интернете: механизмы юмора (в печати, 2019).

Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М., 2014.

Лендваи Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.

Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. №1. С. 2–4.

Петренко С.Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия ВГПУ. 2014а. №2. С. 129–134.

Петренко С.Н. О специфике порождения новых жанров интернет-фольклора: стишки-порошки // Известия ВГПУ. 2014б. №2. С. 193–197.

Петренко С.Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX — начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017.

Саханенко В. (ред.-сост.). Непозэзия: избранные пирожки. Минск : Логвинов И.П., 2009.

Чемезова И.А. Неустрашимая тяга к креативности, или прецедентная языковая игра в интернет-сообществах (на примере сообщества «Порошки») // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. Вып. 2 (28). С. 151–161.

Щукина К.А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках — новых жанрах современной интернет-поэзии // Мир русского слова. 2015. №4. С. 49–54.

Шурина Ю.В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства интернета // Известия ВГПУ. 2014. №2 (87). С. 39–43.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 1980.

Об авторе

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Для цитирования:

Кронгауз М.А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок») // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 109–126. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9.

TEXT REINTERPRETATION AND THE MOTIF OF TRANSFORMATION
IN A SHORT FORM OF INTERNET POETRY (POROSHOK)

M. A. Krongauz¹

¹ Higher School of Economics National Research University
20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
Submitted on August 17, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9

In this article, I analyse the vehicles of humour in two short forms of Internet poetry that developed in the 2000s: the pirozhok (literary, a 'stuffed bun') and the poroshok ('powder'). Poems of these genres are quatrains written in iambic tetrameter. Pirozhoks have no rhyme scheme, whereas, in poroshoks, the fourth line truncated to two syllables rhymes with the second line. The poroshok as a genre is a descendant of the pirozhok. Just as in jokes and several other genres, a punchline plays an important role in pirozhoks and poroshoks. In Russian, the punchline is termed *puant*, which is a borrowing from French (*la pointe*). The truncation of the final line in a poroshok puts it in a special position. The truncated line, independently or together with the third line, comprises the punchline of a poroshok. The punchline is practically mandatory and may be presented in greater detail inasmuch as it does not simply violate the reader's expectations but enters into conflict with the beginning of the verse and forces the reader to reinterpret it. Reinterpretation means that readers change their perception of the situation or carry out a 'transformation', that is, substitute the character or the entire situation. I identify common transformations, namely: thing → person, person → thing, person → animal, etc. Most frequent is the reciprocal transformation of men and cats. The transformation motif binds objects in the manner of a metaphor.

Keywords: internet poetry, new genres, quatrain, pirozhok, poroshok, punchline, retrospective punchline.

References

- Dymarskii, M. Ya., 2012. Between genre and creativity, or Toward the formation of a pie-like thinking of a linguistic personality. In: *Zhanry rechii: Sbornik nauchnykh statei. Pamyati K. F. Sedova* [Speech Genres: Collection of scientific articles. In memory of K. F. Sedov]. Vol. 8. Saratov, Moscow. pp. 385–390 (in Russ.).
- Kvyatkovskii, A. P., 1966. *Poeticheskii slovar'* [Dictionary of poetic]. Moscow (in Russ.).
- Krongauz, M. A., (in press) *Novye poeticheskie zhanry v internete: mekhanizmy yumor* [New poetic genres on the Internet: mechanisms of humor] (in Russ.).
- Kurganov, E., 2014. *Anekdot kak zhanr russkoi slovesnosti* [Anecdote as a genre of Russian literature]. Moscow (in Russ.).
- Lendvai, E., 2001. *Pragmalingvisticheskie mekhanizmy sovremennogo russkogo anekdota* [Pragmalinguistic mechanisms of a modern Russian joke]. PhD. Moscow (in Russ.).
- Neklyudov, S. Yu., 1995. After folklore. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1, pp. 2–4 (in Russ.).
- Petrenko, S. N., 2014a. Pies and powders: network poetry between folklore and literature. *Izvestiya VGPU*, 2, pp. 129–134 (in Russ.).
- Petrenko, S. N., 2014b. On the specifics of the generation of new genres of Internet folklore: poems — powders. *Izvestiya VGPU*, 2, pp. 193–197 (in Russ.).

Petrenko, S.N., 2017. *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoi postmodernistskoi literature poslednei chetverti XX – nachala XXI veka* [Genre models of post-folklore in Russian post-modern literature of the last quarter of the 20th – beginning of the 21st centuries]. PhD. Volgograd (in Russ.).

Sakhanenko, V., 2009. *Nepoeziya: izbrannye pirozhki* [Neo-Poetry: selected pies]. Minsk: Logvonov I.P. (in Russ.).

Chemezova, I.A., 2019. Fatal craving for creativity, or precedent language game in Internet communities (on the example of the community "Powders"). *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa»* [Ural Philological Bulletin. Series "Language. System. Person: Creative Linguistics"], 2 (28), pp. 151–161 (in Russ.).

Shchukina, K.A., 2015. Case Studies in Pies and Powders – New Genres of Modern Internet Poetry. *Mir russkogo slova* [World of Russian Word], 4, pp. 49–54 (in Russ.).

Shchurina, Yu.V., 2014. Classification of comic speech genres of the communicative space of the Internet. *Izvestiya VGPU*, 2 (87), pp. 39–43 (in Russ.).

Lakoff, G., Johnson, M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, London.

The author

Dr Maxim A. Krongauz, Head of the Laboratory of Linguistic Conflict Studies and Contemporary Communicative Practices, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

To cite this article:

Krongauz, M.A. 2019, Text reinterpretation and the motif of transformation in a short form of Internet poetry («poroshok»), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 109–126. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9.

РЕЦЕНЗИИ

Henzelmann M. Die Bunjewatzen. Ein kurzer Überblick über eine ethnische Minderheit in Serbien und die Herausbildung ihrer Mikroliteratursprache. – Leipzig: Biblion Media, 2016. – 132 S. – (Specimina Philologiae Slavicae; Bd. 190).

Автор рецензируемой монографии – немецкий славист и романист Мартин Хенцельманн, сотрудник кафедры славянской филологии Гамбургского университета, специалист в области славянских литературных микроязыков и языковых меньшинств. Главная особенность книги заключается в том, что это первая немецкоязычная монография, полностью посвященная вопросу формирования литературного микроязыка у буневцев в Воеводине – автономном регионе в северной Сербии.

Первая глава монографии описывает сложную историческую ситуацию, складывавшуюся у буневцев. По разным причинам эта маленькая народность католического вероисповедания переселилась в разные миграционные волны из Герцеговины в Воеводину. Сегодня, согласно статистике, более 16 тыс. человек в Сербии декларируют себя как самостоятельную народность – буневцы, а другая часть потомков буневцев считает себя хорватами. Подход автора однозначен: он рассматривает лишь ту совокупность буневцев, которые определяют себя как отдельную народность, потому что исключительно в их среде происходит работа с целью стандартизации собственного языка (с. 25–26).

Центральной для данного исследования является вторая глава «Das Bunjewatzische: Eine slavische Mikroliteratursprache?» (с. 27–108). Здесь автор подробно анализирует ситуацию языкового развития буневцев в Сербии, обширно комментирует теорию славянских микроязыков и описывает организованный процесс при разработке литературных норм у буневцев. Представлены свойства местных говоров, освещено желание местного населения стандартизировать свой язык, рассмотрены первые и современные письменные тексты на говорах так называемого икавского произношения. Хотя об этом написано уже много, научная новизна исследования М. Хенцельманна состоит в том, что он увязывает современную деятельность буневцев с теорией славянских микроязыков. Так, автор комментирует лингвистические особенности, которые прослеживаются в газетах и журналах буневцев с конца XIX века до наших дней, тщательно исследует сборники по литературе, детские журналы и другие публикации, рассматривает учебники для школьников, которые издавались с 2014 года. Но самым главным при анализе публицистической деятельности буневцев можно назвать тот факт, что значительная часть местного населения поддерживает развитие и введение в школе собственного (буневского) языка. Поэтому автор исследования делает акцент и на том, что местные буневские активисты борются за стандартизацию и равноправие своего языка в мозаике штокавских литературных (и, конечно же, политических) языков.

В заключении автор обобщает проблематику, связанную с разработкой славянских литературных микроязыков и сложностью их классификации. Примечательно, что именно современные тенденции развития в общественной жизни буневцев, их малая численность, а также их подход к стандартизации родного языка — это те критерии, которые позволяют считать буневский славянским литературным микроязыком. Исходя из этого, автор предлагает продолжить исследования, связанные с изучением буневского на фоне других славянских литературных микроязыков (с. 113).

Данная монография в целом, бесспорно, представляет собой ценный вклад в изучение славянских литературных микроязыков, теорию их развития, анализ их особенностей, а также способствует изучению практики употребления литературно-языковых норм и их документирования. Книга интересна и тем, что знакомит читателя с малочисленной и малоизвестной в Европе группой буневцев, а также в общих чертах раскрывает процесс стандартизации их языка. Хочется подчеркнуть, что материал в данном труде собран исключительно качественно и прекрасно структурирован. Необходимо положительно отметить, что М. Хенцельманн весьма активно занимается вопросом формирования славянских литературных микроязыков и смело проявляет свое уважение к буневцам в Сербии, которые, несмотря на все сложности, культивируют свой родной язык и требуют права на его стандартизацию. Мы считаем, что дальнейшие публикации в области изучения меньшинств и их языков должны в обязательном порядке учитывать рецензируемую монографию и изложенные в ней вопросы.

Об авторе

Димитр Веселинов, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского, Болгария.

E-mail: d_vesselinov@yahoo.fr

Для цитирования:

Веселинов Д. [Рецензия] // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 127–128. Рец. на кн.: Henzelmann M. Die Bunjewatzen. Ein kurzer Überblick über eine ethnische Minderheit in Serbien und die Herausbildung ihrer Mikroliteratursprache. Leipzig: Biblion Media, 2016. 132 S. (Specimina Philologiae Slavicae; 190). doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-10.

The author

Prof. Dimitar Vesselinov, Sofia University 'St. Kliment Ohridski', Bulgaria.

E-mail: d_vesselinov@yahoo.fr

To cite this article:

Vesselinov, D. 2019, Henzelmann M. Die Bunjewatzen. Ein kurzer Überblick über eine ethnische Minderheit in Serbien und die Herausbildung ihrer Mikroliteratursprache. Leipzig: Biblion Media, 2016. (Specimina Philologiae Slavicae; 190), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 127–128. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-10.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи — до 1,5 п. л.; научного сообщения — до 0,5 п. л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;

- аннотацию на русском и *summary* на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, *summary* — после статьи перед *references*;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и *references* на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем — на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148 – 167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D.A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K.G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлекцией.

9. После принятия редколлекцией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;

- the title of the article in English and Russian, all lowercase;

- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;

- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;

- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;

- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

- References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

- If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sovjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priorityety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

- In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

- References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2019

Том
Vol. 10
№ 4

ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА

Вып. 1. Между миром и языком

Редактор *Д.А. Малеваная*. Корректор *С.В. Ильина*
Компьютерная верстка *Г.И. Винокуровой*

Editor *D. Malivanaya*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 18.11.2019 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,8
Тираж 120 экз. (1-й завод — 80 экз.). Заказ

Signed 18.11.2019
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 11,8
Edition 120 copies (first print: 80 copies). Order

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia